

Аграрная Россия:
история, проблемы, перспективы

Монография

Под общей редакцией
доктора экономических наук, профессора В.М.Володина

Пенза
Издательство Пензенского государственного
университета
2007

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой монографии анализируется развитие сельского хозяйства России во второй половине XIX – XX веке, и указываются приоритетные направления повышения эффективности функционирования агропромышленного комплекса в XXI веке. В работе предпринята попытка обобщить результаты исследований многих учёных-аграрников по вопросам экономики, агрономии, экологии и другим смежным дисциплинам. При этом развитие сельского хозяйства рассматривается в тесной связи с основными тенденциями развития экономики России, государственной политикой в аграрной сфере и с достижениями сельскохозяйственной науки. Особое внимание уделено авторами новейшему периоду развития сельского хозяйства.

Агропромышленный сектор традиционно являлся одной из ключевых отраслей экономики, оказывавшей решающее влияние на развитие всего народного хозяйства. При этом его роль и значение в народном хозяйстве постепенно менялись, что обусловило существование множества моделей организации сельскохозяйственного производства. Сельскому хозяйству довелось побывать как главным источником инвестиций и трудовых ресурсов для развития других отраслей экономики, так и основным получателем капиталов, технологии и государственной поддержки, постепенно уступающим свои позиции вторичному и третичному секторам. Однако даже в современных условиях, когда его доля в мировом валовом продукте уверенно сокращается, динамика сельскохозяйственного производства продолжает оказывать серьёзное влияние на мировую

экономику, а проблемы развития агропромышленного сектора привлекают пристальное внимание деловых кругов, правительств и учёных всего мира.

Аграрное развитие России сильно отличалось от развития сельского хозяйства стран Западной Европы. Эволюция русской деревни явилась, пожалуй, наиболее ярким образцом той роли, которую играет сельское хозяйство в странах, вставших на путь догоняющего развития, где на него возложены функции основного донора модернизационных проектов государства.

В странах, где индустриализация началась на рубеже XVIII–XIX веков, ускорению промышленного роста предшествовал процесс, получивший название «аграрная революция». Используемая в тот период техника была ещё традиционна для того времени. Но быстро распространялись знания об агрикультуре, выпускалось всё больше посвящённых этому предмету книг и статей, улучшалась техника обработки почвы, севооборот. Это позволяло беспрецедентно быстро, по нормам предшествующих эпох, повышать эффективность сельскохозяйственного производства. Появляются возможности расходовать высвобождающиеся в деревне ресурсы для создания промышленности, снабжения растущего городского населения продовольствием. Темпы роста производства в сельском хозяйстве были ниже, чем в промышленности. Однако по меркам того времени, они были высокими и устойчивыми. Так быстро на протяжении длительного периода сельское хозяйство не развивалось никогда ранее.

Роль государства в финансировании индустриализации в странах Западной Европы была невелика. О её обеспечении за счёт налогообложения крестьянства, направлении мобилизованных на этой основе ресурсов на государственные капиталовложения не могло быть и речи.

Старший сын крестьянина продолжал вести хозяйство, его младшие братья искали работу в городе. Массовая миграция из Европы в Америку, во многом обусловленная стремлением сохранить положение крестьянина, фермера, нежелание стать промышленным рабочим – наглядное свидетельство

позитивной оценки сельскохозяйственного труда на протяжении десятилетий индустриализации.

В странах догоняющей индустриализации, в том числе и в России, события развивались иначе. Здесь роль государства в ускорении промышленного развития была значительно выше. Государственные индустриальные и военные проекты необходимо было финансировать. В этих условиях именно деревня становилась важнейшим источником инвестиций.

Эти тенденции отчётливо проявились уже в царской России. То, например, в какой степени переобложение крестьянства сдерживало аграрное развитие России во второй половине XIX – начале XX века, до сих пор остаётся предметом дискуссии учёных. Однако связь сохранения общины в течение десятилетий после отмены крепостного права с фискальными соображениями, стремлением использовать круговую поруку как инструмент налогообложения, помогающий обеспечивать финансовыми ресурсами железнодорожное строительство, очевидна. Всё же политика царского правительства не вела к аграрному кризису, при котором промышленное производство растёт на фоне сокращения сельскохозяйственного.

Модель догоняющей индустриализации, тем не менее, создавала политические риски. Революции 1905–1907 и 1917–1921 гг. были вызваны, прежде всего, реакцией крестьянства на процессы догоняющей индустриализации. Последняя из них вообще положила конец царскому режиму, опиравшемуся в значительной степени на столь ненавистное крестьянам крупное помещичье землевладение.

Однако новый советский режим, установившийся в результате революции 1917–1921 гг., не только не отказался от политики финансирования индустриализации, армии, колоний и прочих имперских проектов за счёт сельского хозяйства, но и, как только достаточно окреп к концу 1920-х гг., взялся за это с удесятёрённой силой. Процесс изъятия ресурсов из деревни стал несоизмеримо более интенсивным и масштабным. Коллективизация, лишение крестьян свободы передвижения, выбора места работы и

проживания, принудительная работа, за которую не платят, необходимость кормить семью за счёт личного подсобного хозяйства, на которое во второй половине 1940-х годов налагаются высокие натуральные и денежные налоги, равнозначны восстановлению крепостного права. Такая полуфеодальная (с учётом существования МТС и совхозов) система, утвердившаяся в русской деревне, позволила в беспрецедентных в мировой истории масштабах перераспределять ресурсы деревни в пользу города. Платой за это стали не только аграрный кризис, сокращение сельскохозяйственного производства, полуголодное существование деревни, регулярно перераставшее в приступы голода, уносившие миллионы человеческих жизней, но и глубокая эрозия трудовой этики крестьян.

Поздний советский период (1953 – 1991 годы) отмечен радикальным поворотом в аграрной политике советского режима. Советское правительство сначала отказывается от наиболее одиозных форм выкачивания ресурсов из деревни, а с середины 1960-х годов берёт курс на интенсификацию аграрного производства, направляя в сельское хозяйство всё увеличивающийся поток инвестиций. Из основного донора народного хозяйства деревня превратилась в один из важнейших объектов государственных инвестиций и дотаций. При этом одним из важнейших источников финансирования деревни становятся сверхдоходы от нефтяного экспорта в условиях благоприятной конъюнктуры мирового рынка в 1970-е – первой половине 1980-х годов. Это делает брежневский период временем самого быстрого развития производительных сил сельского хозяйства за всю историю России. Государство в этот период сумело разработать и осуществить ряд крупных инвестиционных проектов в аграрной сфере. Советское правительство также приступает к крупномасштабным закупкам продовольствия за рубежом для покрытия дефицита продуктов питания и комбикорма на внутреннем рынке.

Вместе с тем сохранение доминирования в аграрном производстве прежней сверхмонополизированной государственной колхозно-совхозной системы явилось серьёзной преградой на пути повышения мотивации работы

персонала сельскохозяйственных предприятий, качества управления ими и эффективности их работы. Это вело к консервации старых технологий производства и управления. Новая модель развития советского аграрного сектора к тому же оказалась чрезвычайно зависимой от государственной поддержки, что делало функционирование отрасли крайне неустойчивым. Окрепшее в данный период аграрное лобби успешно блокировало робкие попытки не только корректировки сложившейся модели развития сельского хозяйства, но и самого обсуждения этой проблемы. К середине 1980-х годов стало очевидным, что дальнейший рост производства изменения важнейших хозяйственно-правовых принципов функционирования отрасли. Однако сколько-нибудь серьёзных шагов в этом направлении не предпринималось на всём протяжении горбачёвской перестройки.

Неудивительно в этой связи, что резкое падение цен на нефть в середине 1980-х годов, приведшее к коллапсу советской экономики и к неизбежному сокращению финансирования агропромышленного комплекса, застало сельское хозяйство России врасплох. Вместе со всей экономикой страны аграрный сектор вошёл в начале 1990-х годов в стадию жесточайшего затяжного структурного кризиса, отбросившего его к уровню производства 1950-х годов. Оттягивание реформ на протяжении 1980-х годов обернулось в 1990-е необходимостью адаптации отрасли к новым условиям хозяйствования в самой жёсткой и неблагоприятной для неё обстановке.

В начале XXI столетия руководство России приходит к пониманию необходимости государственной поддержки сельского хозяйства. Президент РФ

В. В. Путин выступает с амбициозной программой удвоения ВВП, где роль сельского хозяйства бесспорна, осуществляются национальные проекты, предусматривающие подъем отрасли.

В XXI веке агропромышленный комплекс оказался перед стратегическим выбором, который определит судьбу страны на ближайшие десятилетия. Исходными предпосылками для такого выбора являются:

- достигшее критического уровня старение почти не обновлявшихся в 90-е годы XX в. производственных фондов, которые не позволяют в достаточной мере производить продукты питания для населения страны;
- ослабление некогда мощного научно-технического потенциала, многократное уменьшение вложений в сельскохозяйственную науку и инновации, старение кадрового состава, массовый отток аграрных специалистов в другие отрасли хозяйства;
- предстоящее ужесточение конкуренции на мировом рынке продовольствия в результате перехода к новым технологиям, что угрожает надолго отбросить Россию на периферию мирового научно-технологического процесса.

Выбор предстоит между двумя магистральными путями научно-технического и инновационного развития и участия государства в их реализации.

Первый – инерционный путь, продлевающий на годы ныне преобладающие тенденции, дальнейшее свертывание научно-технического и инновационного потенциалов, курс на «удержание позиций», отказ от реальной государственной поддержки базисных инноваций.

Второй – путь реализации стратегии научно-технологического инновационного прорыва, концентрации ресурсов на развитие и реализацию узкого круга приоритетов научно-инновационной политики, освоения перспективных рыночных ниш, придания инновационного характера инвестициям и поэтапной модернизации на этой основе основных фондов сельского хозяйства.

Время для выбора стратегии невелико – всего несколько лет, после чего негативные тенденции станут необратимыми, и останется единственный инерционный путь со всеми его долгосрочными разрушительными последствиями для экономического и социального развития агропромышленного комплекса страны.

Понятно, что только второй путь обеспечивает научно-технологическое возрождение сельского хозяйства в современных условиях.

Однако в условиях ограниченности ресурсов как у государства, так и у сельскохозяйственных предприятий невозможно осуществить широкий научно-технологический прорыв. Речь может идти, поэтому, только о селективной научно-технической и инновационной политике, о концентрации ресурсов на узких полях стратегического прорыва, которые имеют ключевое значение для перспектив социально-экономического развития аграрного сектора и опирающиеся на научные фундаментальные заделы, что позволяет в короткие сроки достичь заметных успехов.

Поэтому перечень критических (базовых) технологий должен быть сужен и увязан с выбранными приоритетами, стать реальной основой для научно-технических и инновационных программ с реальной государственной поддержкой.

Это не исключает инициативного научного поиска за счет средств научных фондов и широкого поля инноваций, осуществляемых предпринимателями за счет собственных средств, под свою ответственность на началах рыночной конкуренции.

Научно-технологический прорыв не может быть осуществлён без ведущей роли государства, которое должно обеспечивать адресный характер государственной поддержки, гарантию предоставления поддержки производителям сельскохозяйственных продуктов с учётом требований ВТО.

ГЛАВА 1. ПРИРОДНО-РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

Оценки природно-ресурсного потенциала довольно противоречивы, часто искажаются как в сторону завышения, так и особенно в сторону занижения. Причины противоречий связаны обычно с несовпадением почвенных условий возделывания сельскохозяйственных культур с климатическими и широким агроэкологическим разнообразием зон и ландшафтов.

В России самое северное земледелие, оно все находится в зоне риска. На преобладающей части территории страны возможности ведения сельского хозяйства ограничены климатическими условиями: недостаточно тепло- и влагообеспеченности. Общая территория России составляет 17 075,4 тыс. км², в том числе: леса – 45 %, сельскохозяйственные угодья – 13 %, оленьи пастбища – 19 %, прочие земли – 19 %, воды – 4 %. Территория России расположена в центре обширного континентального массива. Климатические и почвенные зоны простираются преимущественно в широтном направлении, что связано с распределением солнечной радиации и постепенном уменьшении увлажнения при движении к югу.

При огромной площади земельного фонда России доля сельскохозяйственных угодий составляет менее 13 % при относительно небольшом резерве земель, которые могут быть вовлечены в сельскохозяйственный оборот. Из общей площади почв 10,6 % составляют тундровые и арктические почвы, 13,2 % северо-таежные глеево-подзолистые почвы, 34,6 % почвы горных районов, т.е. более половины почв при современном уровне развития сельского хозяйства являются практически непригодными для его ведения. На эту территорию приходится всего лишь 2,5 % пашни. Более 90 % пашни сосредоточено на территории, составляющей ¼ часть России. Это зона черноземных почв лесостепи и степи, зона дерново-подзолистых и серых лесных почв. По природному богатству почв в

отношении потенциального плодородия Россия сильно выделяется среди большинства других стран мира. Более 80% пашни располагается на черноземных, лугово-черноземных, серых лесных, темно-каштановых, пойменных и других темноцветных почвах. При этом доля в пашне самых пшеничных почв мира – черноземов составляет около 53 %.

В зависимости от степени континентальности климата, зимнего промерзания и летнего прогревания почв, глубины их увлажнения, характера расхода влаги на потребление живыми организмами и испарение выделяют агроклиматические зоны. Они совпадают примерно с природными зонами. На территории России выделяют следующие агроклиматические зоны:

Холодный пояс. Сюда входят полярно-тундровая, северо-таежная почвенные зоны защищенного земледелия.

1. Полярно-тундровая зона избыточно влажная, не обеспеченная теплом для земледелия. Теплообеспеченность менее 400°С. Влагообеспеченность более 1,0. Южная граница проходит в средней части Кольского полуострова, через устье Мезени, близ южной оконечности Обской губы, дельты Лены, по побережью Берингова пролива, включая бассейны рек Анадыри и Пенжины. Среди тундровых глеевых почв преобладают суглинистые и глинистые, почти постоянно переувлажненные, холодные в течение вегетационного периода. Эти почвы характеризуются наличием многолетней мерзлоты в нижней части почвенного профиля, малой мощностью гумусо-торфянистого горизонта, высокой кислотностью, постоянной оглеенностью, бедностью питательными элементами ввиду медленной минерализации органического вещества. Типично также пучение в период замерзания, вызывающее образование микрорельефа. В агрономическом отношении благоприятнее тундровые супесчаные и песчаные почвы, более сухие и теплые.

2. Северотаёжная зона включает полосу редколесий и лесотундру, для земледелия мало обеспечена теплом. Отличается избыточно влажным климатом (в направлении на восток менее влажным). Южная граница проходит через Медвежьегорск, Ухту, южнее Березова, около устья

Нижней Тунгуски, южнее Жиганска. Теплообеспеченность составляет 400–1 200 °С. Влагообеспеченность 1,33–0,44.

Умеренный пояс включает среднетаежную, южнатаежную и лесную, лесостепную и степную, засушливую степную, полусухую почвенные зоны.

1. Среднетаежная зона очагового земледелия и животноводства, недостаточно обеспеченная теплом. Теплообеспеченность составляет 1 000–1 600 °С. Влагообеспеченность 1,33–0,44. Преобладают суглинистые и глинистые подзолистые почвы. В зоне, возможно, возделывать скороспелые сорта ржи, овса, овощей и картофеля. Южная граница пересекает Карельский перешеек, проходит севернее Вологды, Кирова, Тобольска на Витим и Олекминск.

2. Южнатаежная зона, обеспеченная влагой земледелия нечернозёмной полосы. Теплообеспеченность составляет 1 400–2 800 °С. Влагообеспеченность более 1,0. Южная граница проходит по р. Оке до Нижнего Новгорода, севернее Казани, через Ижевск, севернее Екатеринбурга, Тюмени, Томска на Енисейск и далее к Иркутску.

3. Лесная зона не имеет сплошного широтного распространения и приурочена к влажным окраинам умеренного пояса, в частности Амуро-Уссурийском крае. Почвы бурые лесные, подзолисто-буроземные, глубоко промерзающие. На Зейско-Буреинской равнине и близ озера Ханка встречаются лугово-дерновые черноземовидные почвы с хорошо развитыми гумусовыми горизонтами, получившие название «амурские черноземы». Наиболее распространены яровые зерновые, рис, соя и др.

Лесостепная зона характеризуется не всегда достаточным увлажнением, особенно в центральной и восточной частях. Южная граница проходит через Самару, Петропавловск, Омск, Барнаул, к предгорьям Алтая. Почвенный покров сложный, сформированный под степными и лесными растительными группировками. Почвы черноземы, серые лесные. В земледелии используются, прежде всего, черноземы, местами нуждающиеся в мероприятиях по влагонакоплению (в сухие годы) и борьбе с эрозией почв.

Распахиваются также серые лесные почвы, частично нуждающиеся в известковании и противоэрозионных мероприятиях.

4. Степная зона характеризуется более сухим климатом. Южная граница проходит через Мелитополь, Майкоп, Грозный, далее через Элисту, западнее Волгограда к Саратову, затем южнее Оренбурга, по границе с Казахстаном. К востоку от Алтая среди гор встречаются только отдельные степные районы: Южно-Минусинский, Тувинский, Бурятский, Читинский. Почвенный покров складывается из обыкновенных и южных черноземов, главным образом тяжелого и легкого гранулометрического состава, солонцеватых черноземов, включая солонцы и лугово-черноземных почв, пойменных, луговых и болотных почв.

5. Сухостепная зона узкой полосой тянется вдоль южной границы степной зоны, проходящей через Ставропольский край, Волгоградскую область, Заволжье и Центр. Преобладающие почвы – темно-каштановые и каштановые тяжелого и легкого гранулометрического состава.

Тёплый пояс включает сухую орошаемую и полусухую зону богарного земледелия, пустынная и полупустынная, с теплообеспеченностью от 4000 до 5400 °С и влагообеспеченностью менее 0,33. В сухой полосе зоны возделываются среднепоздние сорта хлопчатника, два урожая в год культур умеренного пояса. В южной части возделываются позднеспелые сорта хлопчатника, 2-3 урожая культур умеренного пояса в год. Субтропические многолетники в местах с очень мягкой и теплой зимой.

С 1998 г. по 2004 г. площадь сельхозугодий в Российской Федерации сократилась на 12,4 млн. га. Это в основном пахотные угодья с почвенным покровом низкого качества, а пашни на – 7,0 млн. га.; по сравнению с 1970 г. эти цифры соответственно составляют: 25 и 13 млн. га (табл. 1).

Расчёты, проведенные в конце 1970-х годов (Потехина Т. В., 1978) показывали, что для удовлетворения потребности России в сельскохозяйственной продукции и сырье необходимо было довести к 1990 г.

площадь сельскохозяйственных угодий, до 221 млн. га, из них 135,8 млн. га пашни.

Таблица 1 – Состав сельскохозяйственных угодий Российской Федерации, млн. га

Показатели	1998 г.	2000 г.	2004 г.
Всего	206,2	197,6	193,8
В том числе:			
пашня	124,5	120,8	117,5
залежи	2,1	2,3	3,0
Многолетние насаждения	1,9	1,8	1,8
Кормовые угодья	77,6	72,6	71,5

Сокращение пашни происходит повсеместно, но особую тревогу вызывает сокращение высокопродуктивной пашни в Поволжском и Южном федеральных округа (до 12–15 % и более).

Посевная площадь в Российской Федерации к 2003 г. в сравнении с 1990 г. сократилась на 38,8 млн. га. Резкое снижение площадей занятых зерновыми и кормовыми культурами (табл. 2).

Таблица 2 – Посевные площади сельскохозяйственных культур в РФ, млн. га

Показатели	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2003 г.
Вся посевная площадь	117,7	102,5	85,4	78,9
В том числе:				
Зерновые культуры	63,1	54,7	45,6	42,5
Технические	6,1	6,5	6,5	7,1
Картофель и овоще-бахчевые	4,0	4,3	4,2	4,1
Кормовые культуры	44,6	37,0	29,1	25,2

На 01.01.2003 г. в целом по Российской Федерации незасеянными остались 39 млн га, или 32 % пашни. Количество собственно неиспользованной пашни (без учет; чистых паров) по округам Федерации колебалось в пределах; 14–45 %. Наибольшее количество таких земель было в Уральском (28%), Северо-Западном (29 %) и Дальневосточное (45 %) федеральных округах (табл. 3).

Таблица 3 – Использование пашни в Российской Федерации, 2003 г.

Федеральный округ	Пашня	Посевы		Чистые пары	Неиспользуемая пашня
		всего	Многолетние травы		
	Млн. га %				
Российская Федерация	117,9	78,9	13	13	19
Центральный	29,3	14,0	18	14	18
Северо-Западный	3,5	2,2	44	3	29
Южный	22,8	15,3	3	15	18
Приволжский	35,5	22,7	14	15	14
Уральский	8,9	5,6	13	9	28
Сибирский	22,4	15,9	13	13	18
Дальневосточный	2,7	1,3	10	3	45

Причины выбытия сельскохозяйственных земель из оборота связаны с социальными, экологическими и техническими причинами. По субъектам Российской Федерации относительный разброс неиспользованных площадей зависит от комплекса экономико-социальных причин. Например, в Московской и Ленинградской областях не засеяна пашня соответственно на площади 18 и 11 %. В соседних, экономически более слабых – Смоленской, Калужской и Новгородской областях – 42–43 %. В сохранивших сельское население республиках: Чувашской, Марий Эл, Татарстане незасеянными остались 10–12, в обезлюдевших – 25–30 %.

В результате во многих небольших населенных пунктах (особенно в Нечерноземье) резко сократилось трудоспособное население. Крупные массивы удобно расположенных земель превратились в «дальноземелье» для больших сельских поселений. В изменившихся условиях эти земли сложно и невыгодно обрабатывать и их часто не используют даже по, кормовые угодья. Существуют регионы, особенно удаленные от больших городов, где нет социального заказа на сельскохозяйственную продукцию, и население оказывается, вне сферы производства. К экологическим причинам исключения пашни из использования относятся естественные деграционные процессы и почвах России, техногенное загрязнение.

Качественный состав почв в России показана в таблице 4. В результате массовой распашки земель происходит усиление поверхностного стока, со

снижением грунтового стока и соответственно увеличение засушливости территорий. В результате усиливаются окислительные процессы в почвах, снижается содержание в них гумуса. На огромных площадях развивается водная и ветровая эрозия. В целом по Российской Федерации почти 29 % сельскохозяйственных угодий развивается или водная или ветровая эрозия. С увеличением распаханности территории интенсивность деградации почв повышается. Распашка значительной части солонцовых, литогенных, эрозионных, переувлажненных почв сопровождается ухудшением их свойств.

Таблица 4 – Площади сельскохозяйственных земель Российской Федерации подверженных деградационным процессам

Экономический район	Сельхоз-угодья, тыс. га	Переувлажнённые	Эродированные	Дефлированные	Засолённые и засолено-солонцеватые
		от сельскохозяйственных угодий, %			
Северный	2885	29,8	5,4	0,3	0,8
Северо-Западный	4076	26,7	6,3	-	-
Центральный	20614	20,4	15,6	0,1	
Волго-Вятский	10104	14,3	24,8	-	
Центрально-Черноземный	13436	4,5	26,4	2,6	1,9
Поволжский	40639	3,3	26,6	12,7	37,4
Северо-Кавказский	24778	8,5	27,3	22,6	21,1
Уральский	35312	6,5	25,9	7,2	14,8
Западно-Сибирский	34434	20,3	6,6	12,9	35,1
Восточно-Сибирский	23196	7,8	9,8	14,3	3,8
Дальневосточный	7932	36,5	7,0	0,8	4,3
Российская Федерация	217406	11,8	19,1	9,8	18,1

Кроме эродированных, весьма велика доля эрозионно-опасных почв, насчитывающих в составе сельхозугодий 66 млн. и в пашне 50 млн. га, в составе которых преобладают дефляционноопасные. Благодаря освоению почвозащитной системы земледелия в засушливых районах страны темпы ветровой эрозии значительно снижены, в то время как водная эрозия продолжает активно развиваться.

И результате нерационального использования земель, чрезмерных антропогенных нагрузок, превышающих порог устойчивости природных экосистем, в полуаридных и аридных районах развивается опустынивание.

В последние два десятилетия в качестве прогрессирующего антропогенного фактора воздействий на почвы выдвинулось переуплотнение, которое ведет к значительному снижению урожайности сельскохозяйственных культур и увеличению расхода горючего для обработки почв. Главная причина переуплотнения почв – применение тяжелых машин. Наиболее сильное уплотнение наблюдается на тяжелых по гранулометрическому составу почвах, на осушенных почвах, а также при орошении. Расширились площади кислых почв в Черноземной зоне, а для значительной площади черноземов возникла необходимость их известкования.

Первым лимитирующим фактором производительности большинства почв является недостаток подвижных элементов минерального питания растений: в первую очередь - азота, затем фосфора и в меньшей степени калия. Поставку минеральных удобрений за перестроечные годы снизились более чем в 10 раз. Резко сократилось применение органических удобрений.

Уменьшение поставок агрохимических ресурсов сельскому хозяйству означает не только снижение урожайности сельскохозяйственных культур, падение которой как-то сглаживалось созданными ранее запасами питательных веществ почвах, но и усиление деградационных процессов.

Особенно напряженная ситуация складывается в таежно-лесной зоне, где созданные усилиями человека окультуренные дерново-подзолистые почвы в условиях сокращающегося применения извести и удобрений возвращаются в исходное или близкое к нему состояние под влиянием элювиальных процессов.

При достаточно высокой фактической обеспеченности пашней, обеспеченность с учетом биологической продуктивности в России оказывается невысокой, что требует более полного использования агроресурсного потенциала их. Биологический потенциал почв в США в

среднем почти в два раза (1,87) выше, чем у нас. По другим оценкам биологический потенциал в 2,7 раза ниже. В книге П. Ф. Лойко «Земельный потенциал мира и России: пути глобализации его использования в XXI веке» приведен «коэффициент биологической продуктивности» почв разных стран. Этот показатель для России принят равным 100. В США он составляет 187, а Западной Европе – около 150, в Индии – 363, а в Индонезии – 523. С использованием этого коэффициента пересчитана обеспеченность жителей разных стран пахотной землей с одинаковой биологической продуктивностью (табл. 5).

Таблица 5 – Обеспеченность пахотными землями на одного жителя с учетом биологической продуктивности (оценка на 1995 г)

Страны	Показатель биологической продуктивности	Пашни на 1 жителя в физических га	Пашни на 1 жителя в эквивалентных га
Россия	100	0,87	0,87
Индия	363	0,18	0,65
США	187	0,70	1,31
Бразилия	449	0,34	1,53
Куба	468	0,35	1,64

Вследствие климатических и прочих условий энергоемкость сельскохозяйственного производства в России в 4 раза выше, чем в США, а металлоемкость – в 5 раз. Эти неблагоприятные стартовые различия периодически усиливались в результате разрушения и ослабления материально-технической базы, сокращения трудовых ресурсов. За прошлое столетие США создали специфическую аграрную систему, которая наименее эффективна из всех известных в наше время. Согласно докладу А. Кинга Римскому клубу (1990) в сельском хозяйстве США затрачивается 6 калорий энергии минерального топлива на получение одной пищевой калории. Американский эколог и экономист Одум приводит другую величину – 10 калорий топлива на 1 пищевую калорию. Такой подход неприемлем в качестве стандарта ведения сельского хозяйства.

Следовательно, почвенный покров РФ характеризуется множеством разнообразных параметров, в том числе неблагоприятных. Однако основными факторами, ограничивающими потенциал продуктивности пашни, являются климатические. Дефицит тепла оказывается главным лимитирующим фактором возделывания кукурузы на зерно, сахарной свеклы, сои, подсолнечника и других теплолюбивых культур более чем на половине площади пахотных угодий страны. Около 10 % пашни находится на территориях, крайне слабо обеспеченных влагой. Агроклиматические ресурсы отдельных экономических районов представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Агроклиматические условия растениеводства России

Районы	Длительность безморозного периода	Сумма активных температур воздуха за вегетационный период	Количество осадков, мм
Северный	60-135	0-1 800	300-600
Северо-западный	120-140	1 400-1 950	500-700
Центральный	140-155	1 650-2 300	450-700
Волго-Вятский	105-135	1 600-2 350	450-600
Центрально-Чернозёмный	135-170	2 250-3 450	450-600
Поволжский	108-195	1 800-3 500	200-700
Северо-Кавказский	165-210	1 200-3 600	250-800
Уральский	80-145	1 200-2 800	250-700
Западно-Сибирский	60-120	100-2 200	250-700
Восточно-Сибирский	58-108	1 000-1 900	200-800
Дальневосточный	58-135	800-200	250-800

В России громадная территория умеренного пояса приходится на холодно-умеренный подпояс относительно малопродуктивных культур (зерновые колосовые). Более же обеспеченная теплом его часть (умеренный подпояс), где можно возделывать более позднеспелые культуры повышенной и высокой продуктивности (кукуруза на зерно, сахарная свекла с полным созреванием, рис и др.) недостаточно обеспечена влагой. В США умеренный пояс представлен вторым более обеспеченным теплом, подпоясом, где можно возделывать культуры повышенной и высокой продуктивности. Увлажнение подпояса преимущественно достаточное и начинается от северной границы США. Климатические условия США производительнее, чем в СССР, в 2,2

раза. Без холодного неземледельческого пояса климатические условия США производительнее, чем условия СССР, в 2,7 раза и это еще без учета того, что районы теплого и жаркого пояса отошли в состав других государств.

Агроклиматические условия растениеводства России почти вдвое меньше по сравнению со странами западной Европы и США (табл. 7). В США, Европе сельскохозяйственный период – десять месяцев, а в России – пять. В Европе не работают только в декабре и январе. В ноябре, например, можно сеять озимую пшеницу. В феврале проводить другие работы. Российский же крестьянин имеет на пашенные работы, кроме обмолота зерна, сто дней.

Таблица 7 – Агроклиматические условия растениеводства России и других регионов мира (Агроклиматический атлас мира, 1972)

Показатель	Россия	Западная Европа	Северная Америка
Длительность безморозного периода	90–180	150–240	150–240
Сумма активных температур воздуха за вегетационный период	1 000–4 000	2 500–6 500	2 500–8 000
Количество осадков, мм	250–600	900–1 000	800–1 000

Среди острых проблем, которые стоят перед человечеством, важное место занимает сохранение ландшафтного и биологического разнообразия при возрастающем антропогенном воздействии, влияние которого прослеживается на всех уровнях организации ландшафтной оболочки — глобальном, региональном (провинциальном), локальном. Это происходит в условиях меняющегося климата в сторону потепления под воздействием возрастающего эффекта антропогенных источников парниковых газов (Величко А. А, 2002).

Наиболее чувствительны к климатическим изменениям экосистемы зональных экотонов – лесостепь, сухая степь, северная полупустыня.

В бассейне Среднего Дона и на юге Приволжской возвышенности 9 тыс. лет назад господствовал климат лесостепи (Лопатников М. Н, 1959). Древесная растительность была представлена березой и сосной. На низких элементах рельефа – богато-злаково-разнотравная степь. В течение

последнего тысячелетия климат постепенно меняется в сторону аридизации. Лесостепь сменяется кустарниковой и злаково-разнотравной степью на обыкновенных и южных черноземах. В последующие эпохи голоцена периодизация циклов смещения ландшафтных зон в широтном направлении происходила с интервалом 400-500 лет и 550-600 лет. В последние 2 тыс. лет периодизация циклов протекала с интервалом 150-200 лет.

Агросфера России более подвержена различного рода воздействиям, в отличие от постиндустриальных стран так называемого «золотого миллиарда», где продуктивность сельского хозяйства гарантируется освоением высоких агротехнологий, исключительно высоким уровнем материально-технического обеспечения, создающих устойчивость системы порядка 70%, в отличие от наших 20 %.

Важным следствием глобального изменения климата являются существенные изменения физико-географической зональности России. По прогнозам Ю.А. Израэля и О.Д. Сиротенко (2003) резко сократится площадь полярно-тундровой зоны, таежная зона сместится к северу и также сократится по площади. Зона широколиственных лесов продвинется на север и восток и получит максимальное приращение, степная и лесостепная зоны также расширятся и распространятся к северу. В общем, площадь земледельческой зоны России в результате смещения физико-географических зон России возрастет в 1,5 раза. Увеличится также продолжительность вегетационного периода, ожидаемая скорость этого процесса составит 3,5 дня за каждые 10 лет.

В последние 10–15 лет вопросы глобального потепления применительно к возможным сценариям их влияния на агросферу анализировались достаточно много. Причем оценка этого влияния выявила наличие крайне полярных точек зрения: от «исторического шанса для России» до «абсолютного зла». Создан ряд иммитационных моделей,

концептуальных обобщений, предприняты попытки создания долгосрочных программ.

Романенко и др., (1996) высказали следующий сценарий с учетом современного состояния АПК:

В результате возрастания уровня засушливости в южных районах европейской территории страны можно ожидать снижение продуктивности сельскохозяйственных культур на 5–20 %. В Центральных районах ЕТС этот процесс скажется в меньшей мере, а в северной части Центрального района и в зоне Севера улучшение теплового режима при сравнительно незначительном снижении уровня атмосферного увлажнения, являющегося здесь достаточным, можно ожидать даже повышения продуктивности сельскохозяйственных угодий (при прочих равных условиях) на 5–10 %. Однако при этом необходимо учесть, что эта прибавка в сборе продукции составит лишь незначительную компенсацию большим потерям ее на юге страны.

В Сибири потепление климата (примерно на 200 °С активных температур) создаст более благоприятные условия для роста и развития растений, но возрастание уровня засушливости климата, особенно если это будет относиться и к весеннему периоду, не позволит обеспечить рост их урожайности. Продуктивность даже черноземов может здесь снизиться на 5–10 %, реже до 20 %.

На Дальнем Востоке улучшение теплового режима в период вегетации растений при сохранении необходимого уровня атмосферного увлажнения повлечет за собой повышение продуктивности сельскохозяйственных культур на 5–10 %, а по отдельным видам их (плодовые, ягодные, овощные) — на 20–25 %.

В целом по стране в результате изменения климата (без разработки и привлечения дополнительных привентивных мер) не следует ожидать существенного изменения состояния отрасли, потребует более полного

использования тепловых и наоборот экономного расходования водных ресурсов. Изменение климата является важным фактором изменения облика и утраты многих уникальных зональных и интразональных ландшафтов. Неоднозначно предсказуема роль его в возникновении катастроф от паводков, засух, заморозков, земельных трансгрессий, других экстремальных проявлений, что, в конечном итоге, приводит к возникновению эрозионных процессов, деградации почв, и, что весьма тревожно, опустыниванию огромных территорий в аридных регионах России, роста социальной напряженности.

В России агросфера более подвержена различного рода воздействиям, в сравнении с аграрно-развитыми странами, где высокая технологическая оснащенность обеспечивает устойчивость этой отрасли экономики в 3-4 раза больше нашей. В связи с этим детерминированно-предсказуемые прогнозы влияния изменений климата на эффективность сельскохозяйственного производства России, должны быть более сдержанно-консервативными, нежели благостными.

Адаптационные меры в связи с изменением климата могут носить следующие направления:

- совершенствование технологий;
- совершенствование приёмов и способов возделывания;
- развитие программ страхования от возможных рисков;
- управление финансами.

По мнению авторов, адаптация к изменяющемуся климату одновременно должна удовлетворять требованиям ведения устойчивого сельского хозяйства, а значит, способствовать развитию производства и совершенствования хозяйственной практики. Это предусматривает увеличение разнообразия сортов и видов культур, пород животных, рациональное размещение растениеводства и животноводства в связи с экономическими и экологическими рисками при изменении климата.

Литература

1. *Величко А. А.* Устойчивость ландшафтной оболочки и ее биоигеоразнообразие в свете динамики широтной зональности // Изв. АН СССР, сер. географ. – 2002, №5. С. 7–21.
2. *Глобальные проявления изменений климата в агропромышленной сфере* / Под ред. А.Л.Иванова. - М.: 2004, 332 с.
3. *Иванов А. Л., Кирюшин В. И., Краснощеков Н. В., Лачуга Ю. Ф., Орсик М. С., Овчаренко М. М.* О развитии агротехнологий и формировании государственной технологической политики// Доклад М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2005. – 116 с.
4. *Иванов А. Л.* Проблемы глобального проявления техногенеза и изменений климата в агропромышленной сфере // Тр. Всемирной конференции по изменению климата. - М.: 2004, с.339-346.
5. *Израэль Ю. А., Сиротенко О. Д.* Моделирование влияния изменений климата на продуктивность сельского хозяйства России. – Метеорология и гидрология, N.6, 2003. С. 5–17.
6. *Лопатников М. Н.* К истории растительности степной зоны Русской равнины // Ледниковый период на территории Европейской части СССР и Сибири. М.: Изд-во МГУ, 1959. С.227-259.
7. *Потехина Т. В.* К вопросу использования земельных ресурсов в сельском хозяйстве РСФСР / Материалы к конференции по повышению эффективности использования земельных ресурсов СССР и защите почв от разрушения (в 3-х томах. Т.1.). М.: АН СССР, 1978. С. 407–419.
8. *Природно-экономические условия ведения сельскохозяйственного производства в РСФСР.* Ч.1., М., 1986. – 300 с.
9. *Розов Н.* Почвенные зоны / Сельскохозяйственная энциклопедия. М.: Изд. Советская энциклопедия. Т.4. 1973. С. 1285-1295.
10. *Романенко Г. А., Комов Н. В., Тютюнников А. И.* Земельные ресурсы России, эффективность их использования. – М., 1996, 306 с.
11. *Романенко Г. А., Тютюнников А. И., Поздняков В. Г., Шутьков А. А.* Агропромышленный комплекс России. Состояние, место в АПК мира. М., 1999. 540 с.
12. *Шашко Д. И.* Агроклиматическое районирование СССР. М.: Изд. Колос, 1967. 335 с.
13. *Шашко Д. И.* Районирование агроклиматическое / Сельскохозяйственная энциклопедия. М.: Изд. Советская энциклопедия. Т.4. 1974, С. 262–268.

ГЛАВА 2. СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА К НАЧАЛУ XX ВЕКА

2.1. Сельское хозяйство в контексте социально-экономического развития России

Сельское хозяйство в пореформенной России продолжало оставаться доминирующей частью экономики, а аграрный вопрос являлся главнейшим в социально-экономической и политической жизни страны. Но для того, чтобы адекватно оценить происходившие в аграрном секторе в этот период перемены, выделить их специфику, нельзя ограничиваться лишь анализом расстановки социальных сил на национальной арене, роли сельскохозяйственного производства и природно-климатических особенностей страны. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что экономическое развитие России, как и многих других развивающихся стран в XIX–XX веках, происходило под серьёзным давлением фактора военной отсталости, а следовательно, и внешнеполитической угрозы.

Промышленный переворот и последовавшая за ним новая революция в военном деле сделали чрезвычайно актуальной для всех национальных правительств проблему военно-экономической мобилизации. Без создания мощного военно-промышленного комплекса не могло быть и речи о сохранении обороноспособности таких стран, а значит, и принадлежавших им империй, а нередко, и национальной независимости. Поэтому для большинства отсталых стран Центральной, Восточной и Южной Европы в XIX веке жизненно важным становится проведение ускоренной индустриализации. (Грациози, 2005, с. 81 – 136).

Ещё в 1960-е гг. американский экономист и историк Александр Гершенкрон отметил существование серьёзных различий в процессах индустриализации в развитых и отсталых странах. Чем более отстала страна, тем более вероятно, что её индустриализация начнётся с поспешного «большого рывка», задающего высокие темпы роста объёмов промышленного производства, тем выше будет в ней степень государственного вмешательства в экономику, тем значительнее будет упор на выпуск товаров производственного, а не потребительского назначения, тем сильнее будет давление на уровень потребления населения. Аграрные преобразования в таких странах становятся следствием, а не предпосылкой индустриализации. (Gerschenkron, 1965, p. 5–30).

Блестящим примером проводимой под покровительством государства ускоренной индустриализации во второй половине XIX века стало развитие Пруссии, а затем Германии. Немецкий пример, опиравшийся на теоретическое наследие Фридриха Листа, буквально заморозил представителей не только правящих кругов, но и представителей радикальной оппозиции во всех восточно- и южноевропейских странах. Немецкая индустриализация стала образцом для подражания для Австро-Венгрии, России, Италии, Испании, Турции. (Грациози, 2005, С. 89 – 106).

В отсталой России наиболее последовательным проводником идей ускоренной индустриализации явился министр финансов С. Ю. Витте (1892–1903). Правительство в лице Министерства финансов прибегло к целой системе «заменителей» отсутствовавших предпосылок для промышленного взлёта. В условиях узости внутреннего рынка, вызванной пережитками крепостничества, «заменителем» спроса населения на потребительские промышленные товары стал спрос государства на средства производства (казённые заказы), а «заменителем» рабочих кадров и развитой системы общего и технического образования – импорт современных технологии, оборудования и инженерных кадров из Западной Европы. Наконец, недостаток предпринимательских способностей в стране был

преодолен за счёт увеличения размеров предприятий и влияния государственной бюрократии. Реализация этой системы «заменителей» была обеспечена таможенным протекционизмом и обусловила повышенную концентрацию производства и выдающуюся роль иностранного капитала.

Однако привлекаемого иностранного капитала было недостаточно для проведения политики ускоренной индустриализации и поддержания имперского могущества. В этой ситуации сельское хозяйство явилось одним из важнейших источников накопления капитала, осуществлявшегося через усиление фискального гнёта, завышенные цены на промышленную продукцию, в частности в результате протекционистской таможенной политики, низкую заработную плату батраков, высокую арендную плату за землю. Если подавляющая часть экономической деятельности сосредоточена в деревне, то крестьяне – естественный объект налогообложения, необходимого для реализации государственных инвестиционных проектов.

К. Маркс (1961, т. 19, С. 422–441), анализируя развитие России во второй половине XIX века, приходит к выводу о повышении налогового бремени крестьян в результате реформы. В 1862 г. из общей суммы налогового обложения в России (прямые и косвенные налоги), а именно 292 млн. руб. 76 % (223 млн. руб.) ложатся на крестьян и ремесленников. Со временем это бремя еще более повышалось. Подушная подать с крестьян всех категорий, оброчная подать с государственных крестьян и государственный земский сбор с податных душ.

В 1863 г. подушная подать увеличилось на 25 коп., в 1867 г. – на 50 коп. Душевой сбор на государственные земские повинности с 1865 г. увеличился на 20 коп на душу и составлял в среднем 98 коп. на душу. Если подушная подать в 1852 г. приносила казне около 18,5 млн. руб., то в 1862 г. 28,5 млн. руб., в 1867 г. – 40,5 млн. руб., а к 80-м годам XIX в. она достигла 94,5 млн. руб. Оброчная подать с государственных крестьян с 1862 по 1867 гг. увеличилась с 25 256 тыс. до 335 648 тыс. руб. (более 1 руб. с души).

Государственные и удельные крестьяне в 37 губерниях выплачивали из так называемого чистого дохода 92,75 %, а на все другие нужды из дохода с сельского хозяйства они использовали только 7,25 %. Бывшие помещичьи крепостные платили из своего дохода с сельского хозяйства 198,25 %. Им приходилось отдавать правительству не только весь свой доход с земли, но почти столько же отдавать из заработков, которые они получали за разные работы.

Отметим также неблагоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру. Американская конкуренция снизила вдвое цены на хлеб на европейском рынке с 1860 по 1900 г. (Кабанов, 1993, С. 34). А доходы от экспорта хлеба являлись одним из основных источников капиталовложений в промышленность. Неудивительно, что весной 1891 г. министр финансов И. А. Вышнеградский заявил: «Сами не будем есть, но будем вывозить». Нужда в наличных деньгах для уплаты налогов, выкупных платежей вынуждала крестьянина продавать часть необходимой для внутреннего потребления сельскохозяйственной продукции.

Подобная политика привела к сверхэксплуатации и обнищанию деревни. По оценкам русских медиков, в конце XIX века Россия производила на душу населения только $\frac{3}{4}$ зерна, необходимого для полноценного питания её жителей. (Shanin, 1985, p. 146). (Неудивительно, что разразившийся в 1891 г. в стране голод унёс несколько десятков человеческих жизней.) В 1900 г. 30 % крестьянских хозяйств были безлошадными, 43 % имели только одну лошадь. В 1910 г. две трети всех используемых плугов были деревянными. Положение сельского хозяйства России было особенно удручающим на фоне аграрного производства в Западной Европе. В 1900 г. русские крестьяне использовали на одну десятину земли в среднем 0,43 пуда удобрений, а крестьяне в Германии – 10,2 пуда. (Milward, Saul, 1977, p. 375, 379).

Плачевное положение села в свою очередь отрицательно сказывалось и на развитии промышленности. Бедное сельское население не могло предъявить сколько-нибудь значительный спрос на промышленные товары.

Недоедание, нищета, неграмотность большей части русских и других поданных империи никак не способствовали расширению внутреннего рынка и накоплению капиталов, необходимых для инвестирования в тяжёлую промышленность. Узость внутреннего рынка представляла собою обратную сторону быстрого развития капитализма в России.

Бедность и нищета деревни отрицательно влияли и на городской рынок рабочей силы. Низкая заработная плата тормозила технический прогресс в промышленности, поскольку предпринимателям было выгоднее платить нищенскую заработную плату своим рабочим, нежели внедрять новую технику и повышать культуру производства.

Негативное воздействие на развитие сельского хозяйства страны оказывало и мощное наследие крепостничества. Аграрная реформа 1861 г., проводившаяся правительством во многом под влиянием внешнеполитического фактора и понимания необходимости модернизации страны, выполнила только ту часть программы буржуазных преобразований, что была совместима с сохранением господства феодальной аристократии и дворянства в целом. Проводя реформу, правительство вынуждено было постоянно оглядываться на помещичьи круги. Отсюда вытекали те положения реформы, что привели к наделению крестьян, прежде всего Чернозёмной полосы, недостаточным для нормального ведения хозяйства количеством земли. Эта недостаточность привязывала крестьянское хозяйство к помещичьему путём неизбежной для него аренды земли у бывшего барина. Одновременно была крайне затруднена процедура отказа крестьянина от надела и выхода его из общины.

Подобная система привела к длительному господству в пореформенной чернозёмной деревне отработочной системы. Исследователи отметили её живучесть вплоть до начала XX века. Отработочная система существовала при условии, что труд закабалённого крестьянина обходился помещику дешевле, чем труд вольнонаёмного работника. Она консервировала низкий уровень агротехники и отсталые приёмы ведения хозяйства. Неизбежным

следствием отработочной системы являлась низкая производительность труда: урожайность в помещичьих хозяйствах, применявших отработочную систему, была ниже, чем даже на крестьянских наделных землях. Отработочная система тормозила процессы социального расслоения в деревне, препятствовала росту доходов селян, сдерживала расширение внутреннего потребительского спроса. Перестроить же свои хозяйства на капиталистической основе могли далеко не все помещики. Этому препятствовало не только отсутствие опыта ведения хозяйства, но и отсутствие необходимых инвестиций в приобретение машин, удобрений, внедрение передовых систем земледелия. Исключением являлись Южная Россия и районы, прилегающие к Петербургу и Москве, и Прибалтика, где активно развивалось предпринимательское помещичье хозяйство.

В первые десятилетия после реформы происходила мобилизация дворянского землевладения в рамках самого этого сословия: укреплялись помещичьи латифундии за счёт сокращения мелких дворянских владений. В то же время происходит ускоренное сокращение дворянского землевладения в России. За 40 лет, прошедших после реформы, площадь земли в руках у дворян уменьшилось на 41 %. При этом всё более преобладают покупки крупных участков земли разбогатевшими крестьянами для предпринимательского хозяйства, что свидетельствовало о постепенном усилении фермерского пути развития сельского хозяйства, несмотря на сопротивление множества консервативных факторов от наследия крепостничества и негибкой политики правительства до архаических традиций общины. Особенно активно фермерские хозяйства развивались в районах, не испытывавших аграрного перенаселения: в Южной России, степном Заволжье, в Сибири. Несколько иной – хуторской – тип фермерского хозяйства активно развивался в Смоленской губернии, Белоруссии и Прибалтике.

Основная же масса крестьянства России и на рубеже XIX–XX веков замыкалась в традиционной общинной среде и была лишена прав

собственности на землю. Община – необходимый механизм ведения сельского хозяйства и взаимовыручки крестьян в доиндустриальную эпоху, гарантировавший крестьянству определённую стабильность – всё менее успешно выполняла даже свои обычные функции. Она была не в силах предотвратить растущее расслоение деревни, обнищание, закабаление и разорение значительной части крестьянства. Община сдерживала проявление хозяйственной инициативы, мешала формированию крепких фермерских хозяйств. Она сдерживала прогресс агрикультуры, рост продуктивности сельскохозяйственного производства. Рост населения и вызванные этим постоянные переделы владений вели к обезземеливанию крестьянства. Община формировала и духовно-нравственные представления, хозяйственную и социальную этику, исключавшую сколько-нибудь уважительное отношение к «кулакам» и «мироедам», к самостоятельному ведению хозяйства и предпринимательскому риску.

Правящие круги были заинтересованы в сохранении общины как достаточно эффективного фискального механизма, что было чрезвычайно актуально для правительства, использующего деревню как один из основных источников финансирования модернизационных и имперских проектов. Вплоть до революции 1905–1907 гг. русское правительство так и не приступило к решению проблемы крестьянской общины. Единственным движением в этом направлении стал проект С. Ю. Витте (1904), предвосхитивший столыпинскую аграрную реформу, и успешно заблокированный реакционными кругами. В атмосфере первых раскатов революционного грома (крестьянское восстание в Северо-Восточной Украине) правительство попыталось отделаться минимальными уступками. В 1902 г. была отменена круговая порука, а в 1903 г. облегчён выход из общины зажиточных крестьян. (Власть и реформы, 1996, С. 399–454).

Одновременно зарождается ещё один путь развития сельского хозяйства – кооперативный. Кооперация, не затрагивая основ крестьянского хозяйства, постепенно выделяла из него некоторые отрасли хозяйственной деятельности (сбыт сельскохозяйственных продуктов, их первичная переработка, закупка товаров промышленного производства, предоставление дешёвого кредита, организация прокатных пунктов орудий труда, случных пунктов и т.д.), втягивала крестьянство с выгодой для него во внутреннюю и даже международную торговлю. Одновременно кооперация ослабляла влияние общины на крестьян, разрушала натуральную замкнутость крестьянина, освобождала от однообразия и рутины, поощряла самостоятельность и инициативу. (Кабанов, 1993, С. 35).

Статистические данные показывают быстрый рост сельскохозяйственного производства в России после отмены крепостного права. Например, за 40 лет чистые сборы зерновых и картофеля выросли более чем в 2 раза. Правда, в расчёте на душу населения рост был не столь значительным. Рост сельскохозяйственного производства в пореформенной России носил преимущественно экстенсивный характер. В основе его лежало расширение посевных площадей, особенно в Центральном Черноземье, Среднем Поволжье, Южной России и на Украине. Сельскохозяйственное производство всё более принимало товарный характер. При этом товарность помещичьего хозяйства была существенно выше крестьянского. Углублялась специализация районов страны, что ещё более способствовало развитию внутреннего рынка.

Русская деревня к началу XX века оказалась в центре целого узла социально-экономических противоречий. Это и противоречие между ускоренно развивавшейся благодаря поддержке государства тяжёлой промышленностью и отсталым сельским хозяйством, во многом являвшемся источником финансирования промышленного роста. Это и противоречие между стремлением части политической элиты модернизировать сельское хозяйство, сняв тем самым ряд социально-экономических ограничений на

пути развития промышленности и укрепив политический режим, и эгоистическими интересами дворянства, желавшим предотвратить неудобную для себя эволюцию социально-экономических отношений, грозившую вылиться в полную ликвидацию экономически неэффективного помещичьего землевладения. Это и традиционный конфликт по поводу земли и аграрных отношений между крестьянством и дворянством. Это и противоречие внутри постепенно расслаивавшейся крестьянской массы. Это и противоречие между традиционным общинным хозяйственным механизмом и требованиями роста производительности сельскохозяйственного производства. Это и конфликт между традиционным патриархальным и уравнительным менталитетом крестьянства и требованиями новой индивидуалистической эпохи к социально-культурным качествам личности. Всё это обострялось ростом аграрной перенаселённости, существенно усиливавшим проблему крестьянского малоземелья. Именно эти противоречия лежали в основе роста социальной напряжённости в деревне, приведшей к социальному взрыву 1905–1907 гг.

2.2. Земледелие и животноводство после отмены крепостного права

Несмотря на успех естественных наук реформы 1861 года не обеспечили экономического чуда. После обнародования манифеста стали происходить волнения и бунты среди крестьян, которые считали его сфабрикованным, поддельным документом. Идея манифеста заключалась в том, чтобы дать помещикам возможно больше, а крестьянам возможно меньше, чтобы примирить их с формальной отменой крепостного права. Основная идея реформы заключалась в том, чтобы крестьяне получили такие наделы, которые полностью обеспечили бы им существование наряду с уплатой выкупных платежей и податей. В действительности же наделы стали таковыми (включая и высшие), что они не обеспечивали существование крестьянина и он оставался временно зависимым от помещика. Во-вторых,

предполагалось, что существующий оброк не подлежит повышению. Фактически оброк повышался из-за уменьшения надела.

Уже с 1761 года с отменой прикрепления дворянства в форме обязательной дворянской службы возникли объективные предпосылки для освобождения крестьян. Екатерина II в своих «Наказах» отмечала, что когда каждый крестьянин будет уверен, что-то, что принадлежит ему, не принадлежит другому, он будет улучшать это. Великими двигателями земледелия, по ее мнению, являются свобода и собственность. Но ее мысли остались неосуществленными. А вскоре грянула пугачёвщина.

Позднее Павел I предпринимал попытки ослабить дворянскую эксплуатацию крестьян. В 1797 г. 5 апреля в день своей коронации, он издал «Манифест о трехдневной барщине». Оценивая роль гражданина в обществе он писал в письме Петру Панину: «Человек – первое сокровище государства, а труд его – богатство. Его нет – труд пропал и земля пуста; а когда земля не в деле, то и богатства нет. Сбережение государства – сбережение людей; сбережение людей – сбережение государства». Но эти мысли остались благим пожеланием. Правящий класс не желал терять крестьян с землей, захваченных внеэкономическим путем.

Между культурой народной и культурой правящего класса возникла непреодолимая пропасть. Ю. Самарин в письме от 22 апреля 1861 г. с горечью писал о явлении, которое обнаружилось перед всеми с сокрушительной ясностью. «Это полное, безусловное недоверие народа к своему официальному, законному, т.е. ко всей половине русской земли, которая не народ... Манифест, мундир, чиновник, указ, губернатор, священники с крестом, высочайшее повеление – все это ложь, обман, подлог. Всему этому народ покоряется, подобно тому, как он выносит стужу, метели и засуху, но ничему не верит, ничего не признает, ничему не уступает своего убеждения. Правда носится перед ним как образ разлученного с ним царя, но не того, который живет в Петербурге, назначает губернаторов, издает высочайшие повеления и

передвигает войска, а какого-то другого, самозданного, полумифического...» (Вейдле В., 1991).

Убийственную характеристику существующей власти дал один из виднейших сановников, кто знал из первых уст, как работает государственная власть, П. А. Валуев (1961, 1961а, 1866). Он с полным убеждением поставил диагноз существующей власти: безнадежно, неизлечимо больна, ни за что не выживет, безусловно должна будет погибнуть. Основа пессимизма Валуева, громадное несоответствие между тем, что требовалось от государственной власти во вторую половину XIX в. и что она делала.

Наибольшие опасения внушала Валуеву обнаруживавшаяся неспособность власти в чем-либо изменить свою природу, ее намерение, проводя политику «невозможных диагоналей», сохранить при всех нововведениях нетронутым старый порядок верховного управления, ее нежелание в чем-либо приспособливаться к новой жизни, ею же создаваемой. «Я чувствую, – формулирует он свои опасения, – что правительственное дело идет ошибочной колеей, идет под знаменем идей, утративших свое значение и силу, идет не к лучшему, а к кризису, исход которого неизвестен».

Потеря ею способности к переменам обнаруживалась, прежде всего, в образе действий самодержца. Он и в новой обстановке ни в чем не собирался менять доставшийся ему механизм власти, в чем-либо ограничивать свои безбрежные права. «Есть что-то роковое во всем этом, — писал Валуев, когда в очередной раз проявилась эта закоренелость, в которой ему виделся источник тяжких потрясений в будущем. — Очевидно, государю не приходит на ум мысль, что есть какой-либо предел его произволениям.

Все более укрепляясь под влиянием постоянного общения с царем в эти годы в ожидании предстоящей катастрофы, Валуев одинаковым образом испытывает растущий «внутренний ужас» и при

виде неспособности составлявших правительство лиц разглядеть, что происходит в жизни страны, их упорства в следовании во всем прежним путем. Он приходит в отчаяние от громадности совершаемой ими ошибки. «Мы говорим одним языком, и, несмотря на то, между нашими речами нет ничего общего, кроме звука, — записывает он в первый день нового 1864 г. — Мысли идут по совершенно разным направлениям... Как эти люди верят в прочность порядка, который я считаю в основаниях своих потрясенным». Уже на исходе своего пребывания на посту министра внутренних дел он в этом же состоянии более не проходившего у него ужаса с горечью спрашивает себя: «Неужели распадение России так близко?».

Основа отношения правителей к России осталась, приходит Валуев к выводу, той же что и при Николае I. Вся страна для них — что-то вроде наследственного поместья, принадлежащего на правах неограниченной собственности их барину, а они, верховные управители, состоя как бы в его приказчиках и не поднимаясь выше этого уровня заботятся лишь об одном, — чтобы всевластию владельца не было нанесено ни малейшего ущерба. При обсуждении выступлений земских собраний на совещании у Александра II 30 декабря 1865 г. Валуева поразило показавшееся ему циническим безразличие участников прений к нуждам и потребностям страны. «Для них русский люд — декорация, вся Россия — только подножие для их призрачного величия».

Не имея, по его мнению, и отдаленно правильного понятия о совершающихся в России процессах, во всем противопоставляя себя новой жизни страны, власть в стремлении сохранить неограниченное господство не поднимается выше применения грубой силы.

Вместо маневра — яростный наскок, голое насилие с целью истребить и сокрушить любое неповиновение, задушить всякое недовольство. «Наши государственные татары», — такими словами характеризует Валуев политический облик типичных представителей

высшей правительственной сферы с их неизменной приверженностью «к выбору простых и потому вообще грубых средств для достижения правительственных целей». Все предпринимаемые реформы нисколько не влияли на приемы деятельности власти, они лишь подчеркивали, что режим неразрывно сросся с грубейшим насилием и подавлением всего того, без чего не могла развиваться жизнь во вторую половину XIX в. И это внушало новое опасение за его судьбу.

В 1867 г. П. А. Валуев (1961, т.2, с.220) он напишет, что продолжение такой политики погубит Россию как великую державу, вообще будет иметь непоправимые последствия для страны. «... моя игра – игра России. В этом нет ни самообольщения, ни заносчивости ... Не я имею значение, а те вечные начала справедливости, человеколюбия, сострадания, уважения к правам и чувствам человечества, на стороне которых я стою. Не я, а эти начала выиграют или проиграют. Если же они проиграют, то и Россией будет проиграна ее историческая партия. Говорю, что игра азартная, потому что правительство, действующее как наше, не имеет права уповать на бога».

«Главное – отсутствие надежды на улучшение. Мы хроники. Опыт не лечит. Меня в особенности поражает грубость наших соображений и приемов в государственном деле» П. А. Валуев (1961, т.2, с. 213). Девять лет спустя Валуев (1961, т.2, с. 399) отметит «Крайняя грубоватость всех наших государственных соображений и приемов растет и не умалется».

«Признаки потрясения множатся», запишет П. А. Валуев (1919. С. 22) характеризовал он общую обстановку в 1865 г. Неизбежность тяжкого возмездия за все содеянное в нарушение ставших элементарными в современную эпоху норм делается одним из главных мотивов его размышлений. Не раз повторяется на страницах дневника выражение: *exoriare ultor* («появится мститель. Его не смущало, что предсказываемое не сбывалось. «До сих пор события как будто меня опровергают, – писал он после первой отставки. – Мое

министерское семилетие само имеет вид опровержения... прочность... обстановки оказалась значительнее, чем я предполагал. Посторонние или случайные обстоятельства могли содействовать к ее охранению. Как бы то ни было, мои действия часто мне самому теперь кажутся ошибками; но, несмотря на это, внутренний голос твердит мне противное и применяет к России слова Галилея: «*E pur si muove* («И все-таки она движется»)» (1919. С. 406). Он знает одно – так государство во второй половине XIX в. жить не может, как не может быть, чтобы вся слепота правителей, все совершенные грубейшие промахи не имели бы катастрофических для власти последствий. Рано или поздно придет расплата. При всех перипетиях для него оставалось аксиомой сказанное им в 1866 г.: «... то, что есть, далее быть не может» (1919. С. 417).

Несмотря на успех естественных наук, реформы 1861 года не обеспечили экономического чуда. После обнародования манифеста стали происходить волнения и бунты среди крестьян, которые считали его сфабрикованным, поддельным документом. Идея манифеста заключалась в том, чтобы дать помещикам возможно больше, а крестьянам возможно меньше, чтобы примирить их с формальной отменой крепостного права. Основная идея реформы заключалась в том, чтобы крестьяне получили такие наделы, которые полностью обеспечили бы им существование наряду с уплатой выкупных платежей и податей. В действительности же наделы стали таковыми (включая и высшие), что они не обеспечивали существование крестьянина и он оставался временно зависимым от помещика. Во-вторых, предполагалось, что существующий оброк не подлежит повышению. Фактически оброк повышался из-за уменьшения надела.

Ю. Э. Янсон (1877) указывал, что экономическое положение крестьян ухудшилось вследствие отмены крепостного права. В Казанской губернии количество скота значительно уменьшилось (у бывших крепостных, которые прежде могли посылать свой скот на пастбища помещиков). Причины такого снижения – отсутствие пастбищ, продажа скота для уплаты налогов и низкие

урожаи. В Симбирской губернии количество скота уменьшилось по следующим причинам: более зажиточные крестьяне сбывают скот, в котором они не ощущают особой нужды. Они продают его заблаговременно, чтобы их не заставили продать его для уплаты недоимок, за которые они отвечают в силу круговой поруки общины. В Самарской, Саратовской, Пензенской, Рязанской губерниях количество скота уменьшилось на 50 % из-за нужды в пастбищах.

В Тульской губернии снижение произошло еще и вследствие принудительной продажи скота сборщиками налогов. В Курской губернии поголовье крупного рогатого скота сокращалось из-за беспощадной продажи скота для уплаты недоимок, недостатка пастбищ, семейных разделов и пр. Изменения поголовья скота в Тамбовской губернии приведены в таблице 8.

Происходило постепенное снижение поголовья скота. Крупный рогатый скот на единицу пашни за 60 лет XIX столетия снизился почти в три раза.

Уже в первые десятилетия после отмены крепостного права выяснилось, что увеличение населения происходит быстрее, чем повышение урожайности. Прирост сельских жителей составил 40–56 %, а сборов зерна – 5–40 %. Доля России в мировом производстве зерна в 1894–1904 гг. была в пределах

19,7–23,7 %. До конца XIX в. крестьянство России не получало агрономической помощи от правительства и местных общественных учреждений. Все государственные мероприятия касались, в основном, помещичьих владений.

Таблица 8 – Изменение состояния скотоводства в Тамбовской губернии (Ковальченко И. Д., 1960)

Годы	На 100 га пашни приходилось:			
	КРС	овец и коз	свиней	лошадей
1806–1810	59,3	246,0	131,8	–
1811–1815	56,6	157,4	86,6	–
1820–1830	27,6	119,4	55,0	–

1842–1845	38,8	68,6	33,1	46,9
1846–1850	25,4	59,0	24,4	35,9
1851–1855	23,4	58,0	18,3	35,4
1856–1860	20,9	66,8	18,6	37,5

В новых условиях крупные землевладельцы уже не смогли рационально использовать земельные угодья. Происходило снижение дворянского землевладения (табл. 9). Это связано с возрастанием долга русских помещиков. Если в к 1874 г. – 273,156 млн. руб., то в 1877 г. – 366,47 млн. руб., то есть он увеличился на 34,2 %.

Таблица 9 – Сокращение дворянского землевладения (Бехтеев С. С., 1902)

<i>Губернии</i>	Площадь землевладения, тыс. дес.		Изменения за указанный период	
	1859 г.	1896 г.	тыс. дес.	%
Тамбовская	1 798	1 396	-402	22,3
Симбирская	1 264	978	-262	22,6
Пензенская	1 244	907	-337	27,0
Нижегородская	1 306	804	-502	38,4
Казанская	780	397	-383	49,1
По России	79 103	55 544	-23 559	29,7

Поворот в сторону дворянства был открыто провозглашен в дни коронации Александра III, возник план спасения дворянского землевладения. Неудачи в аграрной сфере правительство пыталось решить за счет внеэкономического укрепления социальной основы дворянства, за счет крестьянского населения страны. При назначении министром внутренних дел Толстой заявил, что не признает «крестьянской России». Он заявил царю: «Ваши предки создали Россию; но они нашими руками ее создали» (П. А. Валуев, 1919, с. 208).

Началась ревизия реформы 1861 г. В записке О. Б. Рихтера (1883) сделана первая попытка наметить программу деятельности правительства в отношении дворянства. В ней утверждалось, что хотя нововведения,

проведенные при Александре II, и были вызваны «настоятельными требованиями жизни», они имели последствием «умаление, если не сказать уничтожение, привилегий, которыми пользовалось дворянство». От этого изменилась в худшую сторону структура власти. «Понятие о государственном строе, – развивал О. Б. Рихтер эту мысль, – вылилось в формулу: царь и народ, т. е. представляя ее графически: высокий столб, на вершине которого царь, а основание покоится на необъятной стихийной силе, называемой народом». (л. 3). При таком устройстве положение власти представлялось ему непрочным, так как сама основа может заколебаться, и Рихтер опасался за судьбу режима, пока между самодержавием и народной массой, в которой нельзя быть уверенным, не встанут дворянство, армия, духовенство, купечество. Государственный строй в таком виде, изображаемый графически пирамидой, на вершине которой будет находиться самодержавный царь, приобретет, как уверял автор записки, гораздо большую устойчивость. Главный вывод из этого рассуждения заключался в том, что «дворянством как ближайшею опорой трона необходимо дорожить, его нужно поднять в собственных его глазах и заставить в силу предоставляемых выгод заняться своими имениями» (л. 4).

Экономические ходатайства дворянства после 1885 г. сводились главным образом к просьбам о новых льготах. Значительная часть помещиков оказалась в числе недоимщиков Дворянского банка. Посыпались ходатайства о понижении учетного процента, об отсрочках в выплате ссуд и процентов по ним, об увеличении размера ссуд с 60 до 75 % стоимости имений, о передаче задолжных имений в опекуновское управление банка. Поток их значительно возрос в связи с жестокими неурожаями начала 90-х годов. Выражая интересы крупных помещиков, состоявших членами Общества взаимного поземельного кредита, ряд собраний – харьковское, самарское, полтавское, орловское – ходатайствовали о передаче Общества в ведение Дворянского банка. Широкий отклик получили требования о понижении железнодорожных тарифов, принятие мер по расширению вывозной хлебной торговли, которые были поддержаны земствами, особенно черноземных и южных губерний. Кроме

того, ряд земских собраний поднимает вопросы о необходимости сооружения хлебных складов, элеваторов, организации хлебных бирж, проведения агрономических изысканий и других мер для поднятия эффективности сельскохозяйственного производства.

Большая и важнейшая часть дворянских ходатайств этого времени была в той или иной мере удовлетворена или принята правительством к рассмотрению. В первую очередь были приняты во внимание финансовые притязания помещиков. Те из них, которые не завершили к началу 80-х годов выкупной операции, получили как бы в виде особой премии дополнительное вознаграждение за обязательный выкуп, составивший около 12 % всей выкупной суммы. Это обошлось казне примерно в 46 млн. руб. Министерство финансов приняло меры по облегчению положения заемщиков частных банков: государство выкупило на 26 млн. руб. закладных листов помещичьих имений, передав их затем Дворянскому банку. В результате клиенты последнего получили возможность выкупать свои заемные листы на 5 % ниже их биржевой стоимости (Гос. Совет, 1901; Мигулин П. П. , 1904). В 1883–1884 гг. помещикам был разрешен краткосрочный соло-вексельный кредит из Государственного банка для пополнения своих оборотных средств. С учреждением Дворянского банка они получили возможность брать долгосрочные ссуды под залог имений. Уступая их ходатайствам, правительство пошло на реорганизацию Общества взаимного кредита и передало его в качестве особого отдела Дворянскому банку. Учетный процент по ссудам, согласно указу от 12 октября 1889 г., был снижен с 5 до 4,5 %. В связи с засухой 1891–1892 гг. помещикам пострадавших губерний были разрешены рассрочки недоимок от 3 до 10 лет. Специальным постановлением Государственного совета от 6 июня 1894 г. в устав Дворянского банка внесена была поправка, в силу которой банк мог брать имения неисправных заемщиков в опекуновское управление сроком до 3 лет. В 1890 г. были восстановлены привилегии помещиков в области винокурения и др.

Значительные уступки были сделаны дворянству и в вопросах железнодорожных тарифов.

Новые «Правила о найме сельскохозяйственных рабочих», принятые 12 июня 1886 г., усилили репрессивные меры в отношении рабочих и зависимость последних от нанимателей. Учреждение института земских начальников открыло перед помещиками новые возможности в использовании принудительных, внеэкономических форм эксплуатации крестьян, отработочных систем ведения хозяйства.

Если в начале 80-х годов правительство вынуждено было пойти на провозглашение обязательного выкупа, на некоторое облегчение налогового гнета и смягчение земельного голода крестьян, то к середине 80-х годов на первый план вышли меры по ограничению продажи и залога надельных общинных земель, ограничение семейных разделов, пресечение попыток массового переселения крестьян и т. п.

Дворянство не устраивал устав Дворянского банка, который предусматривал функционирование его на коммерческих основах. Помещики же хотели видеть в нем нечто вроде благотворительного учреждения, призванного любой ценой предотвратить сокращение дворянского землевладения. Государственный совет 26 июня 1889 г. утвердил правила ответственности заемщиков Дворянского банка в случае просрочки платежей, предусматривавшие: 1) публикацию о продаже имений; 2) взятие имений в управление банком; 3) продажа имений с торгов. И хотя случаи продажи с торгов были единичными, сама по себе возможность такого исхода использовалась дворянскими собраниями как повод для обращения к властям об изменении устава банка.

Начало новой аграрной политики связано с обращением Полтавского дворянского собрания, которое оно приняло по докладу А. В. Мещерского, губернского предводителя дворянства, в «Высшему правительству» о предоставлении дворянству права учреждать заповедные имения.

В Петербурге дворянские требования встретили положительную реакцию. 20 ноября 1891 г. по докладу председателя Государственного совета вел. кн. Михаила Николаевича Александр III приказал образовать для выработки мер по укреплению дворянского землевладения Особую комиссию под председательством Н. С. Абазы. Один из ее участников, К. Головин (1910), писал: «... бывшему либеральному рязанскому губернатору, а теперь очень консервативному члену Государственного совета было поручено придумать средство, дабы остановить зловещий процесс». Комиссия, продолжал он, «оказалась очень внушительной по своему составу». В нее должны были войти представители министерств внутренних дел, финансов, государственных имуществ и юстиции. Так в высших правительственных инстанциях началось рассмотрение дворянского вопроса, занявшее многие годы. По несколько лет заседали две большие комиссии, в которые входили высшие сановники и важнейшие министры. На прения были потрачены сотни часов. Из недр комиссий выходили, тщательно разработанные проекты. Государственный совет не раз высказывал о них свои суждения.

Комиссия Н. С. Абазы начала свои заседания 4 февраля 1892 г и закончила их 16 ноября. Членами ее являлись В. К. Плеве, Н. В. Шидловский, А. В. Иванов, А. С. Ермолов, Н. А. Иванов, И. И. Шидловский, И. И. Тихеев, В. В. Калачов, В. Красовский, кн. Л. Д. Вяземский, гр. А. А. Голенищев-Кутузов, кн. А. Д. Оболенский. Кроме того, в работах комиссии принимали участие гр. А. А. Бобринский, А. А. Нарышкин, предводители дворянства: Пензенской губ. – Д. К. Гевлич, Рязанской – Л. М. Муромцев, Харьковской – гр. В. А. Капнист, Тульской – А. А. Арсеньев, К. Головин и некоторые другие.

С тревогой констатировалось, что после реформы 1861 г. дворянское землевладение стало уменьшаться «с поразительной быстротой». «При таких условиях правительство едва ли может оставаться равнодушным к убыли дворянского землевладения. Правительства всячески пыталось укрепить положение дворянства, не останавливаясь перед крупными финансовыми

затратами. Уже в манифесте о вступлении на престол Александра III объявлялось о понижении процентной ставки по ссудам должников Дворянского банка с 4 $\frac{1}{2}$ до 4 %. Кроме того, понижались платежи должников Особого отдела банка, которые теперь платили соответственно 6 р. 15 к. и 5 р. 90 к. вместо 7р. 15 к. и 6 р. 90 к. со 100 руб. долга. В связи между обязательствами Особого отдела и его ресурсами образовался разрыв в 18 029 953 руб., который имел только один источник пополнения – средства Государственного казначейства. Этот расход был отнесен к чрезвычайным в государственной росписи на 1894г

В начале февраля 1896 г. новый министр внутренних дел И. Л. Горемыкин

с санкции царя созвал в Петербурге Совещание губернских предводителей дворянства для обсуждения дворянского вопроса. В ходе Совещания было рассмотрено более восьмидесяти вопросов. На заключение его участников были переданы проекты Комиссии Н. С. Абазы. Предводители получили неограниченную возможность высказать свой взгляд на широчайший круг проблем общегосударственного значения. На их суд был поставлен общий курс политики правительства в финансово-экономической области. Спустя тридцать пять лет после реформы 1861 г. финансово-экономический курс правительства был признан неэффективным. Оно оказывалось виновником постигших дворянство невзгод. Его мероприятия, связанные с реформой 1861 г., довели сословие до полного упадка. Предводители заявляли: «Помещики, крестьяне, хлебные торговцы разоряются и беднеют», так как их нуждами пренебрегают.

Предводителями дворянства была подготовлена записка, поданная в Особое совещание о нуждах дворянства, где была разработана государственной поддержки дворянства. В ней решительно требовалось изменить общий курс, ставящий сельское хозяйство в положение дискриминации и благоприятствующий одной лишь промышленности. Все, что предполагалось сделать в пользу дворянства, объявлялось бесполезным. «...

Пока не изменится современная нам финансовая политика в России – невозможно ожидать не только подъема благосостояния дворянства, но и надежда на приостановку в разорении его представляется маловероятной» (ЦГИА, ф. 1283). До осуществления общих перемен М. А. Стахович рекомендовал ввести государственное страхование от огня и страхование жизни, а кроме того, увеличить размер ссуды, выдаваемой для покупки дворянами земли, с 60 до 75 % др. Вскоре после Совещания предводителей помещики получили от верховной власти новые авансы и притом в особенно торжественной обстановке. 17 мая 1896 г. в день коронации Николай II обратился к дворянству со словами, что ему известно «трудное время, переживаемое дворянством», и что оно может быть спокойно – его нужды не будут забыты.

В ответе предводителям дворянства министр финансов С. Ю. Витте (Замечание министра финансов..., 1957) с цифрами в руках показал, что реформа 1861 г. была проведена в интересах дворянства. Помещики отдали крестьянам землю в большинстве случаев по «несоразмерно высокой оценке. Переход крестьян на выкуп или оставление их временно обязанными в течение первых двадцати лет определялись исключительно интересами помещиков. Что касается вычета из выкупной суммы помещичьих долгов бывшей сохранной казне, общий итог которых составлял к 1861 г. 425 млн руб., – это был один из главных обвинительных пунктов записки предводителей, то Витте в ответ резонно отмечал, что у помещиков была полная возможность вовсе не приступать к выкупу, держа крестьян на временно-обязанном положении. Когда же с 1883 г. выкуп наделов был сделан обязательным, с чем было соединено право переводить долг на остававшуюся у помещика землю, то этой возможностью в течение истекших тринадцати лет воспользовался только один помещик, а остальные 1992 предпочли уплатить долги из полученных: за крестьянский надел денег.

Беспочвенной оказалась жалоба о том, что правительство выдало выкуп процентными бумагами, а не деньгами, но курс процентных бумаг сильно

понижился и помещики по причине этого понесли весьма крупные убытки. Витте указывал, что правительство не рассчитывало на немедленную реализацию помещиками этих бумаг, а, наоборот, предполагало, что дворянство будет держать их у себя в качестве источника постоянного дохода. «В действительности, – констатировал Витте, – помещики не удержали процентных бумаг». Началась их массовая продажа с соответствующим понижением курса, но потери эти, говорилось в записке, в большой степени компенсировались несоразмерно большим выкупом, получаемым за слишком высоко оцененную землю. Наводнение рынка выкупными свидетельствами предводители объясняли необходимостью для помещиков получить кредит для ведения хозяйства, но и этот аргумент не выдерживал критики. Так ли нужен был помещикам кредит после реформы, спрашивал Витте, принимая во внимание, что они были избавлены от платежей по прежним долгам, а, кроме того, получили весьма значительные суммы. Предполагалось, что помещики надолго будут избавлены от необходимости вновь обратиться к ипотечному кредиту. Витте имел все основания сказать в заключение, что «помещикам коренных русских губерний предоставлены были все возможные средства остаться экономически сильным сословием».

Опровергнув все доводы записки предводителей, Витте указывал, что реформы принесли помещичьему классу, по справедливому замечанию Витте, «огромную пользу». Со времени реформы началось быстрое повышение цен на землю. К 1894 г. они возросли по различным группам от 100 до 327 %. Таким образом, несмотря на то что площадь дворянского землевладения сократилась с 79 до 55.5 млн. десятин, ценность дворянской земли возросла вдвое – с 1.25 до 2.5 млрд. руб. И если дворянство продало четверть своей земли, то оно сделало это по ценам, значительно превысившим уровень 1861 г. Оно смогло далее получить под залог части оставшейся в его руках земли 650 млн. руб.

Но дворянство не сумело воспользоваться всеми этими привилегиями и преимуществами, и в этом был корень дела. Освещая эти вопросы, Витте

обрисовал современное состояние дворянства, взяв за основу тот тезис, что заявления о всеобщем упадке сословия бездоказательны и не соответствуют действительности. Непрекращающаяся убыль дворянского землевладения – трактовалась, как ослабление дворянства. По Витте этот факт в разных местах был вызван разными причинами. Дворянское землевладение сократилось почти наполовину в подмосковных губерниях, на 60 % и более – в четырех лесных губерниях, Новгородской, Псковской, Олонецкой и Вологодской. Почти с такой же быстротой теряло дворянство землю в Казанской и Саратовской губерниях черноземного Поволжья и в Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерниях Новороссийского края.

Более устойчивым оказалось дворянское землевладение в восьми черноземных губерниях Центра: Полтавской, Курской, Орловской, Тульской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской. Среднегодовая убыль выражалась здесь в течение 35 лет долями процента. Менее всего сократилось оно в Западном крае, несмотря на большую задолженность, что Витте объяснял более умелым хозяйствованием польских помещиков сравнительно с великорусскими.

Еще более пестрым оказалось положение с дворянской задолженностью, на которую постоянно ссылались как на важнейшую причину утраты дворянством земли и вообще его угнетенного положения. Здесь Витте указывал на то, по его мнению, «чрезвычайно важное обстоятельство», что 58 % площади всех дворянских земель Европейской России было полностью свободно от ипотечных долгов, будь то Дворянскому банку или учреждениям частного кредита. Этот высокий процент незаложенной земли выводился, в основном, за счет северных губерний. В местах же основного сосредоточения поместного дворянства свободная от долга земля составляла уже от половины до трети всей площади дворянского землевладения. При том после многочисленных льгот и отсрочек задолжавшие помещики сумели накопить недоимки, равные годовому окладу. Огромные недоимки накопил именно основной район коренного великорусского помещичьего землевладения в

противоположность юго-западному и северо-западному краю. Рассуждения о всеобщем упадке дворянства теряли всякий смысл в свете того факта, что дворянство являлось крупнейшим покупателем выброшенной на рынок дворянской земли. Только за период 1892–1895 гг. дворянство приобрело ее на сумму в 172 898 000 руб.

Причины затруднительного положения отдельных слоев дворянства зависят от действий и личности помещиков. Его вывод был ясен: дворянство может пенять лишь само на себя – других виновных в его затруднениях не существует. Оно жило по-старому, а жизнь шла по-новому.

Вместе с тем, Министерство финансов строго руководствовалось в своей деятельности интересами помещиков. В 1893 г., был принят новый железнодорожный тариф, устроенный таким образом, что дешевый хлеб Заволжья, Кавказа и Сибири не мог попасть в центр и составить конкуренцию хлебу, поставлявшемуся помещиками, а должен был идти на экспорт. И этот-то тариф, продиктованный прежде всего заботой о помещичьих интересах, как это неопровержимо доказал, оперируя разнообразными расчетами, Витте, в записке предводителей фигурировал в качестве примера игнорирования правительством интересов дворянства и даже прямого их нарушения. Продолжая растолковывать оппонентам азбуку экономической науки, Витте, в частности, разъяснил, что Государственный банк, «оставаясь на почве банковского ведения дела», никак не сможет предоставлять кредиты на пятнадцать месяцев, как хотели предводители, так как его собственные средства состоят из краткосрочных вкладов и помещение их в долгосрочные кредиты явилось бы «коренным нарушением основ банковского дела, подрывающим все гарантии банковской состоятельности».

Записка предводителей дворянства стала первым шагом на пути созыва Особого совещания по делам дворянства, организованная для претворения в жизнь идей, которые были развенчаны Витте.

В самом Министерстве финансов начинается рассмотрение новых льгот помещикам. 14 марта 1897 г. Витте представил на рассмотрение царя

предложения, согласно которым размер процента, уплачиваемого должниками Дворянского банка снижалась бы 4 до 3,5, т. е. устанавливался ниже рыночного.

В 1897 г. под председательством И. Н. Дурново учреждалось Особое совещание по делам дворянства. Членами Особого совещания были первоначально назначены министры Двора, внутренних дел, земледелия, юстиции и финансов, а также Н. С. Абаза, А. Н. Куломзин, В. К. Плеве, С. Д. Шереметев и Д. С. Сипягин. Прекрасно знавший тех людей, кто стоял на самой вершине власти, А. А. Киреев (1897) так отзывался об участниках Совещания: «Дворянское дело поручено особой Комиссии, но боже какой состав!!! Ех officio в ней есть и умные люди (Муравьев, Витте), но собственно по выбору попали четыре дурака, из коих один дрянной лгунишка, – Дурново председатель!. Воронцов, Шереметев, эти хоть порядочные люди (хотя история Воронцова с 4 000 000 очень некрасива), и Сипягин!»

О проделке Воронцова рассказывает запись А. А. Киреев от 25 декабря 1896 г.: «Невероятное, оказавшееся верным. Воронову выдано за имение Саратовское 42 000 дес. 3 500 000 р. (потом выяснилось, что 4 000 000) из числа несчастных 5 000 000, милостиво назначенных царем для помощи бедному дворянству. Делалось это через крестьянский банк... Можно ли (о нравственной стороне дела я не говорю) так глупо, глупо компрометировать бедного царя! Точно нельзя было просто перевести на Воронцова те же миллионы в виде каких-нибудь кабинетских приисков или какой-нибудь концессии жел. дорог или чего угодно. Но зачем восстанавливать все дворянство против Царя?!».

Впоследствии уже в ходе работ Совещания членами его были последовательно назначены гр. Голенищев-Кутузов, товарищ министра внутренних дел кн. А. Д. Оболенский, управляющий Дворянским банком кн. А.А.Ливен, управляющий делами Совещания, товарищ государственного секретаря А. С. Стишинский, член Государственного совета Шидловский, министр народного образования Н. П. Боголепов, военный министр

А.Н.Куропаткин, гр. Н. А. Пратасов-Бахметев и предводители дворянства Л.М.Муромцев (Рязанская губ.), П. А. Кривский (Саратовская губ.), А.А.Арсеньев (Тульскаягуб.), кн. П. Н. Трубецкой (Московская губ.), А.Д.Зиновьев (Петербургская губ.), кн. Б. А. Васильчиков (Новгородская губ.), М.М.Леонтьев (Владимирская губ.), В.А.Капнист (Харьковская губ.), А.П.Струков (Екатеринославская губ.)

Работа Особого совещания началась 10 мая, когда его члены встретились для обсуждения программы и каждый должен был высказаться о том, что следует сделать для дворянства, т. е. выявить свое понимание дворянского вопроса. Это и было сделано в записках, представленных всеми участниками Совещания. В перечне предложенных губернскими дворянскими собраниями мер, составленном канцелярией Особого совещания, зафиксировано мнение 14 собраний (Перечень мер, 1897; Заключение..., 1897). На первом месте по массовости ходатайств стояли требования пересмотра правил о краткосрочном соло-вексельном кредите с целью его удешевления и упрощения процедуры проведения этой операции, о чем просили воронежское, екатеринославское, курское, рязанское, саратовское, симбирское собрания. Другие пункты этой группы уже менее представительны. Пересмотра закона о найме рабочих в целях введения обязательности рабочих книжек и усиления репрессий за нарушение договоров – рязанское, симбирское и саратовское. Владимирское дворянство, как и 10 лет назад, вновь указывало на «отсутствие твердой правительственной власти над освободившимся от прежней опеки крестьянским населением».

Среди мер так называемых «сословно-экономических», касавшихся проблемы сохранения дворянского землевладения, преобладали просьбы о новом понижении процента по ссудам Дворянского банка, о реорганизации последнего и пересмотре его устава. Постановления рязанского и симбирского собраний, настаивали на том, чтобы деятельность банка была подчинена главной задаче – спасению дворянского землевладения. Для этого, в основу устава должно быть признание того, что банк «представляет собой

союз дворян при поддержке правительства и при его контроле, преследующих цель укрепления своего сословия на местах его родовых владений». Цель эта может быть достигнута только при условии передачи банка из ведения Министерства финансов в ведение МВД.

Не ограничиваясь мерами по поддержанию дворянского землевладения, некоторые собрания – рязанское, петербургское, самарское, калужское, владимирское, а несколько ранее смоленское и астраханское – перешли к ходатайствам о воссоздании поместного дворянства путем предоставления разорившимся помещикам и выслужившимся чиновникам безвозмездно или на льготных условиях участков казенных земель в Западном крае и в Сибири.

В одной из записок Витте была высказана мысль, что «потребности дворянского землевладения никак не могут быть отделены от нужд землевладения вообще и в особенности крестьянского», и потому Витте предлагал провести «всестороннее исследование русской деревни с точки зрения ее экономических нужд. В другой записке, он указывает, что положение поместного дворянства не может быть улучшено «на почве исключительно сословных мероприятий». В практическом аспекте Витте предлагал углубленно изучить состояние деревни, не ограничиваясь рамками обычного статистического исследования. План этой работы был изложен в «очерке программы исследования экономического положения поместного дворянства и других классов сельского населения Европейской России». Спустя пять лет его предложение осуществилось в созыве Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Участники Совещания высказались о способах упрочить экономическое положение дворянства. Сипягиным, Ермоловым. Шереметевым, Голенищевым-Кутузовым было высказано предложение распространить дворянское землевладение на Сибирь Укрепление же его в нынешних границах предполагалось осуществить путем создания майоратов, как намечал Воронцов-Дашков или учреждением дворянских опекунов для заведования

имениями несостоятельных должников Дворянского и других земельных банков, как это предполагали сделать Сипягин, Ермолов и Воронцов-Дашков.

Канцелярия Совещания, руководством А. С. Стишинского составила в документ, где принципиальная задача Совещания предусматривала сохранение дворянства, как необходимое условие сохранения существующего строя. С этой целью предлагалось создать для дворянства монопольное право управления государством. Поэтому «служба его, в особенности по местному управлению, не может быть без существенного ущерба для государственных интересов заменена привлечением на это поприще лиц иных сословий».

Предотвращение «имеющего столь пагубное значение» дальнейшего сокращения дворянского земельного фонда, должно было, говорилось в журнале, «составить предмет особой заботливости правительства. Установить полную неотчуждаемость дворянских поместий отказались из опасений понижения цен на землю. Закрепления земли в дворянских руках намечалось достичь путем создания заповедных имений и установления предела дробимости земельной собственности, т. е., не внося ничего нового, возвращались к тому, с чего начала Комиссия Н. С. Абазы.

Гораздо более практический интерес должен был приобрести для дворянства вопрос о том, как быть с сотнями миллионов рублей, уже полученных под залог имений и которые еще предполагалось получить. С этой стороны для государственного казначейства снова во весь рост вставала угроза громадных потерь, так как вопреки только что появившемуся указу о понижении платежей должников Дворянского банка, куда Витте предусмотрительно вставил пункт, исключавший возможность каких либо изменений Устава вплоть до конверсии выпущенных банком облигаций, Совещанию предлагалось заняться «коренными основаниями существующей системы ипотечного кредита в видах выяснения соответствия ее нуждам дворянского землевладения» и потому коснуться устава банка.

Эволюция сельского хозяйства не привела к радикальным изменениям в системах полеводства, за исключением отдельных помещичьих усадеб,

была трехпольной: пар – озимые – яровые. Улучшенных земледельческих орудий у помещичьих и государственных крестьян не было.

Аграрные преобразования, предпринятые правительством, не достигли своей цели. Урожайность зерновых культур оставалась низкой. Причиной было отсутствие поддержки земледельцев и системы мер по развитию производительных сил. Реформа осуществлялась в интересах узкого землевладельческого сословия. Ему государство обеспечило капитал, нужный для организации хозяйства, а крестьяне были вынуждены выплачивать выкупные платежи и налоги.

Во второй половине XIX – начале XX вв. на территории России господствующей оставалась паровая система земледелия. Для плодосменной системы в переходный период после реформы условий не было. Крестьянин не распоряжался землей, огромные выкупные платежи не позволяли усовершенствовать орудия обработки почвы и т. д.

О наличии трехполья как преобладающей системы севооборота не только в крестьянских хозяйствах, но и в большинстве помещичьих упоминается в ежегодных отчетах Пензенского, Симбирского и Тамбовского губернаторов конца XIX в. С. С. Бехтеев (1906) указывал на примитивный характер использования пашни: почти 33 % ежегодно находилось под паром.

В Саранском, Инсарском, Наровчатском, Краснослободском уездах 30,9–36,4 % от пашни было занято озимыми зерновыми, 24,1–32,5 % – яровыми зерновыми, 0,5–4,2 % – корнеплодами и овощами и 29,5–35,0 % под паром, 0,5–3,2 % – под бобовыми культурами.

Для примера С. С. Бехтеев ссылаясь на Голландию, где из 100 дес. используются под паром – 1,5 дес., в Англии – 2 дес., в Бельгии – 2,8 дес., в Германии – 6 дес., в Дании – 7,3 дес., во Франции – 13 дес. В России примерно треть пашни ежегодно находится под паром (около 30 %, в Германии около 5 %).

По свидетельству А. Хайновского (1925) трехпольный севооборот в крестьянских и помещичьих хозяйствах Пензенской губернии применялся вплоть до 1890 г. Правда, на землях хуторян были попытки ввести 4-х польный севооборот с пятым выводным клином: 1 – пар, 2 – озимая рожь, 3 – корне- и клубнеплоды, пропашные, бобовые, 4 – яровые (овес, просо), 5 – многолетние травы (костер, люцерна). В уездах с легкими почвами вводились девятипольные севообороты с культурой клевера: 1 – пар, 2 – озимая рожь, 3 – овес с подсевом весной клевера, 4–5 – клевер, 6 – просо, 7 – пар, 8 – озимая рожь, 9 – яровые, корнеплоды, бобовые. В помещичьих хозяйствах при наличии винокуренных заводов преобладал четырехпольный картофельный севооборот: 1 – пар, 2 – озимая рожь, 3 – картофель, 4 – овес, просо, или: 1 – пар, 2 – озимая рожь, 3 – картофель (0,5 поля) + бобовые (0,5 поля), 4 – овес, просо. Такие усовершенствования севооборотов позволяли, например, в имении Арапова и в с. Лашма Наровчатского уезда и в имении Гагариной в с. Тумаево Инсарского уезда получать с десятины до 1 300 пуда картофеля (около 200 ц/га). В Инсарском уезде встречались и такие схемы севооборотов: 1 – пар, 2 – озимые, 3 – картофель, 4 – яровые, 5 – яровые, а у помещиков: 1 – пар, 2 – озимые, 3 – картофель, 4 – яровые, с подсевом клевера, 5 – клевер.

Но в целом крестьяне использовали пашню только для производства зерна и совершенно не производили корма. По данным С. С. Бехтеева (1906), в расчете на одного жителя США производилось 398 пудов кормов, Канады – 276 пудов, Дании – 85 пудов, в России – только 36 пудов. Трехполье, отмечал он далее, терпимо, пока есть запасные пастбища и сенокосы, лесные и болотные угодья, которые могут пополнять недостачу кормов. С увеличением же населения естественные угодья распахиваются, и единственным источником кормов остается пашня. К тому же ограниченное количество культур в севообороте снижает устойчивость земледелия к неблагоприятным природным явлениям. В таких условиях необходимо вводить в многопольные севообороты культуры однолетних и многолетних

трав, вики с овсом, которые дают хороший урожай, как в засушливые, так и во влажные годы. Посевы картофеля, свеклы, подсолнечника клевера позволяют внедрять шестипольный севооборот, который наполовину сокращает черный пар и увеличивает производство кормов и животноводческой продукции и одновременно создает благоприятные условия для развития всех полевых культур.

В 1901 г. у крупных землевладельцев Пензенской губернии под многопольными севооборотами было 7 125 дес., или 0,3 % всей пахотной земли, отмечает Г.Г.Данилов (1964). В 1892 г. на 100 дес. пахотной земли в прибалтийских губерниях под травами находилось 10 %, в среднечерноземных – 0,75 %, а в среднем по России – 1,88 %. В Западной Европе зерновые посевы чередовались с клевером, тимофеевкой, люцерной, кормовым горохом, викой, что создавало положительный баланс азота в почве, условия для повышения продуктивности земли. Недостаточным было количество вносимых удобрений. Биологические же особенности самих растений (посев многолетних и однолетних бобовых растений) земледельцами не использовались.

В приложении к памятной книге за 1868 и 1869 гг. сказано, что в Саранском уезде крестьяне свозят навоз не на поля, а в овраги и на берега рек. То же отмечено в Тамбовской губернии в 1870 г., где навоз используется крестьянами только для удобрения конопляников, большая же часть его сваливается в овраги.

В качестве удобрений использовались навоз, искусственные удобрения (их количество было очень мало).

В сборнике статистических данных (Сборник... по Тамбовской губ., 1883) отмечается, к примеру, что удобрение полей навозом издавна практиковалось в Темниковском уезде. Существовало общее правило, что каждый домохозяин вывозит ежегодно со своего двора весь накопленный навоз. Состоятельные хозяева даже прикупали его.

Навоз вывозили в начале лета, в основном, в первой половине июня. Взмет парового поля производили с 10 по 20 июня, но нередко и в конце июня. Двоение пара в целях борьбы с сорной растительностью практиковалось повсеместно, но не всегда и не всеми крестьянами. Оно начинается не ранее 8 июля, большей частью во второй половине июля. После первой и после второй вспашки поле бороновали. Озимый сев начинали не ранее 10-12 августа и не позднее 18 августа.

По данным Г. Г. Данилова (1964), в Спасском уезде наделные земли удобрялись на площади 3,6 % от общего количества пашни. Паровые поля – один раз в 9-10 лет. В среднем на одну удобряемую десятину крестьяне вывозили 150 возов навоза (около 34 т/га), а помещики – 160 (около 37 т/га). В Темниковском уезде, в основном зажиточные крестьяне, в среднем ежегодно удобряли 6,4 % пашни, или 19,2 % парового пара, а помещики – 9,5 %, или 28,5 % парового поля. При этом на десятину поля крестьяне вывозили 109 возов (30 т/га), а помещики 120 (34 т/га). Крестьяне удобряли паровое поле один раз в 5 лет, а помещики – в 3–4 года.

По подсчету Г. Г. Данилова (1964), прибавка от одной и той же дозы удобрений в 1,5–3 раза выше на почвах малоплодородных, чем на черноземах. Прибавка овса от внесения навоза 2,7 т/га, что составляло 38–46 %, а при более 2,7 т/га – 64–80 %. Прибавка урожая от внесения навоза в количестве до 1, 3 т/га составляла 33 %, 1,4-2,7 т/га – 55 % и 2,8–4,0 т/га и более 4 т/га–90 %.

Обработка почвы в рассматриваемый период оставалась традиционной. Для взмета и запашки почвы использовали соху с двумя сошниками. Озимая рожь сеялась в пару. Обработку пара начинали с июля. Вначале разбрасывали навоз, затем пахали и бороновали, в июле перепаживали (двоили), в августе сеяли. Почву под яровые культуры обрабатывали чаще весной. Только отдельные помещики и зажиточные крестьяне в ряде случаев поднимали зябь. В Темниковском уезде готовили пашню под яровые с 20-х чисел апреля,

вспаханная почва, при благоприятной погоде бороновалась сразу же, а в дождливую погоду через 2–4 дня. На этом предпосевная обработка заканчивалась под ранние яровые культуры. Под просо, гречиху проводили три вспашки боронования.

Земледелие в России ведется таким же образом, как и триста лет тому назад, когда население было вдесятеро меньше, – писал В. С. Соловьев (1989). Но если тогда хищническое земледелие было единственно верным и возможным, то теперь с каждым годом оно становится все более опасным. Земледелие требует настоящей поддержки со стороны промышленности, нуждается в технических изобретениях и открытиях, поддержки умственной и материальной. Но этого пока не происходит. Нет у нас предприимчивого, деятельного и сплоченного промышленного класса, который, пользуясь рационально естественными богатствами страны, помогал бы сельскому хозяйству своей индустрией. Торгово-промышленный элемент у нас вообще связан с жизнью земли, не принимает в ней положительного участия. Он занят исключительно своими частными выгодами, которые лишь случайно могут совпадать с общим благом.

Чуда после падения крепостного права в стране не произошло. Уже в следующем десятилетии появились данные о том, что земледелие развивается медленно. Рост населения происходил быстрее, чем рост урожайности.

По сравнению с другими странами урожайность основных культур в России за 1895–1904 гг. была значительно ниже. Душевое потребление в России в 1895 г. составило 22,8 пуд.; Англии – 23,9; Германии – 23,7; Франции – 27,5 пуд. В 1904г. соответственно – 18,34 пуд.; 18,36; 28,0; 23,3 пуд. (Гулишамберов С. И., 1907). Правительство, озабоченное положением земледелия, 28 декабря 1881 г. отменило подушную подать с бывших дворовых и мещан, а затем с крестьян, всего 50,2 млн. руб. В 1883 г. был учрежден Крестьянский Банк.

Вместе с тем роль России в мировом производстве зерна в этот период оставалась высокой. Доля валового производства ржи в 1894–1904 гг.

составила 51–61 %; ячменя – 24,4–32,5 %; овса – 21,0–29,7 %, пшеницы – 14–24 % (Гулишамберов С. И., 1907).

Значительно возрос вывоз хлеба за рубеж. За 1884–1893 гг. Россия вывезла 2 985 000 пуд., на сумму 2 445 400 000 руб., при цене за пуд в среднем 81,8 коп. С 1893 – 1901 гг. вывезено 3 929 800 000 пуд., при стоимости 65,6 коп. за пуд. Вывоз увеличился на 31,6 %, а выручка на 9,5 %, т.е. земледелие становилось менее доходным.

В земледелии России в этот период шло развитие производительных сил, с одной стороны, которое к концу XIX в. стало замедляться. С другой стороны, при сравнении показателей земледелия с ростом населения, шло снижение благосостояния народа, продуктов земледелия на душу населения.

Реформа расчленила единый сельскохозяйственный комплекс на две части: крестьянскую и помещичью (Крестьянская реформа..., 1911), чем был нанесен роковой удар по самостоятельности крестьянских хозяйств. Передача земель общего назначения, которые являются составной частью территории крестьянского хозяйства в руки помещиков, привела к закрепощению, технической и культурной отсталости крестьянских хозяйств. Реформа лишила крестьянина средств ведения хозяйства в прежних размерах. Они не могли сохранить даже прежние размеры наделов, которые были в период крепостного права. Крестьянские хозяйства были рассчитаны на трехдневный (в течение недели) труд крестьянина в свою пользу.

С 1860–1887 гг. площадь пашни увеличилась за счет распашки *неудобий*, уничтожение лесов с 21,5 % до 28,1 % от всех угодий. К 1860 г. распашка неудобных земель, уничтожение естественной растительности привели к усилению процессов разрушения почв. Площади неудобных земель увеличивались. После реформы 1861 г. из-за недостатка земли крестьяне распахивали даже неудобные земли, эрозионноопасные склоны. В результате площади неудобных земель сократились. Но такая деятельность земледельцев была крайне опасной, она вела к усилению процессов эрозии. Несмотря на распашку *неудобий*, размер душевого надела пахотной земли в

связи с увеличением населения уменьшался. С 1870–1900 гг. увеличение крестьянской земли, скота шло значительно медленнее, чем крестьянского населения. По данным А.Финн-Енотаевского, увеличение площади земли составило за этот период 20,5 %, пашни на всей крестьянской земле – 40,5 %, прирост крестьянского населения – 56,9 %, увеличение числа крестьянских хозяйств – 57,8 %, увеличение количества крестьянского скота – 9,5 %.

В крупных частновладельческих хозяйствах агротехнические мероприятия проводили на более высоком уровне. Раньше поднимали зябь, начинали предпосевную обработку почвы, больше вносили удобрений, лучше готовили семена, использовали более совершенные сельскохозяйственные орудия, внедряли интенсивные системы земледелия, приобретали новые сорта сельскохозяйственных культур. Все это позволяло увеличивать продуктивность крупных и средних имений на 20 % по сравнению с крестьянскими.

Превышение сборов на частновладельческих землях по сравнению с крестьянскими хозяйствами в Тамбовской, Симбирской, Казанской и Нижегородской губерниях за 18 лет составило от 5,3 до 10,8 пудов с десятины. По этой причине доходы крестьян от наделной земли были ниже заработков на чужих землях. Валовая доходность 1 дес. пашни наделной земли в Казанской, Нижегородской, Тамбовской, Пензенской губерниях составила от 9,95 до 13,41 руб., а заработок крестьян с одной десятины посева частновладельческой земли от 9,80 до 12,20 руб. Иначе говоря, труд на своей земле оплачивался хуже, чем на чужой. С.С.Бехтеев (1906) отмечал, что только доведение до уровня земледелия на частновладельческих полях позволило бы получать дополнительно следующее количество зерна (в тыс. пуд.):

Тамбовская губерния	16 232,0;	Симбирская	5 963,4
Нижегородская	4 480,8;	Казанская	10 619,0

Стоимость же прироста уровня урожая по европейской части России с

учетом вывозной цены за границу (71 коп. за пуд.) составляла 188 377 тыс. руб. Эта сумма, исчисленная для 45 губерний, превышала на 1 миллион руб. – сумму всех платежей крестьянам 50 губерний в погашении выкупных платежей, государственного земельного сбора, земских, волостных, сельских и страховых сборов. Доля частновладельческих земель в европейской части России (без частных владений крестьян) составляла 59,9 % общей площади крестьянской наделной земли).

Доля таких земель без хозяйственного ущерба снижалась и дальше. Но дробление крупной и средней земельной собственности и переход земли в руки земледельцев не мог решить проблему повышения благополучия страны. Первоочередной проблемой являлось повышение культурного уровня крестьянских хозяйств до уровня частновладельческих.

П.Маслов (1908) указывал, что мелкое хозяйство малопродуктивно не только потому, что не располагало достаточным количеством земли, но и потому что мелкий собственник располагал худшими орудиями труда. На приобретение улучшенного орудия часто не хватало у него средств, или нельзя его применить на своем участке из-за небольших его размеров. Но чаще всего – это низкая оценка своего собственного труда, освобождаемого машиной.

До отмены крепостного права «перенаселение» наблюдалось вследствие высокого обложения налогами и оброками. Уже в конце XVI столетия масса земель центрального района забрасывается крестьянами и остановившееся трехполье заменяется более экстенсивной системой. В XVII столетии продолжается опустошение деревень вследствие непосильных для населения налогов. В конце XVII и в начале XVIII столетия крестьяне бегут от чрезмерной эксплуатации дворян.

Сокращение наделов после отмены крепостного права, тяжесть налогов, выкупных платежей, создавало положение, когда чистый доход от земледелия у крестьян не оставался, что создавало избыточное население. Низкий уровень благополучия крестьянских хозяйств определялся не только

малоземельем, но и другими причинами:

а) неудобством расположения земельных наделов (внеадельная и внутриадельная чересполосица);

б) отсутствием государственной поддержки крестьянских хозяйств (дороговизна и неустройство деревенского кредита и др.);

в) отсутствием необходимых для ведения хозяйства оборотных средств, при условии выплаты огромных выкупных платежей и налогов;

г) отсутствием сельскохозяйственных знаний у большинства крестьян и земледельцев, примитивностью техники и организации хозяйства;

д) земледельческое население составляет слишком большую часть общего населения страны, что связано с недостаточным развитием промышленности;

ж) неравномерностью распределения территории и в плотно населенных районах избыточное население не переходит в промышленность;

з) посевы составляют небольшую часть общей площади пахотной земли с преобладанием малоценных культур.

Производительность земледелия оставалась на низком уровне. Прирост населения шел быстрее, чем рост производства продуктов питания (табл. 10).

В отдельных губерниях прироста зерна не было вовсе.

Таблица 10 – Производительность земледелия с 1861 по 1901 гг. (Бехтеев С. С., 1902)

Губернии	Прирост сельского населения в %	Сбор хлебов с 1 дес.		Увеличение сборов в %	Сбор всех хлебов на чел., пуд	
		1861–1870 гг.	1891–1900 гг.		1861–1870 гг.	1891–1900 гг.
Казанская	46	27	38	40	24,8	26,9
Пензенская	47	33	40	21	32,2	21,5
Тамбовская	56	43	48	11	40,7	26,0
Симбирская	46	35	39	11	31,6	20,8
Нижегородская	40	38	40	5	29,7	19,5

Причем в крупных помещичьих хозяйствах урожайность, как правило, была выше (табл. 11), что связано с их лучшей оснащенностью материально-техническими ресурсами и применением современных систем земледелия.

Важнейшей отраслью торговли оставалась торговля хлебом, (табл. 12) несмотря на то, что хлеба в стране не хватало. Экспорт зерна в 1885–1889 гг. по сравнению с 1830–1854 гг. увеличился на 12,86 раза.

Таблица 11 – Урожайность отдельных зерновых культур по крестьянским (в числителе) и частновладельческими полям (в знаменателе) в пуд. (Бехтеев С. С., 1902)

Губернии	Годы				Прирост за 40 лет, пуд.
	1861–1871	1871–1881	1881–1891	1891–1901	
Пензенская	33/38	38/44	39/43	40/48	7/10
Симбирская	35/37	37/42	38/42	39/45	4/8
Тамбовская	43/43	41/49	43/51	48/48	5/15
Казанская	27/28	30/35	32/37	38/47	12/19
Нижегородская	–	–	38/43	40/44	2/1

Таблица 12 – Экспорт зерна из России (Ермолов А. С., 1891)

Годы	Тыс. четвертей	Млн. т.
1830-1854	3918	0,7
1855-1859	7072	1,4
1860-1864	8778	1,7
1865-1869	10085	2,0
1870-1874	21600	4,2
1875-1879	32221	6,3
1880-1884	31720	6,2
1885-1889	45732	9,0

Доля зерна в стоимости всего экспорта возрос с 33,0 % в 1864 г. до 51,8 % в 1887 г (табл. 13).

Таблица 13 – Экспорт хлеба в России и доля его в общем экспорте

Годы	Объем экспорта хлеба млн. четвертей	Стоимость вывезенного хлеба, млн. руб.	Стоимость всего экспорта, млн. руб.	Доля экспорта хлеба в общем экспорте, %
------	-------------------------------------	--	-------------------------------------	---

1864	9,25	54,7	164,9	33,0
1787	30,5	264,0	508,0	51,8

Примечание: 1 четверть = 209,901 л или 0,72 английской четверти

Среднегодовой вывоз зерна за 1883–1887 гг. по данным А. С. Ермолова (1891) из России составил 7,4 млн. тонн, США – 6,0, Румынии – 1,6, Австро-Венгрии – 0,9 млн. тонн.

Учитывая бедственное положение сельского хозяйства страны, учеными была разработана программа выхода из кризиса. В. В. Докучаев (1892) отмечал, что переживаемое нами *бедствие* далеко не пропорционально *неурожаю*, оно *обострилось в силу целого ряда* других причин, в сущности, никакого прямого касательства к *засухе и недороду* 1891 г. не имеющих.

Программа исследования вопроса о мерах к улучшению естественных условий русского земледелия была разработана А. С. Ермоловым (1892) и предусматривала:

1. Организовать исследование метеорологических условий русского земледелия. В частности, выяснить вопрос о том, действительно ли и в какой мере климат Европейской России в последние годы изменился.

2. Собрать материалы по вопросу о причинах и размерах неурожаев в прежнее время, сопоставить их с данными за настоящее время и выяснить в, какой мере метеорологические условия 1891 года могут быть признаны исключительными и небывалыми, а также насколько возможно ожидать их повторения.

3. Исследовать вопрос об обмелении главнейших судоходных рек и их притоков. Выработать планы расчистки и охранения этих источников.

4. Выработать план наиболее неотложных работ по лесоразведению или возобновлению леса в верховьях или по течению рек, в местах распространения сыпучих песков и оврагов и т.п.

5. Выяснить условия образования и распространения степных балок и оврагов, с целью изыскания мер борьбы с этим злом.

6. Выяснить вопрос о том, составляет ли понижение уровня грунтовых вод следствие или причину засух и какими мерами возможно было бы предупредить это крайне опасное для земледелия явление.

7. Выяснить вопрос о возможности устройства запруд для задержания весенней снеговой воды и образования более или менее обширных водоемов в степных балках и низинах.

8. Разработать вопрос о возможно широком у нас производстве обводнительных работ.

9. Выяснить географические пределы возможного распространения культурных растений и их сортов, в связи с почвенными и климатическими условиями. Собрать сведения о наиболее выносливых к засухе и морозам сортах и разновидностях возделываемых в России растений,

10. Составить план обширных государственных работ по лесоразведению и орошению, начиная с местностей, наиболее нуждающихся по своим климатическим условиям в такого рода мелиорации.

В программе исследования экономического положения сельского населения и мерах к поднятию его благосостояния А. С. Ермолов (1892) отмечал следующее:

1. Причины бедности крестьян в черноземном районе – существующие условия и *формы крестьянского землевладения и землепользования.*

2. Необходимость *полной народной переписи* для выяснения вопроса о численности населения, о его составе и занятиях, о количестве земли, приходящейся на душу населения...

3. Необходимость расселения из скученных поселков ...

4. Вредное влияние переделов...

5. Желательность изменения деятельности Крестьянского поземельного Банка...

6. Желательное развитие хуторского хозяйства...

7. Необходимость урегулирования переселенческого движения...

8. Неблагоприятные последствия *слишком однообразного характера крестьянского земледелия*, направленного почти исключительно к производству зерновых хлебов; упадок скотоводства, как следствие распашки лугов и выгонов.

9. Непостоянство и случайный характер земледельческих заработков крестьян...

10. Неблагоприятные изменения в характере и условиях народной жизни, малая производительность крестьянского труда, постоянно возникающая потребность в *деньгах*...

11. Вынужденные и несвоевременные, в раннюю осеннюю пору, продажи крестьянского хлеба на покрытие казенных недоимок и платежей. Возрастание недоимок, не взирая на усиленные меры их взыскания, в местностях наиболее плодородных, но где население существует исключительно земледельческим трудом.

12. Чрезвычайное развитие в сельском быту *кулачества и ростовщичества*, при полном отсутствии в деревнях доступного крестьянину кредита.

13. Вредное влияние на обесценение продуктов сельского хозяйства деятельности мелких скупщиков, торгашей.

14. Губительное влияние на народное благосостояние сельских пожаров, Желательность *ограничения продажи фосфорных спичек*.

15. Неправильная постановка вопроса о мерах для *борьбы с пьянством*, недейственность закрытия питейных заведений, как средства для борьбы с этим злом.

16. Вредное влияние частых, в особенности в рабочую пору, *праздничных, прогульных дней*.

17. Необходимость введения обязательных общепольных *общественных работ* по проведению дорог, постройке мостов, лесоразведению, устройству прудов, орошению полей и лугов...

18. Необходимость упорядочения сельской жизни и *улучшения условий сельского быта*,

19. Необходимость *распространения сельскохозяйственных знаний* в среде сельского населения.

22 мая 1892 г. при Лесном департаменте Министерства земледелия и государственных имуществ, по распоряжению Министра М. Н. Островского, была образована Особая экспедиция по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России под руководством В. В. Докучаева (Цит. по Л. Н. Каштанову, 1992)

В специальном документе «Разъяснение целей и порядка действий экспедиции» говорилось:

1. Цель названной экспедиции заключается в улучшении естественных условий земледелия с упорядочением водного хозяйства в степной полосе России посредством разного рода облесительных и обводнительных работ.

2. На первое время для действия сей экспедиции избираются три особых участка, площадью каждый от 5 до 10 тыс. десятин, ... на водоразделах

Волго-Дон (Бобровский уезд Воронежской губернии), Дон-Донец (Старобельский уезд Харьковской губернии) и Донец-Днепр (Мариупольский уезд Екатеринославской губернии). На всех участках экспедиция производит предварительные исследования местных условий (геологических, почвенных и климатических).

3. Затем, на основании проектов и смет, составленных по данным, выработанным упомянутыми исследованиями, приступлено будет к производству самих работ на участках, каковые работы должны состоять в следующем:

- 1) укреплении оврагов и балок;
- 2) искусственное облесение песков и бугров;
- 3) образовании искусственных прудов, водохранилищ;

- 4) задержании снегов, посредством живых изгородей;
- 5) охране рек от застоя русла и берегов посредством разведения древесной растительности.

2.3. Земледелие и эрозия почв

При «освобождении» крестьян в 1861 г. их земельные наделы сильно сократились. Большие площади лучших земель, бывших в личном пользовании (в наделе) крепостных крестьян после реформы были отрезаны помещиками. Эти отрезки составляли: в Самарской губернии 44 % всего дореформенного землепользования, в Саратовской – 41, в Симбирской – 31 % (Лященко П. И., 1945). Крестьяне, лишившись своих лучших земель, получили пахотные угодья на неудобных землях: по склонам балок, каменистым водоразделам и т. д. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные материалы: геодезические описания при отводе земельных участков крестьянам, экспликации земель, ведомости о крестьянских наделах и т. д. Так, в геодезическом описании при отводе участка, поступившего по уставной грамоте в надел обществу бывших удельных крестьян с. Котякова Карсунского уезда Симбирской губернии, указано всей земли 816 дес. 150 саж., из которых неудобной (под песками, оврагами, скатами гор, речками и т.п.) – 145 дес.

О качестве выделенных в крестьянский надел земельных угодий можно судить по экспликациям земель различных сел. Так, в экспликации земель крестьянского надела присельского участка с. Живайкина Карсунского уезда удобной земли было 2 804 дес., а неудобной 76 дес., д. Сороки удобной земли – 910 дес., неудобной – 72 дес. 1600 саж.

Приведенные примеры свидетельствуют об усиленном развитии процессов эрозии в начале второй половины XIX столетия. Кроме того, отмеченные в уставных грамотах неудобные земли часто при проверке в натуре оказывались в большем количестве.

Развитию эрозионных процессов во второй половине XIX столетия содействовал и своеобразный характер крестьянского землепользования, когда надельная земля стала отводиться всей земельной общине в целом. Община по мере роста населения переделывала землю «по едокам» каждые 5–10–12 лет. Следовательно, крестьянин получал земельный участок лишь в кратковременное пользование и поэтому он не был заинтересован в поднятии плодородия и охране почвы своего участка от эрозии. По этому поводу П.И.Лященко отмечал: «земельные переделы преследовали цели не только количественной уравнительности землепользования, но и качественного уравнивания его. Поэтому обычно участки надельной земли разного качества или разной отдаленности от селения разбивались каждый отдельно по общему числу душ. А при трехполье каждый участок делился ещё на три поля и каждый член общества получал в каждом поле, по крайней мере, по одной полосе» (Лященко П. И., 1939, стр. 370). Конечно, при такой форме разделения земли надел отдельного двора был разбросан чересполосно в нескольких местах. Так, в земельной общине д. Мордовский Белый Ключ Карсунского уезда земельный надел в 2 000 дес. был разбит на 14 участков в разных местах. Если учесть, что в составе этого крестьянского общества более 500 чел. жителей и земля разделена по едокам, то станет ясным, сколько всего участков было в одной лишь земельной общине.

К распашке неудобных земель после реформы 1861 г. привели малоземелье, а также рост народонаселения. В работе «Юго-Восток Европейской России» (1911) отмечается, что в Симбирской и Пензенской губерниях душевой надел крестьян составил в 1858 г. 3,4–3,6 га, в 1880 г. 2,6–2,7 дес., а в 1900 г. только 2,0–2,1 десятин. К тому же крестьяне после отмены крепостного права получили по уставным грамотам худшие земли (каменистые участки и выгоны, поля с оврагами, рытвинами, водороинами и т. д.), расположенные на склонах и вдоль оврагов. Поэтому крестьяне

стремились расширить площади пашни за счет других угодий своего надела и неудобных земель.

В Пензенской губернии во время генерального межевания неудобные земли занимали 2,3–4,9 % территории (Коновалов М. М., 1924). В основном к этим землям относили улицы, речки, озера, болота и небольшие площади, подверженные размыву. К 60-м годам XIX в. хищническое истребление лесов и распашка земель расширили деятельность водной и ветровой эрозий, что привело к увеличению неудобных земель, которые к этому времени достигли 12,25 % территории губернии. Однако за 20 лет после реформы, т. е. к 1881 г., площади неудобных земель по отчетным данным резко сократились (до 4 %), что связано с распашкой крутых склонов, каменистых и песчаных мест, русел оврагов и т. д., которые до реформы считались неудобными землями.

В пореформенный период расширение площади под пашню продолжалось и за счет уничтожения лесов. Крестьяне рубили свой наделный лес. Так, за государственными крестьянами Темниковского уезда Тамбовской губернии по документам числилось около 13 тыс. дес. леса, а «в действительности эти леса почти везде были вырублены, остался от них только мелкий кустарник, да пни» (Сборник стат. сведений, 1883, № 165, стр. 41).

На истребление лесов в Симбирской губернии, особенно после 1861 г. указывал А.В. фон Гренберг (1891), который писал, что на холмах в северной части губернии, когда-то покрытых вековым лесом, во второй половине XIX в. видны были только его остатки, а главные массивы лесов вырублены. «Иногда с целью снять два или три урожая, – указывает А. В. фон Гренберг, – лес корчевался на таких крутых склонах, что сохою или плугом нельзя было обрабатывать землю, тогда пускали в ход мотыги и обрабатывали вручную, сеяли на первый год репу, на второй – лен или просо, а на третий уже и мотыгами нельзя было обрабатывать землю, потому что вместо крутого склона образовался отвесный овраг, вершина которого была в лесу, и распространялся на землю ни в чем не повинного

соседа. Такое хозяйство мне пришлось наблюдать в селах Злобине и Сутяжном Алатырского уезда».

Леса в Среднем Поволжье уничтожались не только под пашню. Заметное истребление лесов, начатое ещё во время русской колонизации, усилилось в XIX в. в связи с большим спросом на древесину для строительства фабрик, заводов, большого количества судов для Волжского бассейна рек Суры, Мокши. По р. Мокше, например, плавали различные суда: межеумки, гусянки, унженки, барки и дощаны. Гусянки и унженки строились в с. Баево, остальные на всех пристанях р. Мокши (Сталь, 1867).

О значительном развитии овражной эрозии в Симбирской губернии указывается в докладе Л. В. фон Гремберга (1891). «Не грозит ли нам бедою постепенное разрастание оврагов», прочитанном в 1 отделении Вольного экономического общества 14 марта 1891 г. В нем говорилось: «... если мы взглянем на карту губернии, то увидим, что вся местность, занятая губернией, представляет собой нечто вроде кружева – так изрезана она сетью оврагов».

О массовом росте оврагов в Ардатовском уезде Симбирской губернии говорил следующий факт. Землевладелец этого уезда М. С. Нагаткин (1892) в своем докладе на 2-м заседании Московского общества сельского хозяйства 19 декабря 1892 г. сказал, что между городами Алатырем и Ардатовом в 50-х гг. XIX столетия было 3 моста через овраги, а за последние 40 лет их стало 42. Не менее интенсивно развивались овраги и в Пензенской губернии. Так, в Аршинской волости Нижнеломовского уезда «...вся сельская земля изрыта оврагами, водомоинами, лощинами и прочими, число их с каждым годом увеличивается, глубина доходит до 20 саж.» (Масальский В. И., 1827).

В Ляпоговской волости Пензенского уезда из всей площади 19 270 дес. под оврагами было занято до 305 дес., причем эти овраги ежегодно увеличивались, длина их достигала до 2 верст, ширина до 60 саж.,

при глубине 20 саж. В сильнейшей степени были изрыты оврагами крестьянские наделы. Так, в Воронской волости Нижне-Ломовского уезда Пензенской губернии «... на крестьянских землях д. Пустыни и Бельни очень много оврагов, которые увеличиваются в длину и ширину; образуются также и маленькие. Глубина оврагов местами доходит до 15 саж. (Масальский В. И., 1827, стр. 32).

В описании естественных условий Кузнецкого уезда Саратовской губернии (ныне территория этого уезда входит в состав Пензенской области) тоже отмечалось крайнее обилие оврагов и мелких водороев. Так, в с. Могилки Кунчеровской волости, вдоль пахотного поля проходил овраг «Каменный», который тянулся верст на 10 при средней ширине до 100 саж (Сборник стат. сведений по Саратовской губ., 1891).

Происходило быстрое развитие и рост оврагов. Так, в Барашевской волости Темниковского уезда овраги удлинялись от 1 до 3 саж. и даже более в год. Старая дорога с 1873–1891 гг. отошла на 32 саж. «Размывание нередко происходит чрезвычайно быстро, – указывается в корреспонденции из Жегаловской волости Темниковского уезда, – на дне задернованной лощины в течение одной весны вырыло овраг в 25 саж. длиной и до 2 саж. глубиной, так что дорогу пришлось перенести на другое место» (Масальский В. И., 1827, стр. 148).

В конце XIX в. повторяющиеся неурожаи в России заставили правительство заинтересоваться вопросами борьбы с засухой и, отчасти, с эрозией (пески, овраги, черные бури), в результате чего были организованы специальные экспедиции: Докучаевская экспедиция Московского департамента, экспедиция М. Н. Анненкова; экспедиция для исследования источников главнейших рек европейской части России под руководством генерала А. А. Тилло. Последняя экспедиция приступила к исследованиям в 1894 г., обследовав бассейны рек Волги, Оки, Сызрани.

Описывая бассейн р. Сызрани, С. Н. Никитин, указывал, что сведение лесов и распашка земель привели к возникновению растущих оврагов. Он

говорил, что склоны левого берега р. Сызрани, некогда покрытые сплошным лесом, ныне в значительной степени возделаны, и встречаются ряд растущих оврагов, коротких и ветвистых, которые выносят очень большое количество кремнистой глины и песка. Вообще овраги бассейна р. Сызрани отличались тем, что при небольшой площади разрушения, они выносили массу песчаного материала, который разрушал поля и луга (Никитин С. Н., 1898).

В «Обзорах Пензенской губернии» за ряд лет приводились сведения об укреплении оврагов за счет уездных земств. Так, Наровчатским уездным земством (Пензенская губерния) борьба с оврагами проводилась путем устройства земляных валов, забивки свай в берега оврагов, скрепляемых прогонами» (Масальский В. И., 1827, стр. 11).

С 1879–1900 гг., всего земляных валов около оврагов сделано 176 с общей протяженностью 4 647 пог. саж., произведен ремонт земляных валов в 691 месте протяженностью 21 997 пог. саж (Обзоры Пензенской губернии, 1879–1900 гг.).

На средства трудовой помощи, в 1889 г. некоторым губерниям, в том числе Симбирской, был укреплен овраг, который угрожал водопроводу, идущему от родника к селу Ст. Измайловка Сенгилеевского уезда. Уполномоченный по трудовой помощи в своем отчете после указанных работ писал: «...произведёнными работами не только спасена крестьянам вода, но и предохранена та пахотная крестьянская земля, которая постепенно захватывалась оврагами» (Трудовая помощь, 1900, стр. 291).

В 80-х годах XIX в. в Симбирской губернии начинались первые попытки облесения песков. Пионером в этом деле был губернский предводитель дворянства В. Н. Поливанов, который на песчаных местах своего имения «Акшуат» сделал попытку задержки легкоподвижных песков, наступающих на его пашню. После ряда неудачных опытов унавоживания песков, посева овса, устройства плетней, свалки мусора, покрытия песчаной поверхности соломой и мхом В. Н. Поливанов остановился, наконец, на

вполне удавшейся попытке разведения соснового леса. Прием его лесоразведения состоял в рядовой посадке сначала дичками, а впоследствии сеянцами сосны. Таким способом было посажено 100 дес. леса. За укрепление сыпучих песков на территории своего имения В. Н. Поливанов был удостоен Большой золотой медали Министерства земледелия и денежной награды. При его имении был обширный лесной питомник, из которого сеянцы и саженцы шли в продажу. Теперь эти сосновые насаждения на сыпучих песках в окрестностях сел Поливанова и Акшуат входят в состав Поливановской лесной дачи Барышского района Ульяновской области и называются Акшуатским парком.

В имении В. Н. Поливанова укреплялись не только пески, но и овраги, что видно из описаний отдельных русских имений. Так, в описании имения «Акшуат» встречаем указания на то, что «кое-где есть овраги и водомоины, которые с целью закрепления перегораживаются плетнями, засаживаются сосной и разными лиственными породами» (Описания отдельных русских хозяйств, 1898, стр. 33).

Укрепление оврагов в XIX столетии производилось и в других помещичьих хозяйствах. Например, землевладелец Ардатовского уезда Симбирской губернии М. С. Нагаткин на землях своего имения проводил борьбу с оврагами (Нагаткин М. С., 1892 стр. 72). В имении «Отрада», находящегося при с. Отрада Буинского уезда Симбирской губернии, укреплением оврагов, их облесением и производством обводнительных работ помещик Михайлов стал заниматься с 1891 г. (Описания отдельных русских хозяйств, 1898, стр. 33). В результате такой борьбы с оврагами в имении Михайлова при ничтожных затратах было обращено в пашню до 8 дес. неудобной земли. По словам Михайлова, после такого укрепления, во-первых, сразу прекращался дальнейший рост оврага, и он начинал в своих верховьях быстро заиливаться, во-вторых, около каждой перепрудки, задерживалась снеговая и дождевая вода так, что весной такой перепруженный овраг представлял собой целый ряд небольших прудков, и,

в-третьих, от медленного просачивания воды через плотники дно такого оврага всегда бывало влажным, вследствие чего по всему протяжению оврага быстро разрастались ветла и другие ивовые породы, несмотря на господствующие засухи.

Борьба с эрозией почв в крестьянских хозяйствах и обществах заключалась в основном только в укреплении песчаных земель. Пескоукрепительные работы проводились на землях различных селений. Так, еще в 1898 г. крестьяне села Коптевка Томышевской волости Сызранского уезда Симбирской губернии произвели посадку шелюги на песчаных землях. (Трудовая помощь, 1900). Работа по укреплению песков путем шелюгования производилась и в Пензенской губернии. Так, в Краснослободском уезде посадки шелюги впервые появились в 1903–1904 гг. на песчаных землях крестьян д. Ст. Зубарево. Опыт шелюгования песков крестьянами д. Ст. Зубарево постепенно распространялся по уездам в другие села. Так, что уже летом 1914 г. были зарегистрированы посадки шелюги на площади 189,35 дес., из них 84,91 дес. в д. Ст. Зубарево; 20,63 – в с. Пурдошки; 37,06 – в с. Качатово и 5,75 дес. – в Новом Девичье (О песчано-овражных работах, 1915).

Но бессистемная борьба с эрозией почв не могла остановить и тем более совсем прекратить её. Пагубное действие эрозии возрастало и принимало все большие масштабы. Поэтому вопрос о борьбе с действующими оврагами и сыпучими песками в начале XX столетия стал актуальным вопросом повестки дня. Даже Государственный Совет принял постановление, устанавливающее денежные премии, золотые и серебряные медали за труды по лесоразведению, укреплению передвигающихся песков и оврагов древесной и кустарниковой растительностью (О премиях за труды по лесоразведению, 1901).

Вопрос о необходимости борьбы с оврагами, песками и др. обсуждался во всех уездных комитетах «О нуждах сельскохозяйственной промышленности». Так, на заседании Симбирского уездного комитета землевладелец А. Н.

Ухтомский (1903) в специальном докладе «О борьбе с засухой и оврагами» предложил производить выкуп казной всех земель, подлежащих облесению, а производство работ по облесению и обводнению проводить средствами казны; обязательное прекращение распашки крутых склонов и овражистых полей; облесение оврагов и прилегающих к ним земель на 80 саж. по обе стороны оврагов; устройство запруд по всем оврагам.

Однако правительство до 90-х годов XIX в. централизованных мер борьбы с эрозией почв не принимало. Так, авторы проекта закона «Об обязательном укреплении и облесении песков и оврагов», представленном песчано-овражным производством Лесного департамента в августе 1913 г. в Государственную Думу писали, что, несмотря на распространенность песков и оврагов, до начала 90-х годов минувшего столетия борьба с ними имела случайный характер.

С. С. Бехтеев в 1902 г. предложил программу подъема сельского хозяйства. Он отмечал, что с отменой крепостного права появились объективные предпосылки для перехода к новым системам земледелия. Для их внедрения необходимо развивать кредитную систему, поощрять травосеяние путем изменения налогообложения. Для улучшения форм производства и увеличения заработков крестьян он предлагал расширить площади под пропашными культурами (свеклой, картофелем). Интенсификация земледелия немыслима без распространения научных знаний через учебные заведения, опытные поля и станции, лаборатории, показательные поля, образцовые хозяйства и т. д. Требуются правительственная программа по строительству заводов для массового производства усовершенствованных земледельческих орудий, отказ от выкупных недоимок, снижение платежей крестьян, освобождение их от части сборов на содержание волостных учреждений, полное упразднение государственных поземельных налогов для хозяйств всех категорий. Для охраны почвы надо запретить распахиwanie склонов, организовать

общественные работы по укреплению оврагов с попутным устройством прудов.

Но судьба русского земледелия всегда оказывалась на втором плане. Еще в 1872 г. была создана комиссия по усовершенствованию земледелия под руководством П. А. Валуева. Был собран обширный материал, сделаны выводы и рекомендации, претворение которых имело бы чрезвычайно большое значение. Но разразилась Турецкая война, и проекты комиссии остались невыполненными. В 1888 г. начала действовать комиссия по поводу упадка цен на хлеб (во главе с сенатором В. К. фон Плеве). В ее задачу входило проектирование мер, способных охранить земледелие от надвигающихся бед. Голод 1891 г. и холера 1892 г. не позволили осуществить их. Деревня не получила желаемой помощи. Доходность земледелия падала, недоимки росли, хлебный вывоз сокращался. «Особое совещание», созданное в 1900 г. для выяснения нужд сельского хозяйства и связанных с ним отраслей народного труда, также не улучшило дел. Все это привело к восстаниям крестьян 1905 г., которые ярко показали, что они не желали мириться со своим рабским положением.

С. С. Бехтеев (1902) указывал, что Фридрих Великий убедившись в необходимости сельскохозяйственных реформ, проводил их в жизнь не только полицейскими мерами, но и реальной помощью землевладельцам, в виде бесплатной раздачи семян многолетних трав, развитием культуры, распространением сельскохозяйственных знаний и др. Поэтому с отменой крепостного права трехпольная система уступила место более усовершенствованным многопольным системам. В России же в этот период господствовало крепостное право. С прикреплением крестьян к земле, трехпольная система стала господствующей.

2.4. Развитие агрономии

во 2-й половине XIX – начале XX века

После реформы 1861 г. произошёл прорыв в российской агрономической науке: стали открываться высшие учебные заведения, опытные учреждения.

Во второй половине XIX в. организуются опытные станции. В 1864 г. при Рижском политехническом институте была открыта первая сельскохозяйственная опытная станция, а с 1867 г. – опытное поле при Петровской академии. В 1881 г. было организовано Тростянецкое опытное поле. В 1885 г. было открыто – Полтавское опытное поле. Первая программа Полтавского опытного поля представляет собой коллективный труд выдающихся агрономов России (Черепяхин Б. П., Зайкевич А. Е., Измаильский А. А., Квитко Б. К. и др.). В 1897 г. в г. Харькове состоялось совещание заведующих опытными полями России по вопросам разработки положения и программы работ опытных полей.

В 1881–1900 гг. по инициативе и на средства Вольного экономического общества и губернских обществ сельского хозяйства было создано много опытных полей в помещичьих хозяйствах. В 1901–1903 гг. было проведено три съезда ученых опытников, где подводились итоги исследовательской работы в области агротехники и селекции сельскохозяйственных культур.

В 60-е годы XIX в. А. Н.Энгельгардт начал поиски доступного для русского сельского хозяйства фосфорного удобрения. В то время одним из основных видов фосфорных удобрений за границей была костяная мука. В 1863 г. А. Н.Энгельгардт нашел простой способ разложения костяной муки при помощи поташа или золы, практически пригодной для применения в сельском хозяйстве. В 1866 г. он обследовал залежи фосфоритов в средней России – в Курской, Смоленской, Орловской и Воронежской губерниях. В это время А. Н. Энгельгардт сам не ставил опытов с удобрениями. Он писал статьи о применении удобрений и занимался обследованием залежей фосфоритов.

В имении Батищево А. Н.Энгельгардт ввел 15-польный севооборот. На старопахотных землях он высевал клевер с тимopheевкой (с использованием в

течение 6 лет) со следующим чередованием культур в севообороте: 1) лен; 2) пар; 3) рожь; 4) яровые; 5) пар; 6) рожь; 7) яровые; 8) пар; 9) рожь; 10–12) травы на укос; 13–15) травы на выпас. С изменением полеводства стало иным и животноводство. Затем А. Н. Энгельгардт перешел к более интенсивным севооборотам: 1) пар; 2) рожь; 3–5) травы; 6) лен.

Его опыты привлекли внимание В. И. Вернадского, В. В. Докучаева, П.А.Костычева и др. В своих трудах «Из деревни», «О хозяйстве в северной России и применении в нем фосфоритов», «Химические основы земледелия» и др. А. Н. Энгельгардт доказывал, что между системой земледелия и производственным направлением существуют неразрывная связь и взаимозависимость. При паровой системе направление хозяйства может быть только зерновым, при выгонной – молочно-животноводческим и льноводческим. Главным элементом системы хозяйства он считал уничтожение пустошей и приведение всей удобной земли в культурное состояние, удобрение земли, совершенствование почвообрабатывающих орудий.

Он связывал будущее российского сельского хозяйства с культурным крестьянином. На первый план он ставил человека, хозяина. Он считал, что от хозяина зависит вся система хозяйства, и если система дурна, то никакие машины не помогут. С именем А. Н. Энгельгардта связана организация сельскохозяйственного опытного дела в северной нечерноземной полосе России. После его смерти имение было приобретено Департаментом земледелия, и на его базе была создана опытная станция.

После реформы 1861 г. разрабатывались проблемы аренды в сельском хозяйстве. Специально созданная по этому поводу «Комиссия по вопросу о хуторах и современных условиях крестьянского хозяйства» издала «Доклады» (1880–1884), в которых были собраны материалы об аренде земли и хуторах. В 1891–1893 гг. были организованы экспедиции в Воронежскую, Курскую и другие губернии, особенно сильно пострадавшие от засухи. Полученные

данные позволили сделать рекомендации по улучшению отрасли. В конце XIX в. остро встал вопрос о кооперации.

Вторая половина XIX в. отличается бурным прогрессом науки и техники. Сформировалась «могучая кучка» русской агрономии. Подъем общественной мысли, страстная пропаганда естествознания, ожидание перемен способствовали развитию этого направления. Благотворное влияние оказали открытие клетки и создание клеточной теории, открытие закона сохранения и превращения энергии, эволюционной теории происхождения видов. Они послужили прочным фундаментом, огромным стимулом для агрономических исследований. Проникновение в них естествознания и дифференциация агрономических дисциплин произошли только в XIX в. Начало формирования агрономии как науки связано с именем А. В. Советова (1826–1901). При нем произошла дифференциация агрономии на почвоведение, агрохимию, растениеводство и селекцию. Основной чертой научной агрономии этого периода является расцвет теоретической мысли. Под влиянием А. В. Советова ученые-агрономы 1860-х гг. перестают быть энциклопедистами и направляют свои усилия на разработку специализированных разделов земледелия.

А. В. Советовым было дано ясное представление о системах земледелия и четко сформулировано положение о том, что любая система земледелия возникает при определенных экономических условиях, с изменением которых должна заменяться, и отражаться степень развития народов и государства.

Ему принадлежит инициатива проведения регулярных съездов русских агрономов, на которых они могли бы обмениваться опытом. Он превратил агрономию из необязательного курса в полноправную университетскую дисциплину. А. В. Советов, заведая кафедрой сельского хозяйства в Петербургском университете, был избран председателем Первого (сельскохозяйственного) отделения Вольного экономического общества, редактором его «Трудов», длительное время оставался вице-президентом

общества. По предложению А. В. Советова оно поручает в 1877 г. молодому геологу В. В. Докучаеву изучение почв черноземной зоны.

В 1891 г. им были изучены особенности почв степной зоны. Результаты отражены во втором классическом труде «Наши степи прежде и теперь» (1892). Поводом для его издания послужили страшная засуха и голод, поразившие степные районы в 1891–1892 гг. Автор привел комплекс мер по борьбе с засухой, которые должны были привести к созданию культурного ландшафта. При лесном департаменте в 1892 г. была организована Особая экспедиция по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйств в степной зоне России, руководителем которой стал В. В. Докучаев. В ней участвовали видные ученые Н. М. Сибирцев, К. Д. Глинка, Г. Н. Высоцкий, Г. И. Панфилов и др. Работы были начаты одновременно на трех опытных участках, отражающих своеобразие черноземных степей юга страны:

1. На водоразделе между реками Волгой и Доном для постановки опытов по обводнению и облесению степных пространств зоны обыкновенного чернозема была избрана Каменная Степь. Этот участок стал колыбелью полезащитного лесоразведения.

2. В зоне южных черноземов, на водоразделе между реками Доном и Донцом, был учрежден второй участок – Старобельский, действующий и в настоящее время.

3. Самым южным по своему географическому положению был третий участок – Мариупольский (Великоанадольский) в зоне распространения предкавказских (приазовских) черноземов.

Результаты наблюдений были опубликованы в 18 выпусках трудов Особой экспедиции. На них базировалась организация рационального выращивания сельскохозяйственных растений в степной зоне. Они давали научное обоснование степного лесоразведения.

Тогда же по инициативе и при участии В.В.Докучаева в Каменной Степи Воронежской губернии была создана «Работающая модель» с хорошо

продуманной системой лесных полос, водоемов. В ходе ее внедрения была полностью приостановлена эрозия почв, значительно поднялись грунтовые воды, сохранились эталонные участки целинной ковыльной степи.

Засуха 1891 г. побудила ученых заняться водным режимом почв. В 1893–1894 гг. были опубликованы две книги А. А. Измаильского (1851–1914) – «Как высохла наша степь» и «Влажность почвы и грунтовая вода в связи с рельефом и культурным состоянием поверхности почвы». Он не был профессиональным исследователем, но его наблюдения за динамикой влажности в глубоком профиле почвогрунта в Полтавской губернии позволили выяснить главные закономерности непромывного водного режима почв и степи. На их основе он пришел к выводу, что причиной иссушения является ухудшение водного баланса.

А. А. Измаильский был в свое время ассистентом Петровской академии, затем преподавателем Херсонского земского сельскохозяйственного училища и одновременно заведующим его фермой. Но в результате конфликта с начальством весь преподавательский состав училища вышел в отставку. А. А. Измаильский нанялся управляющим в имение. Опытной работой он занимался только тогда, когда был свободен. За 6 лет им было проделано более 6 тыс. определений влажности почвы. Специальным приспособлением он мог брать образцы с любой глубины, не нарушая структуры, затем описывал их по внешнему виду, измерял влажность, влагоемкость, объемную массу при естественной структуре, величину некапиллярных пор.

Выводы его многолетней работы сводились к следующему:

1. Влажность почвы зависит от вида и строения поверхности почвы едва ли не больше, чем от количества атмосферных осадков.
2. При одном и том же количестве атмосферных осадков, но при различном культурном состоянии почв одна из них ежегодно будет обогащаться влагой, а другая, напротив, все более будет высыхать.

3. Увеличение запасов влаги в почве зависит главным образом от условий: а) затрудняющих сток атмосферной воды с поверхности почвы; б) способствующих проникновению этой влаги внутрь почвы; в) защищающих поверхность почвы от высыхания.

4. При благоприятном сочетании указанных условий верхний уровень грунтовых вод должен значительно подниматься над уровнем водопроницаемого слоя. Чем благоприятнее эти условия и чем продолжительнее они действуют, тем ближе уровень грунтовых вод от поверхности почвы.

А. А. Измаильский был экспериментатором, и его выводы строились на огромном количестве фактов. Князь А. Кудашев, выдвигавший «теорию мелкой вспашки», ссылаясь на свои опыты. А. А. Измаильский отмечал, что последние ставились методически неверно, а потому и вывод ошибочен. В них грунтовые воды находились ближе, чем в опытах А. А. Измаильского.

Позднее с идеей бесплужной обработки выступил И. Е. Овсинский. В 1898 г. на съезде естествоиспытателей и врачей в Киеве он сделал доклад о ней, а в 1899 г. издал книгу «Новая система земледелия». Автор исходил из того, что почва в естественном состоянии пронизывается корнями растений, ходами дождевых червей и т. п., и поэтому она водо- и воздухопроницаема.

Глубокая вспашка уничтожает в почве эти каналы и превращает ее в однородную порошковидную массу. В имениях, где И. Е. Овсинский был управляющим, отказались от глубоких обработок, ограничив их 5 см, для чего был сконструирован культиватор с плоскорежущими рабочими органами. При такой мелкой обработке почва хорошо сохраняет влагу и обогащается водой за счет конденсации паров из атмосферного воздуха.

Данная система требовала своевременного проведения всех работ. После уборки предшествующей культуры рекомендовалось немедленное лущение многокорпусными плужками или ножевыми культиваторами, повторяемое затем осенью. Экспериментальная проверка системы мелкой пахоты в начале века выявила ее неэффективность. В течение 5 лет метод И.

Е. Овсинского проверялся на Полтавской и в продолжение 2 лет – на Плотнянской опытных станциях. В обоих случаях урожаи были несколько ниже, чем на делянках с обычной обработкой. Поэтому она была отвергнута на долгие годы. Тем не менее агрономическая наука ищет замены плужной обработки почвы, уменьшения ее глубины и числа.

Старейшее Полтавское сельскохозяйственное общество четыре раза избирало своим вице-президентом агронома. По представлению В. В. Докучаева он был принят в члены Вольного экономического общества.

В 1900-е гг. шли активная разработка и внедрение в производство научных основ земледелия. В 1901 г. Министерством земледелия была создана постоянная комиссия по опытному делу, выпущено Положение о сельскохозяйственных опытных учреждениях и открыты четыре государственные опытные станции: Запольская – в Петербургской, Костычевская – в Самарской, Энгельгардтовская – в Смоленской и Шатиловская – в Орловской губерниях.

В 1903 г. Д. Л. Рудзинским (1866–1954) была организована первая в России селекционная станция при Петровской сельскохозяйственной академии. К 1913 г. насчитывалось уже 214 опытных станций, небольших опытных полей и опорных пунктов по различным направлениям сельского хозяйства. Велось строительство Московской, Саратовской, Днепропетровской, Харьковской и Киевской опытных станций. Но согласно отчету министерства в 1912 г. на одно опытное учреждение приходилось в среднем всего 2,1 сотрудника с высшим образованием. Несмотря на слабую материально-техническую базу и обеспеченность высококвалифицированными кадрами, ими было доказано положительное действие фосфоритной муки на подзолистых почвах, предложен способ и спроектирована комбинированная сеялка для внесения суперфосфата в рядки при посеве свеклы. Станциями исследовался вопрос об использовании растениями соединений азота, фосфора, калия, магния, железа, серы, выявлялась эффективность глубокого рыхления под сахарную свеклу.

Результаты послужили основанием для развития учения о питании растений, агрохимии, физиологии растений. Для степной зоны была предложена система обработки черных и ранних паров. Главным ее элементом была летняя мелкая обработка специально изготовленным ножевым культиватором, который не выворачивал на поверхность нижние слои пашни.

Выдающую роль в развитии биологической и сельскохозяйственной наук сыграл И. В. Мичурин (1855–1935). Им разработана и внедрена в практику теория акклиматизации южных растений. Он начал заниматься селекцией плодовых в 1874–1875 гг. Его деятельность была посвящена продвижению растений в северные районы. И.В.Мичурин – автор ряда методов гибридизации, в том числе отдаленной. Благодаря его трудам получено более 300 сортов плодово-ягодных культур, по продуктивности, зимостойкости, вкусовым качествам превзошедших старые.

Исключительно важное значение для теории и практики селекции имели работы И. В. Мичурина по гибридизации географически отдаленных форм растений. Он разработал учение об управлении явлением доминирования в процессе формирования признаков и свойств многолетних растений в онтогенезе.

Важное место в развитии сельского хозяйства занимало распространение новых сортов. Выдающиеся ученые А. В. Советов и А. М. Бутлеров предложили учредить Большую золотую медаль памяти Е. А. Грачева и присуждать ее «за особые заслуги по усовершенствованию русского огородничества». Е. А. Грачёв (1826–1877) создал огромное количество сортов овощей и картофеля, в том числе свыше 30 сортов редиса, 15 сортов салатного сельдерея. На выставке им выставлялся кочан капусты диаметром 71 см, редис «китайский Грачёва» – 9 см, редька «зимняя Грачёва» – 53 см, тыква «исполинская желтая» массой до 48 кг. На Российской выставке 1866 г. его экспонаты успешно соперничали с достижениями главного садовника и преподавателя садоводства Петровской земледельческой и лесной академии Р.

И. Шрёдера. Не выдерживали сравнения с ними и экспонаты директора Петербургского ботанического сада Э. Л. Регеля. В 1869 г. в Петербурге он представил 80 сортов картофеля. Здесь показывались лучшие образцы этой культуры из Европы и Америки. Жюри присудило

Е. А. Грачёву первую премию.

В 1875 г. на Всемирной выставке в Кёльне Е. А. Грачёв демонстрировал спелые початки кукурузы, выращенные в открытом грунте в условиях Петербурга. Он уже тогда практиковал закаливание семян: прорастающие семена кукурузы заворачивал в мокрую тряпицу и зарывал в снег с расчетом, чтобы они не промерзли. Всего же Е. А. Грачёв получил на крупнейших международных выставках 11 золотых, 41 серебряную и 11 бронзовых медалей.

Им было рекомендовано к разведению около 50 сортов капусты, более 40 – столовой свеклы, 36 – моркови, свыше 20 – репы, 18 – редьки и более 100 сортов картофеля, выведенных путем селекции из семян. Лучшие его сорта давали продуктивность «сам» 42, «сам» 43. А. Н. Энгельгардт отмечал, что книги по огородничеству Е. А. Грачёва приносят реальную пользу.

Дело отца продолжил сын – В. Е. Грачёв, выращивавший сорта картофеля и участвовавший в международных выставках. В 1890 г. на Всероссийской выставке 250 сортов картофеля демонстрировала от его имени вдова В. Е. Грачёва. Грачёвский семенной материал продавался в России вплоть до 1914 г.

Последователем селекционера был И. Я. Никитинский (1855–1912), которого называли «Королем картошки», работавший в Рязанской губернии над сортами картофеля. Исключительное значение имеет деятельность Костинского хозяйства Рязанской губернии близ станции Дивово – в имении агронома-практика И. Я. Никитинского. Оно было в дореволюционный период чуть ли не единственным производителем семенного картофеля. Им выведено множество сортов картофеля для разных климатических зон страны. Решением Рязанского общества сельского хозяйства на IX

сельскохозяйственной выставке (1908 г.) Костинская экономия была награждена Почетным дипломом за коллекцию картофеля из 349 сортов местной культуры, а И. Я. Никитинский – золотым жетоном. Всего же в хозяйстве имелось 511 сортов.

Экономия активно занималась выведением и распространением новых сортов картофеля путем скрещивания лучших сортов. Начало планомерной научно-исследовательской работе положила Корневская картофельная станция, открытая в 1919 г. под Москвой. Базой для селекции послужила коллекция И. Я. Никитинского (400 образцов) и сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева (300 образцов). Организатором и научным руководителем ее стал А. Г. Лорх (1889–1980) – один из основателей селекции и сортоиспытания картофеля в СССР, Герой Социалистического Труда.

В России было немало талантливых людей, которые конструировали новую сельскохозяйственную технику. Первую в мире комбинированную зерноуборочную машину предложил и построил в 1868 г. русский изобретатель А. Р. Власенко из Тверской губернии. Он назвал ее жней-молотилкой. Постановлением общего собрания членов Вольного экономического общества за это изобретение он был награжден золотой медалью. Но в условиях России его комбайн не нашел применения. Подобная машина в США появилась только в 1879 г., и с той поры утвердился термин «комбайн».

В 1837 г. Д. А. Загряжский получил патент на «экипаж с подвижными колеями», т. е. на гусеничном ходу. Но он не имел средств для реализации машины, и патент был аннулирован. В 1879 г. Ф. А. Блинов, простой бурлак, а впоследствии машинист буксирного парохода, запатентовал устройство машины с гусеничным устройством ходовой части. Уже на следующий год он демонстрировал ее в городке Вольске (Саратовская губ.). Вагон с 2 тыс. кирпичей и более чем с 30 зрителями везла пара лошадей. Позднее, в 1888 г. Ф. А. Блинов создал первый в мире гусеничный трактор. На тележку он

поместил два паровых двигателя, которые сообщали движение каждой гусенице отдельно. Меняя режим их работы, можно было поворачивать машину. Трактор демонстрировался в 1889 г. на Всероссийской промышленной выставке в Саратове и на Нижегородской выставке в 1896 г. Но и он не нашел практического применения в России.

В конце XIX века происходило улучшение технического перевооружения сельского хозяйства, в этом отношении многое делали умельцы-крестьяне. Дёшкин Петр Иванович уроженец с. Кабаева (ныне Дубёнский района Мордовии), кустарь–изобретатель. Организовал в Кабаеве кузнечно-слесарную мастерскую, где под его руководством была изготовлена зерноочистительная машина (куколеотборник–триер), отмеченная золотыми и серебряными медалями на сельскохозяйственных выставках в Казани (1880), Саратове (1883), Н. Новгороде (1868), Петербурге (1902). На Симбирскую (1898) и Промзинскую (1910) ярмарочные выставки представил двухлемешный плуг собственного изготовления. Эксперты отмечали простоту конструкции, сборки и ремонта. П. И. Дёшкин был удостоен звания «Мастер куколеотборочных машин».

Литература

1. *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. New York etc., 1965.
2. *Milward A., Saul S.* The Development of Economies of Continental Europe, 1850 – 1914. Cambridge (Mass.), 1977.
3. *Shanin T.* The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. Vol. 1. Russia as a "Developing Society". Houndmills etc., 1985.
4. *Бехтеев С. С.* Хозяйственные итоги истекшего 45-летия и меры по хозяйственному подъему. – СПб., 1902. Тип. поставщиков его имп. величества М.О.Вольф. – 368 с.
5. *Бехтеев С. С.* Хозяйственные итоги истекшего 45-летия. – СПб., 1906. – 349 с.
6. *Валуев П. А.* Дневник 1877 – 1884. Пгр., 1919. – 246 с

7. Вейдле В. Три России // Смена, № 8, 1991. С. 30–45.
8. Власть и реформы: От самодержавной к советской России / Отв. ред. Б. В. Ананьич. СПб., 1996.
9. Герцен А. И. О сельской общине в России. Собр. соч., 1975. Т. 3. – С. 475.
10. Головин К. Мои воспоминания, т. 2. СПб., 1910, стр. 231.
11. Государственный совет. 1801–1901 гг. СПб., 1901. – С. 145–150.
12. Грациози А. Война и революция в Европе: 1905 – 1956. М., 2005.
13. Гренберг А. В. фон Не грозит ли нам бедою постепенное разрастание оврагов/ Труды императорского Вольного экономического общества. Том 2. СПб., 1891.
14. Грузнов П. Д., Каргин И. Ф. Аграрная политика Российского государства. М.: Изд-во Юрист, 1997. – 208 с.
15. Гулишамбаров С. И. Сравнительная статистика России в мировом хозяйстве и в ряду великих держав в первое десятилетие царствования императора Николая II 1894–1904 гг. – СПб., 1907. – 96 с.
16. Гурко В. Устои народного хозяйства России. – СПб., Тип. А. С. Суворина, 1902. – 201 с.
17. Данилов Г. Г. Из истории земледелия Мордовии. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. – 112 с.
18. Данилов Г. Г., Альмяшева М. С. Развитие эрозионных процессов и борьба с ними в междуречьи Волги и Оки. – Саранск; Мордов. кн. изд-во, 1975. – С. 67.
19. Дневник П. А. Валуева, т. I. М. 1961. – 340 с.
20. Дневник П. А. Валуева, т. II. М. 1961. – 417 с.
21. Докучаев В. В. Избр. соч., 1948. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. Т. 1. – С. 383.
22. Докучаев В. В. Наши степи прежде и теперь. – СПб., 1892. – С. 103–107.
23. Докучаев В. В. Соч. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. Т. 6. 1951. – С. 91.
24. Докучаев В. В. Соч., 1951. Т. 8. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. – С. 54.
25. Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие. – СПб., 1892. – С. 10–11.
26. Ермолов А. С. Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. 258 с.
27. Ермолов А. С. Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севообороты. СПб., 1914. 719 с.
28. Ермолов А. С. Современные сельскохозяйственные вопросы – этюды из области сельского хозяйства и статистики. СПб., 1891. Избранные тр. М.. Колос, 1995. С. 79–132.
29. Замечание министра финансов С. Ю. Витте на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения (И. Ф. Гиндин и

М. Я. Гефтер. Требования дворянства и финансово-экономическая политика царского правительства в 1880–1890 годах. Исторические записки, 1957, № 4. – С. 128–151.

30. *Игнатович И.* Борьба крестьян за свое освобождение // Освобождение крестьянства. – СПб., 1911.

31. *Кабанов В.В.* Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории, 1993, № 2. С. 34 – 46.

32. *Каргин И. Ф., Немцев С. Н.* Земледелие в междуречье Волги и Оки: возникновение и развитие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 2004. – 192 с.

33. *Ковальченко И. Д.* К истории скотоводства в Европейской России в первой половине XIX века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 4. М.: Изд. АН СССР. – 1960. – С. 173–204.

34. *Коновалов М. М.* Сельскохозяйственные районы Пензенской губернии // Природа и хозяйство Пензенского края» 2-3. 1924.

35. *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М.: Изд-во «Наука», 1979. – 304 с.

36. *Корнилов А. А.* Выработка крестьянской реформы 19 февраля и главные ее участники. // Освобождение крестьян. – СПб., 1911. – С. 188–238.

37. Крестьянская реформа и аграрный вопрос. Освобождение крестьян. – СПб., 1911. – С. 233–275.

38. Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права. Ч. 1. и II-М.-Л., (Изд. АН СССР), 1949. – С. 3.

39. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. 1. М., 1939.

40. *Лященко П. И.* Крепостное сельское хозяйство в XVIII в. // Исторические записки. М.: Изд. АН СССР. 1945, вып. 15. – С. 97–127.

41. Манифест 19 февраля 1851 года. Освобождение крестьян. – СПб., 1911. – С. 1–11.

42. *Маркс К и Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. т. 19 М.: Гос. изд-во политической литературы, 1961. – 671. (с. 400–421, с. 422–441)

43. *Маркс К и Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. т. 35 М.: Гос. изд-во политической литературы, 1964. – 526. (с. 136–137).

44. *Масальский В. И.* Овраги черноземной полосы России, их распределение, развитие и деятельность. СПб. 1827.

45. *Маслов П.* Аграрный вопрос в России. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908. – 520 с.

46. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. Часть 1. Составил Сталь. СПб., 1867.
47. *Менделеев Д. К.* познанию России. – СПб.: Тип. М.П.Фроловой, 1905. – 122 с.
48. *Мигулин П. П.* Наша банковская политика. Харьков, 1904. – 148 с.
49. *Мигулин П. П.* Наша банковская политика. Харьков, 1904. – с. 148.
50. *Милюков П. Н.* Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия. 1991. – С. 294–381.
51. *Нагаткин М. С.* О неотложности борьбы с оврагами. Стенографический отчет о совещании при Московском обществе сельского хозяйства по общественным работам по обводнению юго-восточной части России, произведенным в 1892 г. М., 1893.
52. *Никитин С. Н.* Бассейн Сызрана. Исследования гидрогеологического отдела 1894 и 1896 гг./ Труды экспедиции для исследования главнейших рек Европейской России. СПб., 1898.
53. *Никифоров Н.* Темниковский уезд // Журнал Землевладельцев. 17. М. Тип. Каткова и К. 1859. – С. 17–25.
54. О песчано-овражных работах в Симбирской губернии за 1915г. / Журнал Симбирского губ. Земск. Собрании очередной сессии 1915 г. Симбирск, 1901.
55. О премиях за труды по лесоразведению/ Вестник Симбирского земства. № 5–6 (май-июнь). Симбирск, 1901.
56. Обзор Пензенской губернии за 1876 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Пенза, 1876. – 32 с.
57. *Огановский Н. П.* Откуда пошла крестьянская земельная нужда. – М.: 1917. – 133 с.
58. Описания отдельных русских хозяйств/ Вып. V11. Симбирская губерния. СПб., 1898.
59. *Прокопович С. Н.* Аграрный вопрос в цифрах. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза». 1917. – 125 с.
60. *Рихтер О. Б.* ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 559. Копия собственноручной записки генерал-адъютанта О. Б. Рихтера от 26 марта 1883 г., л. 3 об., л. 4.
61. РО ГБЛ, ф. 126, к.12. Дневник А. А. Киреева, запись в апреле 1897 г. б/ч, после 13 апреля, л. 114, л. 100.
62. *Романенко Г. А.* Выступление Президента Российской Академии сельскохозяйственных наук // Научное наследие В. В. Докучаева и современное земледелие

(К 100-летию Особой экспедиции В. В. Докучаева). Материалы научной сессии Россельхозакадемии. 4.1. М., 1992. С. 3–9.

63. *Рубакин Н.* Россия в цифрах. Изд. Вестник Знания. – СПб., 1912. – 215 с.
64. Сборник исторических, географических и статистических материалов на Пензенской губернии. Приложение к Памятной книжке за 1868 и 1869 гг. – Пенза, 1870.
65. Сборник статистических сведений по Саратовской губернии / Том X. Кузнецкий уезд. Саратов. 1891.
66. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, Т. 5. Спасский уезд. - Тамбов: Изд-во Тамбов. губ. земства, 1883. - 41 с.
67. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Темниковский уезд. - Тамбов: Земская типография, Т. 4. 1883. - 171 с.
68. *Советов А. В.* Избр. соч. – М.: Гос. изд. с.х. литературы, 1950. – С. 381–383.
69. *Соковнин П. Н.* Культурный уровень крестьянского полеводства на наделной земле и его значение в земельном вопросе. – СПб., 1906. – 629 с.
70. *Соловьев В. С.* Враг с востока. Соч. Т. 2. М., 1989. – С. 432–444.
71. *Соловьев В. С.* Мнимые и действительные подъемы народного благосостояния. В кн.: соч. Т. 2. – М.-Л.: Изд. Правда, 1983. – С. 450–458.
72. *Соловьев В. С.* Народная беда и общественная помощь. Соч. Т.2. – М.: Изд. Правда, 1989. – С. 370–383.
73. *Соловьев В. С.* Наш грех и наша обязанность. Соч. Т. 2. – М., 1983. – С. 384–386.
74. *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1973. – 384 с.
75. Статистика по земельной собственности населенных мест Европейской России. Вып. 1. - СПб.: Изд. Центрального статистического комитета, 1880. – 276 с.
76. Статистические данные в оценке земель Тамбовской губернии по закону 8 июня 1893 г. // Темниковский уезд. Вып. VI. – Тамбов, 1902.
77. Статистические данные к оценке земель Тамбовской губернии по закону 8 июня 1893 г. // Вып. XI. Спасении уездский, – Тамбов, 1905.
78. Трудовая помощь в губерниях Казанской, Вятской и Симбирской, оказанная в 1899 г. попечительством о долгах трудолюбия и работных домах. Отчет уполномоченного. СПб., 1900.
79. *Ухтомский А. И.* Доклад о борьбе с засухами и оврагами / Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, XXX VIII, Симбирская губерния. СПб., 1903.

80. *Хайновский А.* Севообороты Пензенской губернии // Природа и хозяйство Пензенского края. N 4-5. – 1925.
81. Характеристика Пензенской губернии в сельскохозяйственном отношении. – Пенза. – 1898. – 100 с.
82. *Ходнев.* История Вольного Экономического общества. – СПб., 1865. – С. 165.
83. ЦГИА, ф. 1283, оп. 1 д. 236. Журнал Особого совещания по делам дворянства, № 1, заседания 10, 18, 25 мая 1897 г., л. 14, 197, 50, 13-14, 36, 47 об, 37-38, 145, 25 об., 25, 50, 145, 166, 186, 186 об.
84. ЦГИА, ф. 1283, оп. 1, д.1, т. 3. Отношение орловского предводителя дворянства М. А. Стаховича в Особое совещание о нуждах дворянства.
85. Юго-Восток Европейской России (Самарская, Саратовская, Симбирская, Пензенская, Воронежская и Тамбовская губернии). Общая характеристика района в естественно-историческом и статистико-экономическом отношениях. / Под ред. Б. В. Морачевского. – СПб., 1911. – С. 33.
86. *Янсен Ю. Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб, 1877. – 432 с.

3. СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА

4.1. Революция 1905–1907 гг.:

крестьянская мечта и уроки для правительства

К началу XX в. площадь крестьянских «наделов» на каждого члена семьи сократилась настолько, что она перестала удовлетворять их потребность в продуктах питания. А рядом были крупные помещичьи владения, где широко практиковались отработки.

К тому же в начале XX в., как отмечал А. Финн-Енотаевский (1911), в 1897–1898 гг. отмечались сильные неурожаи. Им сопутствовали частичные неурожаи 1899–1900 гг. По данным Центрального статического комитета в 1897 г. в Европейской части России наблюдался полный не урожай озимых хлебов в 18 губерниях с населением 34,5 млн. человек, а частичный – 21 губерниях. В 1898 г. неурожай охватил значительную часть того же района, что в 1891–1892 гг., а также в 1897 г. В центральных районах неурожай охватил 38 уездов с населением 5,1 млн., в восточных – 62 уезда с населением 15,1 млн. человек. Неурожай 1901 г. охватил 17 губерний и 2 области с населением в 24 млн. человек. В 1893–1896 гг. валовой сбор зерна составил в среднем в год 30,9 пуд. на душу населения. За пятилетие (1897–1901 гг.) этот сбор упал до 27,5 пуд. на душу населения. Причем в 1897 г. сбор равнялся 23,6 пуд. на душу населения, в 1898 г. – 27,7 и в 1901 г. – 25,7 пуд, на одного жителя. По оценке В. Гурко (1909) посевная площадь за 9 лет (1897–1906 гг.) увеличилась на 12 %, а численность населения возросла на 16 %. Причем положение страны катастрофически ухудшилось. Душевое потребление хлеба составило в 1907 г. – 14 пудов 32 фунта. Необходимы были срочные и самые энергичные меры

для того, чтобы вывести страну из этого кризиса. Земельный вопрос снова стал главным в стране.

Рост социальной напряжённости в деревне стал одной из причин колоссального социального взрыва 1-й русской революции 1905–1907 гг. Революция в России 1905–1907 гг. ознаменовала начало новой мировой волны крестьянских войн, потрясших развивающиеся страны. Э. Вулф проанализировал общие характеристики этой волны, прокатившейся вслед за Россией по Мексике в 1910–1925 гг., снова по России в 1917–1922 гг., по Китаю, Алжиру, Вьетнаму, и предположил, что её социальные корни лежат в экономическом, демографическом и нормативном кризисе капиталистического проникновения в крестьянские общества и раскрестьянивания. (Wolf, 1969). Революция 1905–1907 гг. была первой в истории революцией, которая представляла собой реакцию общества на издержки догоняющей модернизации.

В 1905 г. крестьяне России восстали, страна на 2 года оказалась в огне. Восстание принимало различные формы и продолжалось до 1907 г. Крестьянское восстание явилось важнейшим испытанием для правящего режима, сильно ослабленного внешними и внутренними испытаниями. Восстание было, в конце концов, подавлено жестокими карательными методами, после чего крестьянское движение вернулось к своему дореволюционному уровню.

В большинстве случаев действия крестьян были реакцией на самые неотложные физические потребности. Однако в период революции значительной частью крестьянства были выдвинуты обширные долгосрочные требования. Прежде всего, крестьянами выдвигалось требование земли. Но застарелое недовольство разделом земли и правами её использования соединялось с новыми требованиями: стремлением к политической власти и гражданским правам. Прекращение произвола было важнейшим крестьянским требованием. «Власть» чаще всего означала не желание управлять государством, а местную власть, управление деревней или уездом крестьянами и для крестьян.

В этой связи представляет особый интерес один из самых ярких эпизодов крестьянского восстания – создание крестьянских республик. Самым ярким примером такой формы крестьянского самоуправления стала Марковская республика в Подмоскowie, просуществовавшая 9 месяцев с октября 1905 г. до июля 1906 г.

В 1905 г. возникла первая в истории России национальная крестьянская организация Всероссийский Крестьянский Союз. Эквивалентом Союза в Думе была Трудовая фракция, созданная беспартийными крестьянскими депутатами и повторившая его основные требования. Именно на материалах Всероссийского Крестьянского Союза основан обзор крестьянских требований, предложенный Т. Шаниным. (Шанин, 1997, с. 204–205).

Идеальная Россия крестьянской мечты была страной, в которой вся земля принадлежала крестьянам, была разделена между ними и обрабатывалась членами крестьянских семей без использования наёмной рабочей силы. Все земли, пригодные для сельскохозяйственного использования должны были быть переданы крестьянским общинам, которые установили бы уравнительное землепользование в соответствии с размером семьи или «трудовой нормой», т. е. числом работников в каждой семье. Продажу земли следовало запретить, а частную собственность на землю – отменить. Местные власти, выбираемые для представления всего населения, должны были наделяться обширными полномочиями для контроля над разделом земли и исполнением общественных обязанностей, среди которых особо подчёркивалось бесплатное образование. На государственном уровне крестьянам виделась парламентская монархия, а не республика, с равенством всех перед законом, свободой слова и собраний, с «состраданием» как главным принципом. Эта формулировка близка к идее государства всеобщего благосостояния. Все чиновники должны были избираться. Женщинам предоставлялось равное право голоса. В чём-то представлявшая консервативную утопию, в чём-то открывавшая перспективы для более быстрого развития по фермерскому и кооперативному пути, данная программа была явно не приемлема для правящих кругов.

Именно эти требования лежали в основе аграрного проекта трудовиков в I Думе (1906 г.). Ещё более ярко крестьянские требования звучали во II Думе (1907 г.). С идеей отчуждения у помещиков земель, сдаваемых в аренду в I Думе выступили кадеты.

Правительство И. Л. Горемыкина в мае 1906 г. отвергло все подобные требования в декларации, объявлявшей недопустимым принудительное отчуждение даже части помещичьей земли.

Однако делать ставку исключительно на карательные операции в деревне в условиях революционного пожара правительство уже не могло. Самодержавие наконец-то попыталось расширить свою социальную опору в деревне. Способ был хорошо известен. Он задумывался ещё С. Ю. Витте. Реализовать его взялось сформированное летом 1906 г. правительство П. А. Столыпина.

Этот контрреволюционер в полном смысле этого слова с самого начала понимал, что «реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствие, а не причину... Там, где правительство побеждало революцию, оно успевало не исключительно физической силой, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ». (Цит. по: Дякин, 1972, с. 233–234).

Выдающийся английский историк Теодор Шанин отметил, что только два политика в России смогли извлечь верные уроки из революции 1905–1907 гг.: П. А. Столыпин и В. И. Ленин. Главным же из этих уроков стала радикальная переоценка роли крестьянства в современных социально-политических процессах. Крестьянство выступило в качестве основной революционной силы и продемонстрировало значительное единство политических целей, хотя очевидно, как трудно это было, учитывая огромные пространства страны и репрессивный режим. Это было чрезвычайно неожиданно после глубокой пассивности, проявленной крестьянством во 2-й половине XIX века, через которую не смогли пробиться даже народники в

период своего знаменитого «хождения в народ». Именно от позиции этого социального класса зависела судьба страны: будет ли он привлечён на сторону правительства программой популярных реформ или окончательно перейдёт в лагерь революции? Именно таковы были альтернативы, представляемые самыми выдающимися деятелями двух лагерей: контрреволюционного и революционного. (Шанин, 1997).

Столыпин хотел стимулировать частную инициативу в деревне и повысить эффективность аграрного производства в России, создать широкий слой зажиточных крестьян-фермеров. Самодержавие сознательно взяло курс на разрушение крестьянской общины. Но при этом помещичье землевладение оставалось неприкосновенным. Таким образом, основной принцип имперской модернизации – обновление ради сохранения империи и старых порядков – оставался неизменным.

Возможность успеха подобной политики хорошо понимал крупнейший политик революционного лагеря В. И. Ленин. (Ленин, т. 17, с. 31). Он не исключал возможности отрыва крестьянства от революционного лагеря и превращения его класс мелких земельных собственников, готовых благословлять любую власть, обеспечивающую ему право распоряжаться своим клочком земли. Так уже произошло в ряде стран Запада. То же самое могло повториться и в России.

4.2. Аграрная реформа П. А. Столыпина: вынужденное новаторство

Курс на создание в России широкого слоя крестьян-собственников преследовал далеко идущие цели: рассредоточить и разъединить крестьян-общинников, которые были страшны для помещиков именно своим единством; увеличить производство зерна и других сельскохозяйственных продуктов, в том числе на экспорт; поднять покупательную способность сельского населения и тем самым значительно расширить в стране внутренний рынок. Один из сторонников П.А.Столыпина А.В.Кривошеин, откровенно говорил, что в интересах государства

земля должна находиться в руках того, кто лучше других сумеет взять у неё всё, что она может дать, и ради этого надо отказаться от «несбыточной мечты, что в общине все могут оказаться сильными и довольными». (Кризис самодержавия, 1984, с. 350).

Революция ещё более укрепила дворян в стремлении покончить с крестьянским «миром», который показал себя в 1905–1907 гг. как активная антипомещичья сила. Поэтому П. А. Столыпин предложил дать крестьянам не только предусмотренное ещё в 1861 г. право после завершения выкупной операции закреплять в собственность свои наделы, но и выходить из общины.

Министерство внутренних дел, обосновывая необходимость реформ, отмечало, что нет никакой необходимости искусственно поддерживать разлагающуюся общину, так как вымирание той или иной общины всегда свидетельствует о том, что большинство ее членов уже переросли эту форму землевладения и стремятся перейти к более совершенным способам ведения хозяйства, невозможным при общинном землевладении. Ставить преграды подобному стремлению и стеснять личную предприимчивость отдельных членов общины было бы не только несправедливо, но и нецелесообразно, учитывая большое число вымирающих общин. По заключениям губернских совещаний (1906, с. 1021) в 28 губерниях переделов ни общих, ни частных не было в 48 % земельных общинах, в 3 % переделов не проводилось более 40 лет, в 13 % – более 15–25 лет, в 15 % – более 10 лет. Практически полностью распались общины, например, в Тамбовской губернии.

В своих действиях правительство П. А. Столыпина опиралось на те ограниченные шаги в направлении разрушения общины и снижения фискального гнёта, что были сделаны властями накануне и в разгар революции: 12 марта 1903 г. была отменена круговая порука в общине; 11 августа 1904 г. были отменены телесные наказания по приговорам волостных судов; 3 ноября 1905 г. отменены выкупные платежи на землю.

Серия «аграрных» указов началась законодательными актами 12 (25) августа и 27 августа (9 сентября) 1906 г. о передаче Крестьянскому банку

казённых и удельных земель с целью последующей их продажи крестьянам по цене на 20 % ниже рыночной. В октябре было отменено положение, согласно которому крестьяне обязаны были испрашивать согласия общины на внутри семейный передел земли и на получение паспорта для выезда из деревни. Также было отменено право земских начальников по собственному усмотрению штрафовать и арестовывать крестьян.

9 (22) ноября 1906 г. вышел самый важный указ в этом пакете, утверждавший право глав каждого крестьянского двора приватизировать общинные земли, находящиеся в их пользовании. Одновременно утверждалось право требовать объединения разрозненных полосок земли в единой меже (или получать денежную компенсацию от общины за те полоски, которые нельзя было объединить). Позднее было принято решение, что согласия 2/3 или позднее 1/2 крестьянских дворов достаточно для отмены передельной общины и перехода всех общинных земель в частную собственность их держателей.

Указом от 15 (28) ноября 1906 г. разрешалось закладывать общинные земли, что открыло новую сферу деятельности для Крестьянского банка, чьи фонды были значительно увеличены, а также повышало размер кредитов, доступных более состоятельным крестьянам. Завершить эти реформы должен был ряд дополнительных шагов. Так, был введён в действие законопроект, согласно которому, семейная собственность на землю заменялась индивидуальной частной собственностью. Была создана административная система, направленная на совершенствование общинных и межобщинных переделов земли, землеустройства и особенно на создание хуторов. Такие хозяйства, расположенные на одном большом наделе в стороне от деревни, были официально провозглашены оптимальной формой мелкособственнического сельского хозяйства. Эти хозяйства пользовались льготами на земельных торгах, проводимых государственным Крестьянским банком, при предоставлении государственных кредитов и приватизации общинной земли. В Сибири, Казахстане, Предкавказье русским крестьянам были предложены для колонизации государственные земли. Эта колонизация частично финансировалась

правительством. Позднее, в 1910 г., в процессе преобразования указов 1906 г. в закон, Государственный Совет добавил положение, по которому все общинные земли, которые с 1861 г. не подвергались полным земельным переделам, объявлялись приватизированными, а владеющие ими общины – несуществующими.

С целью проведения подготовительной работы к проведению реформы были созданы землеустроительные комиссии, в задачу которых входило: а) содействие крестьянам в покупке земель у частных лиц с помощью Крестьянского банка; б) продажа крестьянам казенных земель; в) сдача этих земель крестьянам в аренду; г) содействие переселению крестьян на казённые земли в Сибири и Казахстане; д) содействие сельским обществам и отдельным домохозяевам в улучшении условий землевладения и порядков землепользования; ж) содействие разверстанию чересполосности наделных земель с прилегающими владениями и раздел земель общего пользования с частными владельцами.

Были созданы уездные и губернские комиссии. В состав уездной комиссии вошли уездный предводитель дворянства, председатель уездной земской управы, лицо, назначенное Главным Управлением Землеустройства и Земледелия, уездный член окружающего суда или председатель съезда. В состав губернской комиссии также входили три местных крестьянина, владеющих наделной землей. Для направления деятельности местных комиссий учрежден при Главном Управлении Землеустройства и Земледелия особый комитет по землеустроительным делам.

Для рассмотрения проектов по земельному вопросу II Государственной Думой была создана аграрная комиссия. Был составлен доклад на рассмотрение на пленарном заседании Государственной Думы, в котором отмечалось, что этот указ нарушит обычные земельные отношения крестьян – общинников. В докладе отмечалось, что указом от 9 ноября 1906 г. воспользуются те крестьяне, которые сдают свои наделы в аренду, а сами уже выселились из деревни и перешли к другим занятиям. Из общины будут выделяться и те, кто имеет долги и сдаёт

часть надела в аренду. Под давлением кредиторов они будут вынуждены выделиться из общины, чтобы путем продажи части надела уплатить долги. Последствием этого налога будет уменьшение количества земли или даже совершенная утрата её более или менее значительной массой крестьянства и концентрация бывшей общинной земли в руках сравнительно небольшого количества богатых крестьян. В докладе подчёркивалось, что законопроект необходимо признать вовсе не отвечающим народным интересам и подлежащим безусловному отклонению, а указ от 9 ноября 1906 г. крайне пагубным для народной жизни и подлежащим немедленной отмене.

10 апреля 1907 г. П. А. Столыпин выступил с Декларацией правительства по аграрному вопросу во II Государственной Думе. Он отметил, что встревоженное оскудением земледельческой России правительство начало принимать меры к поднятию земледельческого класса. П. А. Столыпин отмечал в своем выступлении, что передел всей земли не даёт ни единого дополнительного колоса хлеба. Уничтожены, конечно, будут крупные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы. Но при росте населения скоро обнаружится, что их опять не хватает. Путь один - обновить крестьянский уклад. «...Нужно снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот путь, который его наиболее устраивает». Закон не призван учить крестьян и навязывать им какие-либо теории, хотя бы и признавались они правильными и основательными.

Большая часть столыпинских указов 1906 г. довольно безболезненно воплотилась в аграрный закон 1910 г. Сравнительная гладкость этого процесса объяснялась единодушием чиновничества, помещиков, двора, монархистов-реформаторов и консерваторов. Даже главная оппозиционная сила в III Думе – кадеты – возражали в основном против способа, которым осуществлялись реформы – навязывания их крестьянам, а не против самого принципа – приватизации земли, создания хуторов и переселенческой колонизации Сибири.

Реформаторские замыслы правительства включали в себя широкий круг преобразований, наиболее близким к проблемам деревни среди которых после

аграрной реформы была административная реформа. Частично она явно увязывалась с проводимой приватизацией крестьянских земель и с публично провозглашённым желанием включить русское крестьянство в русское общество в целом. Для этого необходимо было все крестьянские сословные учреждения, такие, как «волость» и волостной суд, заменить общими, т. е. внесословными органами управления. В каждой волости и в наиболее крупных поселениях предполагалось учредить муниципальные власти, которые должны были избираться всем населением. Намечалось расширение полномочий уездных и губернских земств, укрепление уездного и губернского уровней управления, создание нового низшего звена выборных мировых судей, реформирование полиции. Однако эта реформа была заблокирована реакционными кругами. (Шанин, 1997, с. 372–373).

4.3. Итоги столыпинской реформы

Итоги столыпинской аграрной реформы выражаются в следующих цифрах. К 1 января 1916 г. из общины в чересполосное укрепление вышло 2 млн. домохозяев. Им принадлежало 14,1 млн. десятин земли, 469 тыс. домохозяев, живших в общинах, получили удостоверительные акты на 2,8 млн. десятин, 1,3 млн. домохозяев перешли к хуторскому и отрубному владению (12,7 млн. десятин). Кроме того, на банковских землях образовалось 280 тыс. хуторских и обрубных хозяйств.

За 11 лет столыпинской реформы из общины вышло 26 % крестьян, причём $\frac{3}{4}$ вышедших из общины укрепили свои участки в собственность против воли односельчан. На территории Мордовии за 10 лет реформы укрепили землю в частную собственность только 14,6 % крестьянских хозяйств, и эти хозяйства закрепили за собой 9,3 % всей земельной площади. Любимое же детище реформы – хутора – заняли не более 10 % площади новых частных земель. (Шанин, 1997, с. 385). Примечательно, что уже к 1911 г. выход крестьян из общины значительно сократился, а к началу Первой мировой войны реформа

практически выдохлась. Таким образом, община устояла, а фермер так и не стал центральной фигурой русской деревни.

Не были столь впечатляющими и результаты переселенческой политики. За 1907–1914 гг. свыше 3,1 млн. человек выехали в Сибирь. Правда, лишь меньшинство из них были выходцами из тех районов, что являлись центрами крупного помещичьего землевладения, и где крестьянское малоземелье приобретало особенно острый характер. Кроме того, недостаток у новосёлов материальных средств, непригодность для обработки многих выделяемых им земельных участков, тяжёлые условия жизни привели к росту обратного переселения. Всего в 1906–1916 гг. возвратились назад около 550 тыс. человек.

В чём же заключались причины неудачи реформы?

Столыпинская аграрная реформа в целом работала на пользу капиталистического прогресса. Но после гигантской вспышки крестьянской войны 1905–1907 гг. деревню уже нельзя было успокоить полумерами. И хотя либеральные экономисты доказывали, что раздел непрерывно сокращающихся помещичьих земель между крестьянами существенно не улучшит хозяйственное положение последних и выход надо искать не в «выкуливании» помещиков из их усадеб, а в кредитах, мелиорации, кооперации и т. д., крестьяне прежде всего хотели получить помещичью землю.

Реформа способствовала усилению социального расслоения и нестабильности в деревне. Из общины выходили, как правило, самые крепкие, работающие крестьяне. Это ослабляло общину, Тяготы налогообложения и заботы о совместных угодьях ложились на плечи более слабых. Положение общины ухудшалось, И те, кто оставался в общине (а этим людям зачастую некуда было податься), препятствовали выходу из неё других. Оставшиеся в общине вымещали свою злобу на тех, кто вышел из неё и начал вести своё собственное хозяйство: устраивали поджоги, убивали лошадей и коров, травили колодцы, портили урожай. 67,3 % выделившихся обращались за помощью к войскам и полиции. (Герасименко, 1985, с. 74). Таким образом, сопротивление со стороны крестьянских общин было отчаянным и часто весьма эффективным.

Вышедшие же из общины крестьяне не оказывали активной политической поддержки правительству.

Отметим и ряд неучтённых властями чисто технических моментов, усиливавших крестьянское сопротивление. Реформа совершенно не учитывала региональной специфики, предлагая одинаковые рецепты землеустройства для всей страны. Чересполосица, с которой так упорно боролось правительство, в глазах многих крестьян имела неоспоримые преимущества, позволяя страховать от капризов погоды. Характерное для Черноземья крестьянское малоземелье не создавало никаких стимулов для создания хуторов. Нищие наделы в 2–3 десятины были абсолютно бесперспективны для создания хуторов.

Для левых политических кругов оппозиция правительственным реформам, сопровождавшимся к тому же активной репрессивной политикой, было делом чести. Так же как и для населения колоний. Но реформы вызвали растущее сопротивление и реакционных кругов в чиновничьей и помещичьей среде, позиции которых усилились после поражения революции. И дело тут вовсе не в каких-то личных качествах П. А. Столыпина, неприязни к нему царя и прочих малозначительных вещах. После убийства П. А. Столыпина в сентябре 1911 г. точно так же будут развиваться отношения реакционных сил, сплотившихся вокруг царского двора, с новым премьер-министром В. Н. Коковцовым, пытавшимся продолжать реформаторский курс предшественника. В конце концов, это приведёт к отставке В. Н. Коковцова в 1914 г. Оппозиция реформам со стороны Двора и других реакционных сил была не случайной, а задавалась их узкоэгоистическими интересами.

Столыпинскую реформу, по сути дела, не поддерживал ни один крупный общественный класс. Поддержка столыпинскому курсу в русском обществе была ничтожной и исходила до поворота вправо в 1909 г. главным образом из кругов праволиберальной крупной буржуазии, концентрировавшейся вокруг «Союза 17 октября». Ни ядро русских политических активистов, ни консервативное дворянство, ни те крестьяне, которые могли бы выиграть от этих реформ, не оказали П. А. Столыпину необходимой поддержки. В своё

время Т. Шанин (1997, с. 387) отметил: «Чтобы успешно использовать мощь государства в целях преобразования России вопреки яростному сопротивлению могущественной оппозиции, Столыпину нужно было не только царское благоволение, законодательная поддержка и экономические ресурсы, но что-то вроде опричников Ивана Грозного, интеллигентов из «Земли и воли», которые «пошли в народ», или же крестьянских сыновей – комсомольцев и чекистов, руками которых осуществлялся сталинский курс 1929–1937 гг.».

Одновременно со столыпинскими реформами в стране шло кооперирование мелких крестьянских хозяйств. Крестьяне охотнее шли на кооперирование своих хозяйств. Концепция кооперации в начале XX столетия широко обсуждалась в агрономических кругах. Отмечалось, что активное обобществление снизу, объединение мелких самостоятельных земледельцев являются самым надежным путем интенсификации земледелия. По данным М. И. Туган-Барановского, к 1917 г. существовало около 14 млн. кооператоров. Ученый полагал, что в сфере земледелия должны возникнуть мощные союзы крестьянских хозяйств. Это направление, хотя и очень медленно, реализовывалось на практике.

В начале XX в. за счет средств земств, государства, частных лиц и капиталистических объединений в России была создана сеть опытных полей, выяснены в зональном масштабе особенности обработки почвы, накоплены опытные данные по агротехнике возделывания основных культур. Появились агрономические журналы, сформировались новые научные направления. В силу экономических причин большинство усовершенствований не находило применения в крестьянских хозяйствах. Они частично использовались в крупных помещичьих имениях (Синягин И. И., 1967).

В начале XX века происходило увеличение посевных площадей всех групп сельскохозяйственных культур, за исключением крупяных (табл. 15).

Наиболее резко возросли посевы продовольственных, кормовых культур и картофеля. Но рост посевных площадей не успевал за ростом населения страны. За 1901–1915 гг. обеспеченность крестьян землей снизилась более чем на 6 %. Если в 1901–1905 гг. на душу сельского населения приходилось

0,66 дес., то в 1906–1910 гг. – 0,64 и в 1911–1915 гг. – только 0,62 дес
(Сб. статистических сведений ...1917).

Столыпинские реформы оказали некоторое положительное влияние на сельское хозяйство страны. Валовой сбор возрастал, достигая в последнее пятилетие перед войной огромной цифры 6 779 млн. пуд. (табл. 16). Главная его масса падала на группу продовольственных культур, далее – картофеля и кормовых. Наиболее интенсивно сбор возрастал в группах второстепенных, картофеля и кормовых. Рост сбора объяснял в группе второстепенных главным образом повышением урожайности, а в группе картофеля и кормовых – как повышением урожайности, так и увеличением посевных площадей. Сбор продовольственного и фуражного зерна в 1913 г. по сравнению с 1906–1907 гг. составил 54,3 % (5,6 млрд. пуд. в 1913 г. и 3,5 млрд. пуд в 1906–1907 гг.). Прирост населения за эти годы составил 22 %.

Таблица 15 – Посевные площади сельскохозяйственных культур по 72 губерниям и областям России

Группы культур	1901–1905	1906–1910	1909–1913
площадь, тыс. десятин			
Продовольственные (пшеница, рожь)	48 722,7	50 682,1	53 142,6
Крупяные (просо, гречиха)	5 188,4	5 208,2	4 973,8
Второстепенные (кукуруза, чечевица, бобы, горох, фасоль, полба)	3 077,6	2 948,3	3 109,3
Картофель	3 686,7	3 912,0	4 192,5
Кормовые (ячмень, овес)	24 862,7	26 733,9	28 080,1
Всего	85 538,1	89 484,5	93 498,3
в % к средней посевной площади в 1909–1913 гг.			
Продовольственные (пшеница, рожь)	91,8	95,5	100
Крупяные (просо, гречиха)	104,5	104,7	100
Второстепенные (кукуруза, чечевица, бобы, горох, фасоль, полба)	98,9	95,0	100
Картофель	88,0	93,4	100
Кормовые (ячмень, овес)	88,5	95,1	100
Всего	91,6	95,8	100

Российский экспорт зерна в 1912 г. достиг 15 млн. тонн. В Англию масло вывозилось на сумму, вдвое большую, чем стоимость ежегодной добычи золота в Сибири. Избыток хлеба в 1916 г. составлял 1 млрд. пудов (14,4 млн.).

Повышение валовых сборов шло еще быстрее роста посевных площадей. За 1901–1913 гг. валовые сборы продовольственных культур по данным Н. Д. Кондратьева (1991) возросли на 12,7 % (площади на 8,2 %), крупяных культур на

16,4 % (посевные площади снизились на 4,5 %), валовые сборы второстепенных хлебов возросли на 24,8 %

Таблица 16 – Валовые сборы основных сельскохозяйственных культур по 72 губерниям и областям России

Группы культур	1901–1905	1906–1910	1909–1913
в тыс. пудов			
Продовольственные (пшеница, рожь)	2 236 949,5	2 288 690,2	2 662 547,3
Крупяные (просо, гречиха)	183 431,3	204 914,0	219 852,3
Второстепенные (кукуруза, чечевица, бобы, горох, фасоль, полба)	142 852,2	166 622,4	192 592,6
Картофель	1 592 469,7	1 866 072,9	2 121 168,8
Кормовые (ячмень, овес)	1 215 531,1	1 369 326,1	1 583 109,9
Всего	5 461 233,8	5 895 625,6	6 779 270,9
в % к средней посевной площади в 1909–1913 гг.			
Продовольственные (пшеница, рожь)	87,3	85,7	100
Крупяные (просо, гречиха)	83,6	93,3	100
Второстепенные (кукуруза, чечевица, бобы, горох, фасоль, полба)	74,6	86,6	100
Картофель	75,2	88,0	100
Кормовые (ячмень, овес)	76,9	86,5	100
Всего	80,5	87,0	100

Сопоставление производства и потребления хлебов в среднем за 1909–1913 гг. в России перед первой мировой войной говорит об избытке в 656,0 млн. пуд. зерна и 20,5 млн. пудов картофеля.

Россия наконец-то начала уходить от угрозы массового голода из-за неурожая, хотя в целом рост сельскохозяйственного производства ещё не позволял стране вздохнуть спокойно.

Доля крестьянских хозяйств по данным Н. Д. Кондратьева (1991) составляла около 85–90 %. Однако доля их в общем производстве зерна оставалась значительно ниже (табл. 17), что связано с большей продуктивностью крупных хозяйств.

Крестьянские хозяйства характеризовались низкой товарностью. Подавляющая часть зерновых и картофеля использовалась на внутривоспроизводственные нужды. В потребляющей полосе для их удовлетворения приходилось даже прикупать продукты. На рынок направлялось лишь от 10 до 20–25 % произведенного зерна. В то же время в общем объеме доля крестьянского хлеба оставалась основной. Из общего объема товарного зерна

1 180,5 млн. пудов доля крестьянского хлеба составляла 926,2 млн. пудов или 78,4 % , т.е. несмотря на низкую товарность крестьянских хозяйств, они играли преобладающую роль в снабжении рынка зерном. Но роль эта при низкой товарности крестьянских хозяйств, связана с количественным моментом, моментом подавляющей массы этих хозяйств сравнительно с числом владельческих хозяйств. Так по всей России (без Туркестана) количество крестьянских хозяйств составило 18 671 238 (99,4 % от всех хозяйств), а частновладельческих – 120 062 (0,6 %).

Таблица 17 – Распределение чистого сбора урожая по 65 губ. между крестьянскими и владельческими хозяйствами России

Группы культур	Хозяйства	1893–1897	1909–1913
в млн. пудов			
Пшеница, рожь	крестьянские	1 030,9	1 367,1
	владельческие	495,3	791,2
Крупяные (просо, гречиха)	крестьянские	104,6	131,9
	владельческие	37,3	56,4
Кукуруза, чечевица, бобы, горох, фасоль, полба	крестьянские	65,9	100,0
	владельческие	34,5	73,9
Картофель	крестьянские	716,0	1 145,3
	владельческие	333,5	563,0
Кормовые (ячмень, овес)	крестьянские	544,3	818,1
	владельческие	268,0	459,6
Всего	крестьянские	1 925,8	2 748,2
	владельческие	910,4	1 546,9
доля в % крестьянских хозяйств в общем сборе			
Пшеница, рожь		67,6	63,5
Крупяные (просо, гречиха)		73,7	67,0
Кукуруза, чечевица, бобы, горох, фасоль, полба		65,0	57,5
Картофель		68,2	67,0
Кормовые (ячмень, овес)		66,2	64,0
Всего		67,7	63,9

С 1905–1913 гг. объем ежегодных закупок сельскохозяйственной техники возрос в 2-3 раза. Стоимость сельскохозяйственных орудий на один двор увеличилась с 59 руб. до 83 руб., потребление суперфосфата выросло с 8 до 20 млн. пудов. А. Финн–Енотаевский отмечал, что если за 1898–1902 гг. производилось ежегодно сельскохозяйственных машин на 14 млн. руб. в

среднем, то уже в 1903–1907 гг. на 20,7 млн. руб., в 1908 г. – 25,8 млн. руб., а в 1909–1910 гг. по одной европейской границе было завезено в среднем на 32,1 млн. руб. Распространению их содействовали сельскохозяйственные общества, количество которых за 1908–1909 гг. возросло с 269 до 1020. Развивалась деятельность земских складов, росла продажа сельскохозяйственных орудий, организованная переселенческим управлением в Сибирь. В этот период наблюдалось и улучшение культуры земледелия у крестьян. Произошел переход к четырехполью и многополью. Но это чаще наблюдалось у многоземельных крестьян, развивалось травосеяние, получили распространение лен, свекла, конопля и др. В крестьянских наделах произошло увеличение урожайности (табл. 18).

Таблица 18 – Средняя урожайность наделных земель Мордовии в пуд. с дес.

Зерновые культуры	1883–1887	1888–1892	1896–1900	1901–1908	1909–1913	Изменение урожайности	
						в пуд.	в %
Зерновые	35,8	20,6	38,1	34,0	46,8	11,0	30,7
В т.ч. оз. рожь	46,8	24,0	52,3	42,8	46,4	-0,4	-0,9
Овес	34,9	14,1	33,7	32,6	47,7	12,8	36,7
Яровая пшеница	41,7	22,9	37,7	37,6	46,4	4,7	11,3
Просо	41,9	27,7	42,6	36,5	55,4	13,5	32,2
Гречиха	18,0	5,8	24,7	20,1	29,5	11,5	64,0
Горох	28,8	24,5	35,2	27,6	49,6	20,8	72,2
Ячмень	27,3	23,1	35,4	43,6	49,3	22,0	80,6
Полба	56,8	23,0	43,1	31,4	50,3	-6,5	-12,9

Употребление усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря и машин, в сельском хозяйстве Мордовии за годы столыпинских реформ

несколько увеличилось (табл. 19).

Но культура земледелия в рассматриваемый период оставалась невысокой. В сельскохозяйственном обзоре Тамбовской губернии за 1913 г. отмечалось, что удобрялось от 1/8 до 2/3 части поля, только 67 % корреспондентов отмечали, что первая вспашка яровых проводилась осенью. Поэтому на урожай очень заметное воздействие оказывала засуха, которая повреждала от 1/5 до 1/2 части полей (Поуездные.. 1917). По этой причине урожаи основных сельскохозяйственных культур отличаются неустойчивостью (Сельскохозяйственный обзор..., 1912–1913). Этому способствовало отсутствие у крестьян усовершенствованных орудий и удобрений. Урожай озимой ржи изменялся по годам в 3–4 раза.

Таблица 19 – Количество сельскохозяйственного инвентаря в Мордовии

Наименование инвентаря	Количество в штуках	
	1910 г.	1917 г.
1. Сохи и косули	166–878	–
2. Плуги		
3. Бороны разные, в т. ч. железные	10 501 717	– 606
4. Сеялки	513	1 185
5. Жатки и косилки	441	1 917
6. Молотилки	1 090	2 238
7. Веялок	–	4 531

Хотя в целом задачи, поставленные правительством, не были выполнены, тем не менее столыпинская аграрная реформа дала положительные результаты. В среднем за 1906–1914 гг. урожайность хуторян выросла на 14 %, а в Сибири – до 25 %. Промышленность получила более 2 млн. дешевой рабочей силы за счет сельского бедняка, что привело к оживлению промышленности.

С. Рыбас и Д. Тараканова (1991) приводят заключение французского экономического обозревателя Эдмона Терни из его работы «Россия в 1914 г.» о том, что возрастание государственной мощи создается тремя факторами экономического порядка: 1) приростом коренного населения; 2) увеличением промышленной и сельскохозяйственной продукции; 3) средствами, которые государство может вложить в народное образование и национальную оборону.

Население России с 1902–1912 гг. возросло на 2,7 % (в 1892–1902 гг. – на 15,4 %). Производство зерна увеличилось на 22,5 % (в том числе пшеницы – на 37,5, ячменя – на 62,2 %), картофеля – на 31,6, сахарной свеклы – на 42,0 %. Экспорт России был равен 1 120,10 млн. франков (прирост – 93,7 %), импорт – 207,28 млн. франков (66,3 %). Превышение экспорта над импортом – 912,9 млн. франков (103,4 %).

Основную часть экспорта России составляло зерно (табл. 20), в то же время страна ввозила сельскохозяйственные орудия и минеральные удобрения.

Таблица 20 – Баланс внешней торговли России по сельскому хозяйству

Наименование товаров	Единица измерения	Годы							
		1901–1905		1906–1910		1911–1913		1914	
		ВЫВОЗ	ВВОЗ	ВЫВОЗ	ВВОЗ	ВЫВОЗ	ВВОЗ	ВЫВОЗ	ВВОЗ
Продукты землед.	тыс. т.	10938,0	678,0	11365,0	1083,0	12889,0	1219,0	7119,0	114,0
	млн. руб.	606,5	190,2	739,0	263,3	899,0	281,6	521,1	274,3
Зерно-всего	тыс. т.	8707,0	13,9	8762,0	248	9363,6	333,4	5275,0	333,0
	млн. руб.	416,4	3,3	496,7	14,5	542,7	19,9	308,2	20,1
В т.ч. пшеница	тыс. т.	3696,0	199,6	3650,0	93,9	3 226,0	129,0	2356,0	124,0
	млн. руб.	208,7	1,1	252,8	5,8	225,4	8,3	163,9	8,3

Таким образом, аграрная политика создавала условия для подъема земледелия. Но курс на разрушение общины привел к появлению колоссальной армии безработных из крестьян. Частная собственность крестьян на землю без государственной поддержки не обеспечивала резкого прогресса земледелия (урожайность оставалась на уровне 7,0 ц/га, т. е. средневековом). Вывоз продуктов сельского хозяйства за пределы России провоцировал хищническое использование земли и ухудшение вследствие этого почвенного плодородия.

Несмотря на проводимые реформы, социально-экономическое положение крестьянства оставалось тяжелым. Смертность населения была в два раза выше по сравнению с США и Англией, особенно велика была детская смертность. Каждый третий ребенок умирал до года. Продолжительность жизни была в 1,4 раза ниже, количество врачей в 10 раз меньше, в основном они обслуживали правящий класс страны. Национальный доход составлял 12,2 % от дохода США (табл. 21).

Кроме этого качество питания было значительно хуже. Российский житель потреблял в 2,7 раза меньше мяса, 2,2 раза меньше молока, 6 раз меньше фруктов, 4,6 раза меньше сахара (табл. 22).

В. Гурко (1909, с. 67–72) отмечал, что «коренная причина бедности нашей страны зиждется, несомненно, на том, что народный труд в значительной своей части не используется вовсе, а так, как всем известно, что в основе богатства народов лежит исключительно плодотворно затраченный труд, то ясно, что для подъема нашего народного благосостояния необходимо, прежде всего, найти применение для нашего народного труда.

Таблица 21 – Социально-экономическое положение России в сравнении с другими странами (Акопов П., 1990, 1913)

Показатели	Россия	США	Англия
Население, млн.	174	97	46
Естественный прирост населения на 1 000 чел	16,4	11,8	10,1
Рождаемость на 100 чел.	45,5	25	24,3
Смертность на 100 чел	29,1	13,2	14,2
Детская смертность (1905 г.) на 1 000 родившихся умирало до года	272	97	133
Продолжительность жизни (лет)	32 (1896–1897)	47,3 (1900)	46,5 (1891–1900)
Количество врачей на 1 000 чел	0,18	1,8	-
Количество учащихся 1 000 чел (без вузов)	56	201	182
Книжная продукция (в названиях)	28 132	12 230	12 379
Число чиновников на 10 000 чел	62	113	73
Нац. доход на 1 человека (1912), в долларах	43	351	237

Таблица 22 – Потребление основных продуктов питания в России в сравнении с США (на душу населения в кг, 1913)

Страны	Мясо и мясопродукты, включая птицу и сало	Молоко	Яйцо, шт.	Рыба	Картофель	Овощи	Фрукты	Хлеб	Чай	Сахар	Пиво, л
Россия	29	154	48	6,7	114,0	40	11	200	0,4	8,1	6,6
США	77	343	303	8,6	44,5		66	113	—	37,0	—

Примечание: Данные по России приводятся из БСЭ (т. 24, кн. 2, с. 269). Данные по США из журнала «США: экономика, политика, идеология», 1988, № 12.

О том, насколько труд населения страны не использовался, красноречиво свидетельствуют статистические труды, составленные для так называемой комиссии по оскудению центра. В них вычислено, что из общего количества нашего сельского населения рабочего возраста, составлявшего уже в 1900 г. 45 млн. – сельское хозяйство, т.е. совокупность всех работ по земледелию, требовало лишь 23 млн. рабочих. Таким образом, 22 млн. оставались не использованными. Ясно, что это не означает, что 22 млн. ничего не делали. Цифры лишь указывают на то, что рабочее время значительной части земледельческого населения не использовалось в полной мере, что некоторая доля этого времени проводилась в вынужденной праздности. По мере роста населения количество работы оставалось прежним, все более острой становилась проблема, высказанная в лозунге «Земля и воля».

4.4. Размеры землевладения и продуктивность земледелия

Продуктивность земледелия определялась размером землевладения. В целом по Мордовии урожайность основных культур была выше на частновладельческих хозяйствах (табл. 23). По данным Г. Г. Данилова (1964), превышение ею показателей крестьянских хозяйств составляла в Инсарском уезде Пензенской губернии по озимой ржи 36,2, овса – 15,6 %, в Краснослободском уезде – соответственно 27,7 и 20,2, Наровчатском – 14,8 и 12,8, Саранском – 24,4 и 13,3 %, а по губернии в целом – 24,3 и 17,2 %.

Таблица 23 – Средняя урожайность основных полевых культур на частновладельческих и крестьянских наделных землях Мордовии в 1883–1913 гг.

Сельскохозяйствен- ные культуры	Урожай с дес. в пуд.		Разница (+) (-)	
	с частновладельческих	с наделных крестьянских земель	в пудах	в %
Зерновые хлеба	39,0	35,3	+3,7	+10,5
в том числе				
Рожь	50,5	42,5	+8,0	+18,9
Овес	40,0	32,6	+7,4	+22,7

Пшеница	41,5	37,3	+4,2	+11,3
Просо	44,2	40,8	+3,4	+8,3
Горох	38,4	33,1	+5,3	+16,0
Гречиха	20,4	19,6	+0,8	+4,1
Ячмень	36,5	35,7	+0,8	+2,2

По применению усовершенствованных орудий труда и машин российское крестьянское хозяйство далеко отставало от уровня промышленно развитых стран Европы и США. Соха оставалась почти единственным орудием обработки почвы. Молотилки и веялки в хозяйствах по размеру не превышающих 9 дес., в целом ряде губерний не встречались. «Вообще средства производства в виде мертвого инвентаря составляли меньшую часть в составе основного капитала крестьянского хозяйства (Анфимов А. М., 1980, с. 156).

По данным З. М. Савицкой (1926) в 12 уездах Центральной России хозяйства не имеющие инвентаря составляли около 27 % (по разным уездам от 9 до 45 %). Система земледелия оставалась паровой с трехпольным севооборотом. Под рожью было занято не менее 45–50 % земель, из яровых преобладали овес, просо, гречиха, бобовые. Постепенно сокращались площади, занятые гречихой, и росли посадки картофеля для винокуренной и крахмалопаточной промышленности. Всего по Европейской части России трехполье занимало 78,4 % , четырехполье – 8,9 %, и многополье – 10,3 %. (Анфимов А. М., 1980. с. 176-178).

Согласно Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. (Поуездные итоги..., 1923) в 7 уездах, полностью или частично входящих в состав нынешней Мордовии, в крестьянских хозяйствах под кормовые травы отводилось 0,07–0,29 % посевной площади, а в частновладельческих хозяйствах – 5,13–18,9 %. Наибольшие площади под кормовыми были в Спасском и Темниковском уездах. В Пензенской губернии многолетние травы в 1916 г. занимали в крестьянских хозяйствах 0,08, а в частновладельческих – 4,25 %, в Тамбовской – соответственно 0,38 и 9,50 %.

Наличие многолетних трав в структуре посевов свидетельствует о более высокой культуре земледелия, развитии животноводства, а значит, лучшем обеспечении хозяйств удобрениями.

Высокая концентрация хозяйства, большие размеры, позволяли хуторянам получать более высокие урожаи характерные для хуторских и отрубных хозяйств (таб. 24).

В технике обработки почвы у хуторян по сравнению с общинниками произошли только незначительные изменения и после 7 летнего проведения столыпинских реформ.

В силу экономических причин (отсутствие государственной поддержки крестьянского хозяйства, их бедности) государственная политика не оказала кардинального влияния на технологии основных сельскохозяйственных культур даже на хуторских и отрубных хозяйствах (табл. 25).

Таблица 24 – Средняя урожайность хуторских и общинных крестьянских хозяйств Ардатовского уезда за 1912 г.

Название сельскохозяйственных культур	У хуторян	У общинников	На сколько у хуторян больше, чем у общинников	
	в пудах	с десятины	в пуд.	в %
Зерновые хлеба	57,3	47,7	9,6	20,1
В том числе:				
Рожь	79,1	67,7	11,4	16,8
Овес	59,3	49,2	10,1	20,5
Пшеница	56,1	60,0	-3,9	-7,0
Гречиха	32,1	21,8	10,3	47,2
Горох и чечевицы	60,0	40,0	20,0	50,0
Картофель	655,1	570,0	85,1	15,0
Конопляное и льняное семя	47,8	40,0	7,8	19,51

Таблица 25 – Качество полевых работ у общинников и хуторян (по материалам земского обследования Ардатовского уезда, Краткие бюджетные сведения, 1916)

Технологические операции	у хуторян	у общинников
1	2	3
1. Среднее число вспашек:		
а) под рожь	2,8	2,8
б) под овес	1,2	1,3
в) под просо	2,0	1,7
г) под пшеницу	1,7	1,3
2. Средняя глубина вспашки (в вершк.)		
а) под рожь		
первой	3,2	2,9
второй	2,6	2,4
третьей	2,2	2,1
б) под овес, пшеницу и просо:		
первой	3,1	
второй	2,2	2,5
в) под картофель:		
первой	3,2	3,0
второй	2,6	2,4

3. Во сколько следов боронят (среднее число следов)
а) рожь:

в первый раз	3,1	3,1
во второй раз	2,0	2,3
б) овес, пшеница и просо:		
в первый раз	3,1	2,7
при заделке посева	2,0	2,7
в) картофель:		
в первый раз	2,9	2,9
во второй раз	2,2	2,6
при заделке почвы	2,0	2,0
4. Под что сеют в (%)		
а) рожь:		
под соху	50	100
под борону	–	–
б) овес		
под соху	50	100
под борону	–	–
в) пшеницу:		
под соху	20	33,3
под борону	–	–
г) просо:		
под соху	50	33,3
под борону	–	33,3
5. Какие яровые посеы укатывают в (%)		
а) овес	33,3	33,3
б) пшеницу	10,0	22,2
в) просо	22,2	22,2
6. Какие яровые посеы полют в (%)		
а) овес	100	66,6
б) пшеницу	30	22,2
в) просо	90	44,4
г) картофель	20	11,1
7. Как снимают с корня в (%)		
а) рожь: 1) жнут	80	100
2) косят	20	–
б) овес: 1) жнут	10	90
2) косят	22,2	77,8
в) пшеницу: 1) жнут	–	22,2
2) косят	30	11,1
г) просо: 1) жнут	77,8	22,2
2) косят	66,6	–
8. Чем молотят хлеб: в (%)		
1) цепами	80	88,8
2) конными молотил.	40	22,2
3) лошадьми	10	11,1

Прав был корреспондент Вольного Экономического Общества из Лукоянского уезда, отмечавший: «Выходящие из общины живут в разном положении... Когда пройдут годы, земля будет постепенно вся унавожена и не перейдет в другие руки, тогда хозяйство может вполне подняться.» (Чернышов И. В., 1917).

Несомненно, произошло некоторое улучшение сельскохозяйственной техники, это относилось в основном только к зажиточным хозяйствам. Так, например, по материалам бюджетного обследования хуторского крестьянского хозяйства в Ардатовском уезде, произведенном в 1913 г. Симбирским губернским земством прослеживалась следующая закономерность: в руках 10 обследованных хуторских хозяйств находились плуги двухлемешные – 3; жнеек – 1; молотилок – 1,33; веялок-сортировок – 4; сеялок рядовых – 1. Но они находились в руках исключительно зажиточной части крестьянства. Г. П. Линчёнков, имевшей 15,06 дес. удобной земли, 2 лошадей, 2 жеребят до 1 года; 1 корову; имел двухлемешной плуг. Я. Л. Веняшкин, имея 21,16 дес. земли, 2 лошадей, 4 коров, 2 нетелей, 4 телят, 11 овец, 8 ягнят, 4 свиней, 12 поросят; имел двухлемешный плуг, жнейку, молотилку, веялку и сеялку. М. М. Зубрилов, имея 38,71 дес. земли, 3 лошадей, 1 жеребенка, 1 корову, 1 нетеля, 1 теленка, 4 овцы, 1 ягненок, 1 барана, 1 свинью; в его распоряжении был двухлемешный плуг, 0,33 молотилки. И веялки находились в распоряжении И. М. Пулова, который имел 19,28 дес. земли, 2 лошадей, 3 коров, 1 быка, 2 нетелей, 14 овец и 3 свиньи; А. Я. Пугачёва, имевшего 11,52 дес. земли, 3-х лошадей, 1 корову, 2 овец, и В. Е. Афонина, имевшего 27,66 дес. земли.

Усовершенствованные орудия стали широко использоваться в крупных частновладельческих хозяйствах.

Так, например:

- по Спасскому уезду 30 крупных помещичьих имений сосредоточили в своих руках 216 плугов (7,2 плуга на имение), 54 сеялки (1,8 на имение), 35 веялок (1,1 на имение), 33 молотилки (больше 1 на имение),

18 косилок (более половины на имение) и 39 жнеек (1,3 на имение);

- по Темниковскому уезду в распоряжении 81 крупного помещичьего имения было: 245 плугов (3 плуга на имение), 52 сеялки (0,6 на имение), 55 веялок (0,6 на имение), 38 молотилок (0,5 на имение), 27 косилок (0,3 на имение) и 35 жнеек (0,5 на имение);

- по Ардатовскому уезду в 20 помещичьих экономиях сосредоточилось: 333 плуга (16,6 на имение), 130 железных борон (6,6 на экономию), 83 сеялки (4,2 на имение), 49 веялок (2,45 на имение), 41 молотилка (2,2 на имение), 25 косилок (1,2 на имение) и 59 жнеек (2,9 на имение).

Вместе с тем число крупных частновладельческих хозяйств без усовершенствованного инвентаря было исключительно высоким. В Спасском уезде 61 хозяйство из 91 имело усовершенствованного инвентаря (67 %), в Темниковском 132 из 213 (или 62 %), в Ардатовском 56 из 76 (73,6 %). Часть помещиков не только не стремилась вводить машинные формы обработки своих полей, но часто отказывалась от них, считая более выгодным обработку примитивным, патриархальным способом. Так, помещик В. Пукалов (из с. Большие Березники) в 1902 году в своей записке, поданной в Симбирский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности, доказывал, что в помещичьих хозяйствах производство зерна при машинном способе обработки стоит дороже, чем при примитивном. В этой записке он писал: «Мы убедились, что производство зерна нам обходится дороже, чем у соседей–стариков, ведущих хозяйство более примитивным способом. Понемногу изломанные машины сдавались в архив, и в настоящее время кроме паровых молотилок, которые существуют почти во всех больших имениях, другие усовершенствованные орудия встречаются только или у начинающих хозяйничать, или в имениях, где хозяйство ведётся испорти, а не для дохода» (Труды местных комитетов..., 1903). Такие воззрения были характерны только для отдельных представителей дворянского сословия.

Тенденция к усилению технического прогресса в крупных хозяйствах налицо. Так Краснослободский исправник писал Пензенскому губернатору:

«Лучший урожай получился на землях владельческих, как более удобряемых и тщательнее обрабатываемых».

«Разорение крестьянства, обезлошадение, потеря инвентаря, пролетаризация земледельца заставляют помещиков переходить к работе своим инвентарём. Растет употребление машин в сельском хозяйстве, повышающих производительность труда и неизбежно ведущих к развитию чисто капиталистических производственных отношений».

Следует отметить, что и в крестьянском сельском хозяйстве увеличивается употребление усовершенствованного инвентаря и машин, но в исключительно малом количестве. По материалам сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года, по всей территории Мордовии 14,5 % крестьян имели плуги, 0,02 % крестьян имели железные бороны, 0,3 % крестьян имели сеялки, 2,3 % крестьян имели веялки, 1,06 % крестьян имели молотилки.

Несмотря на это, уже в первое десятилетие стало заметным резкое отставание России в развитии производительных сил земледелия. Д. Н. Прянишников (1976), сравнивая урожаи у нас и в западных странах, писал, что в средние века они были одинаковыми (около 7 ц/га). В 1909–1913 гг. урожайность в Голландии, Бельгии, Германии достигла 22,5–23,3 ц/га, уменьшились материальные затраты на единицу продукции. Например, у фермера Америки во второй половине XIX в. уходило на производство четверти зерна 7,45 ч, а в начале XX в. – только 2,50 ч. В России же продуктивность пашни изменилась мало.

За счёт земств и государства, частных лиц и капиталистических объединений была создана сеть опытных полей, которые провели основательные работы по вопросам чередования культур, выяснены в зональном разрезе особенности обработки почвы, накоплены опытные данные по агротехнике основных культур.

Земская агрономическая сеть оказала огромное значение в распространении агрономических знаний. Возникли агрономические журналы, издавались различные работы по земледелию. Но в этот период в силу

экономических условий большинство новых технологий не находили применения в крестьянских хозяйствах. Они использовались только в крупных помещичьих имениях, – писал И. И. Синягин (1967). На территории Мордовии в 1913 г. было 27 агрономических участков с 27 агрономами и 27 агрономическими старостами. На каждый такой участок приходилось в среднем 7230 крестьянских хозяйств с общей площадью 56207 десятин. На агрономическую помощь крестьянам отпускалось по 7,4 коп. на дес. (Очерки истории..., 1955). Поэтому агрономическая помощь для большинства крестьян была недоступна, хотя эффективность отдельных рекомендаций была значительной. В Курмышском уезде по сообщению Е. Мурзакова «с казённой десятины, засеянной рядовой сеялкой, овса получилось в 1912 г. около 100 пуд., а с десятины ручного сева – около 60 пуд». (Ст. ежегодник, 1915, с. 90). В Ардатовском уезде «Рядовой посев у крестьян, по сообщению свящ. О. Поливанова, дал повышенный урожай пшеницы и овса» (с. 89).

Ст. Ал. Ермилин из Алатырского уезда писал, что «Главным недостатком постановки агрономической помощи (в настоящее время) – является отсутствие тесного общения с населением. Чтобы работа агрономов была продуктивной нужно: 1. Назначить на каждую волость по одному (по крайней мере) агроному; 2. Завести в каждом селении опытные или показательные поля, сады и огороды; 3. Устраивать еженедельно популярные беседы и чтения с туманными картинками, пособиями; 4. Устроить, если не на каждую волость, то хотя бы на 2–3 волости по одному отделению складов сельскохозяйственных орудий или агентуру. Далее он указывал на необходимость тесной связи агрономов с населением.

Д. Н. Прянишников (1976), сравнивая урожаи западных стран и России отмечал, что 150–200 лет назад они имели такие же урожаи как Россия. По его мнению два фактора сыграли решающую роль в переделке почв Запада: 1. Клеверосеяние; 2. Минеральные удобрения (включая известкование). Причём и тот, и другой факторы влияли на плодородие почвы как прямо, так и через навоз. Клевер, как азотособирающий, с другой стороны, обогащает почву своими

корневыми остатками, с другой – он же повышает количество корма, а значит, и навоза в хозяйстве. Одновременно благодаря клеверу повышается и процентное содержание азота в кормах и навозе. Только переход от зернового трёхполья к плодосмену с культурой клевера и корнеплодов на полях привел к постепенному удвоению урожаев против средневекового уровня.

В 1913 г. мировое потребление минеральных удобрений составляло свыше 25 млн. т. Россия едва достигала 160 тыс. т. Анализируя эту проблему, Д. Н. Прянишников (1976) отмечал, что вопрос о размерах потребности в минеральных удобрениях для России в прошлом нередко находил одинаково поспешное и категорическое решение в прямо противоположных смыслах. Одни находили, что мы еще не доросли до применения минеральных удобрений как последнего слова западноевропейской техники в области земледелия, что сначала нужно выполнить более элементарные задания в области обработки почвы и применения навоза, а пока этого не сделано, заниматься пропагандой минерального удобрения бесполезно. Другие же думали (и это мнение было самым обычным), что неприменение минеральных удобрений равнозначно простой неграмотности, а некоторые договорились и до требования принудительных мер по отношению к крестьянству в смысле обязательного применения суперфосфата и других удобрений, забывая о том, что когда нет удобрений, нельзя удовлетворить имеющегося спроса, то бесполезно говорить о мерах принуждения в этой области. На самом деле применение минеральных удобрений зависит от экономических условий. А они были в России неблагоприятными для применения удобрений. Стоимость селитры с доставкой составляла 15 руб. за 1 ц, а 1 ц ржи – 4 руб. Применение селитры было убыточным. Опыты показали, что при благоприятных условиях можно получить следующее количество зерна в среднем: ржи – 3 ц, пшеницы – 4 ц, овса – 5 ц. Поэтому селитру выгоднее вести в страны с высокими ценами на хлеб, пока в них возможно применение удобрений, а уж затем после их насыщения избытки селитры могли бы пойти в другие страны. Вот почему минеральные удобрения находили большое применение в западных губерниях России, по сравнению с

центральными и восточными. Вблизи столицы выгодно было применять удобрения под картофель, овощные и садовые культуры. С началом войны цены на хлеб стали возрастать, но и поступление минеральных удобрений было прекращено, война закрыла границы страны.

В 1913 г. возмещение выноса питательных веществ, потребленных посевами с пашни и сенокосов, по азоту, фосфору и калию составило за счет органических и минеральных удобрений всего 23,7 %, что говорит о систематическом ухудшении плодородия почвы. С атмосферными осадками и семенами с.-х. культур поступало азота больше, чем с навозом и минеральными удобрениями.

Основным недостатком агрономической помощи является недостаток агрономов, отсутствие опытных и показательных полей, складов, сельскохозяйственных орудий.

Агротехника на крестьянских полях была примитивной: с поздним паром «зеленым», используемым частично как пастбище, без зяблевой вспашки под яровые и т.п. (Стат. ежегодник..., 1918). При отсутствии почти всякой механизации получение даже незначительных урожаев достигалось ценой огромных затрат ручного труда. Так, при выращивании сахарной свеклы на гектар затрачивалось почти 200 человеко-дней; при выращивании пшеницы 30-40 человеко-дней. Высокую трудоемкость многих культур отдельные дореволюционные экономисты не только оправдывали, но и считали преимуществом. Посевам сахарной свеклы с затратой в 200 человеко-дней на 1 га придавалось большое значение, как средству использования «лишних» рабочих рук в «перенаселенных» черноземных губерниях. Крестьянское население крайне мало знакомо с употреблением различных машин и орудий. У них в большинстве случаев нет даже плугов, вся остальная работа идет в ручную, отчего и пахота, и сев, и очистка семян идёт из рук вон плохо. Из 18,5 тыс. бедняцких хозяйств Ардатовского уезда по материалам подворной переписи 1911–1912 гг. 10,5 тыс. (57 %) не имели никакого сельскохозяйственного инвентаря, даже сох и борон.

Уездные агрономы появились в уездах только с 1908 г., за исключением Краснослободского. С 1910 г. в уездах начинает вводиться участковая агрономическая организация, которая к 1914 г. была введена во всех уездах. В 1894 г. в ряде уездов Тамбовской губернии были открыты опытные поля, основная цель которых – опытно–демонстрационная. В Темниковском уезде опытное поле было открыто в 1895 г., а в 1899 г. прекратило свою деятельность. В 1906–1907 гг. Темниковское уездное земство в селе Жегалово впервые в имении Ю. А. Новосельцева поставило опыты по сравнительной обработке сохой и плугом и по влиянию на урожай зерна времени вспашки и двойки пара. В 1910 г. в Темниковском уезде были организованы Ермишинский, Криушинский, Кадомский, Темниковский и Стрельниковский агрономические участки, но все они бездействовали до 1914 г., кроме Ермишинского. Саранская уездная управа пригласила агронома в марте 1914 г. Его деятельность состояла в том, чтобы по субботам (в базарный день) с 10–14 ч. давать советы по сельскому хозяйству желающим. С большим трудом удалось передать рядовую сеялку для показа ее преимуществ по сравнению с ручным севом. Наконец нашёлся один крестьянин из деревни Танеевка Макаровской волости, который согласился испробовать её, а после него сеялку взял другой крестьянин из деревни Горайновка. Агроном пропагандировал посев трав, кормовой свеклы и обращал особое внимание на подготовку семян и необходимость посева лучшими семенами. В 1914 г. в Темниковском уезде было 14 агрономов. В 1913–1914 гг. на агрономических участках уезда в крестьянских хозяйствах закладывались опыты по изучению удобрений, а на показательном поле Ермишинского участка был введён семипольный севооборот и посеян набор различных сельскохозяйственных культур. Урожай зелёной массы кукурузы составил с десятины 518 ц/га, бобов – 13,2 ц/га зерна.

Первое опытное учреждение – Тамбовская опытная станция возникла в 1912 г., а к постановке опытов она приступила в 1914 г. В Пензенской губернии первое опытное поле (Анучино) открыто в 1910 г. После революции реорганизовано в опытную станцию.

4.5. Роль Крестьянского Банка в осуществлении аграрных преобразований

Значительную роль в осуществлении аграрной программы

П. А. Столыпина сыграл Крестьянский банк. Он был создан в 1883 г. министром финансов Н. Х. Бунге и был призван помогать подъёму благосостояния малоземельного крестьянства и устранению малоземелья.

Правительство оказывало помощь при землеустройстве (табл. 26), но этого количества было явно недостаточно. За 8 лет было выдано ссуд свыше 30 млн. руб.

Таблица 26 – Оказание населению денежной помощи при землеустройстве (Карпов Н., 1925, с. 220–221)

Годы	Выдано ссуд		Выдано безвозвратных пособий		Выдано авансов под залог наделной земли	
	Число домохозяев	Сумма в рублях	Число домохозяев	Сумма в рублях	Число домохозяев	Сумма в рублях
1907	1 449	56 006	582	2 099	88	7 474
1908	11 706	740 697	1 435	83 678	1 343	59 199
1909	43 061	3 731 490	4 890	216 277	763	23 612
1910	42 887	4 013 310	9 725	273 573	68	5 210
1911	48 567	4 911 040	15 468	270 870	46	6 500
1912	54 761	5 754 023	13 950	229 736	10	2 626
1913	55 249	6 442 650	3 635	76 659	22	4 810
1914	42 019	5 018 883	8 335	108 697	3	1 100
Всего	229 699	30 668 099	58 020	1 127 689	2 343	110 531

Н. Карпов (1925, с. 10–12) указывал, что до 1 января 1906 г. при содействии Крестьянского банка было куплено 7 449 228 дес., в том числе сельскими обществами – 25,6 %, товариществами крестьян – 72 % и отдельными домохозяевами всего 2,4 %. С 1906–1910 гг. куплено крестьянами с помощью Крестьянского банка 7 636 116 десятин земли или приобретено Банком для продажи крестьянам (Прокопович С., 1912). Причем в 1909–1912 гг. единолично было приобретено уже 2 910 206 десятин (отдельными домохозяевами), а коллективно только 2 353 тыс. дес. С 1908 г. коллективные покупки уступают свое место единоличным покупкам (табл. 27). В 1910–1913 гг. в руках единоличных хозяев сосредотачивается свыше 90 % всей земли,

приобретаемой крестьянами из имений банка. Средний размер покупаемых участков возрастает с 10 дес. в 1907–1908 гг. до 18 дес. на одного покупателя. В 1896–1904 гг. крестьяне приобрели через банк 52,0–76,3 % всей купленной ими в эти годы земли. Но система доплат способствовала тому, что ссудой могли воспользоваться только наиболее зажиточные крестьяне. Согласно уставу 1895 г. банк выдавал ссуду до 90 % оценочной стоимости суммы, остальную часть крестьяне должны выплачивать сами. Но суммы доплат на 1 десятину в 1901–1906 гг. составляла от 21,2 до 30,6 руб. (табл. 28).

Таблица 27 – Приобретение земли крестьянами за счет Крестьянского банка (Карпов Н., 1925, с.13)

Годы	Отдельные домохозяева				Товарищества и сельские общества			
	В % к общему числу дворов купивших землю	Куплено земли в дес.	В % к общему количеству куплено земель	Среднее количество купленной земли на двор	В % к общему числу дворов купивших землю	Куплено земли в дес.	В % к общему количеству куплено земель	Среднее количество купленной земли на двор
1906	0,9	1241	3,2	27,0	99,1	38003	96,8	7,3
1907	1,5	4559	2,5	10,2	98,5	175589	97,5	5,7
1908	29,3	126043	38,8	10,1	70,7	198913	61,2	6,3
1909	55,0	432487	78,4	11,2	45,0	118820	21,6	3,8
1910	66,5	711207	93,0	14,4	33,5	53464	7,0	2,1
1911	73,1	633754	93,2	15,7	26,9	45904	6,8	3,1
1912	65,5	347413	93,5	15,1	34,5	34274	6,5	2,0
1913	66,3	387905	94,6	17,8	33,7	22213	5,4	2,0

Таблица 28 – Величина ссуды и доплаты по земельным сделкам, прошедшим через Крестьянский банк, в рублях на десятину (Прокопович С. Н., 1917)

Годы	Размер ссуды, руб.	Размер доплат, руб.
1883–1890	35,5	8,0
1891–1895	31,5	15,6
1896–1900	60,5	15,2
1901	70,0	21,2
1902	80,0	27,5
1903	81,2	27,1
1904	81,3	30,6
1906	101,5	29,4

Поэтому система доплат содействовала переходу земель в руки более состоятельных крестьян. Только 37 % всей купленной с помощью банка земли, поступило в руки наиболее нуждающихся.

Несмотря на то, что процентные ставки банка на выдаваемую ссуду постепенно понижались (в 1896 г. – 5,25 %, в 1905 г. – 4,5 %), крестьяне выплачивали огромные суммы. На каждые 100 руб. ссуды за 55,5 лет крестьяне должны были выплатить 250 руб. Поэтому малоземельным крестьянам такая ссуда была не карману.

Крестьянский банк оказал бесспорное влияние на рост цен на землю, начав в 1896 г. скупать земли, указывал Н. Рубакин (1912). Банком скупались по повышенным ценам дворянские земли, которые с выгодой для банка перепродавались крестьянам в кредит, за который идут ему проценты (на 1.01.1906 г. было куплено 961,5 тыс. десятин). Крестьяне нуждаясь в земле, шли на явно невыгодные для них покупки. Деятельность банка некоторые современники расценивали (Вольский А., 1905) как спекуляцию, что позволяло помещикам выгодно продавать свои имения. В 1904 г. банк покупал 1 десятину за 68,5 руб., а продавал крестьянам за 111,9 руб. В 1906 г. соответственно 118,8 и 128,7 руб.

В результате аграрного движения 1905–1906 гг. (Прокопович С. Н., 1917) ценность земельной собственности понизилась на 20 %. Крестьянский же банк скупал земли по завышенной цене (по ценам 1900–1904 гг.). Поэтому помещики только выигрывали, продав земли Крестьянскому банку.

Для устранения малоземелья правительственная программа предусматривала освоение целинных земель в Сибири с предоставлением льгот. С 1885–1892 гг. переселилось всего 258 154 человек. В этот период правительство опасаясь уменьшения рабочих рук в центре России, препятствовало переселению крестьян за Урал. Но в связи со строительством Сибирской железной дороги и острым недостатком земли в центральных районах страны в 1906 г. крестьянам было разрешено осваивать новые земли в Сибири. На каждую переселенческую семью выдавали пособие не ниже 200

руб., фактически в 1897–99 гг. оно составляло 87 руб., в 1900–1902 гг. – 83 руб., в 1903 г. – 27 руб.

Российский земледелец тысячелетиями только брал, ничего не возвращая полю. Плодородие постоянно и неотвратимо снижалось. В Западной Европе, в силу объективных причин, эту беду осознали гораздо раньше и делали все, чтобы ее предотвратить. Поэтому продуктивность их полей была значительно больше, чем российских. Ю. Либих в 1861 г. писал о том, как император Иосиф II пожаловал в кавалеры Священной Римской империи крестьянина Шуберта за заслуги по выведению клевера. Серебряные медали так и назывались – клеверными. Стимулировались также разведение картофеля, улучшение почв внесением мергеля и гипса. Переход от паровой системы к плодосменной (1840–1870 гг.) обусловил удвоение урожайности (с 7,0 до 13,0–15,5 ц/га). В 1840 г. Ю.Либих сформулировал теорию минерального питания, а спустя 40 лет в Европе искусственные удобрения стали широко применять на полях, продуктивность которых в 1891–1900 гг. поднялась до 17,4–19,4 ц/га. Однако в России урожаи остались на прежнем уровне, истощение почвы продолжалось.

В 1913 г. общее потребление минеральных удобрений составляло более чем 25 млн. т, из них в России – около 160 тыс. т. Последнее объясняется тем, что использование их было убыточным: 100 кг селитры (с доставкой) стоили 1 руб., а 100 кг ржи – 4 руб. Возмещение выноса питательных веществ, потребленных посевами и сенокосами, по азоту, фосфору и калию за счет органических и минеральных удобрений было равно всего 23,7 %.

4.6. Состояние агроландшафтов в начале XX века

Овражная эрозия на рассматриваемой территории настолько расширилась, что правительство в 1902 г. решило вести работу по укреплению оврагов. Наиболее необходимыми были признаны работы по укреплению дорог, оврагов, прудов и водохранилищ в Краснослободском, Саранском, Городищенском, Чембарском и Н-Ломовском уездах. В первую очередь было обращено внимание на укрепление оврагов. Это было не случайно. Овраги в Среднем Поволжье к

этому времени стали народным бедствием. Слово «овраг» стал страшным словом для земледельца.

При организации общественных работ из-за отсутствия денег намечалось укрепить только самые опасные и большие овраги. Так, в Блохинской волости Саранского уезда намечено было укрепить 10 оврагов, каждый из которых имел ширину от 10 до 40 саж. и длину до двух верст (Ж. Пензенского..., 1903). В этот период всего предложено было укрепить в Краснослободском уезде 37 оврагов, Саранском – 40 оврагов, из которых в Блохинской волости – 10, Зыковской – 11 и Трофимовской – 12; в Чембарском уезде – 230 оврагов, из которых 110 на крестьянских землях, 49 – на земле крестьян-владельцев и 10 на земле помещиков; в Городищенском уезде – 15 оврагов и Нижне-Ломовском уезде – 38 (Ж. Пензенского..., 1903).

По материалам оценочно-статистического обследования, произведенного в 1909–1911 гг., в Пензенской губернии всего неудобных для сельскохозяйственного использования земель имелось 144 723 дес., из них овраги и водороины занимали 40 521 дес. (Сб. стат. Сведений, 1927), а если взять только одни овраги, без водороин, то площадь их к первой четверти XX столетия (1915–1917 гг.) составила 16 581,91 дес.

В Симбирской губернии (Симон Ф., 1913) в 1902 г. площадь оврагов достигла 100 тыс. дес. или около 2,3 % площади всей губернии, но через 12–15 лет это количество увеличилось до 120 279 дес., при общем числе оврагов 14 446 шт. Овражная эрозия больше всего была развита в Сызранском (43 127 дес. овражных земель), Ардатовском (20 224 дес.) и Сенгилеевском (13 448 дес.) уездах.

В образовании больших эрозионных площадей на рассматриваемой территории в первой четверти XX в. главную роль сыграли уничтожение лесных угодий и распашка склоновых земель. Так, со времени генерального межевания до первой четверти XX в. площадь под лесами в Симбирской губернии сократилась на 7,3 %, а распаханность территории возросла до 56,2 % (Воробьев К., 1917). В Пензенской губернии за этот же период лесистость снизилась с

38,9 % в 1782–1792 гг. до 14 % в 1909–1911 гг., а удельный вес пашни достиг 63 % (Коновалов М. М, 1924).

Увеличение распашки земель, дало простор развитию эрозионных процессов. Так, согласно ведомости оврагов (1914–1917 гг.), находящихся на земле крестьян сельского общества Инсарского уезда Пензенской губернии из 233 оврагов 147 находилось в поле, 46 в селе, 39 на лугах и выгоне и только один овраг в лесу.

Данные такой же ведомости по Мокшанскому уезду показывали, что из 200 оврагов только один овраг находился в лесу, 44–на лугах и выгонах, 110 на пашне, 45 в селе и на дороге.

В 1910 г. в Симбирской губернии наконец-то были начаты подготовительные работы по укреплению и облесению песков и оврагов. Но в 1910–1911 гг. ещё не было стройной организации и систематических работ по борьбе с эрозией почв не проводилось. Так, в 1911 г. укрепление песков проведено только в Сызранском уезде на площади 27 дес. шелюгой и 33 дес. сосной. Кроме того, укреплен один овраг по методу Э. Э. Керна, т. е. сделан один ступенчатый деревянный лоток длиной 9 саж. и водонаправляющие валики.

Песчано-овражные работы в Симбирской губернии систематически начали проводиться только с 1912 г., когда территория губернии была разделена на два песчано-овражных района: Симбирский и Сызранский.

В июле 1913 г. был образован Симбирско-Пензенский песчано-овражный округ, который охватывал две губернии: Симбирскую и Пензенскую.

Песчано-овражные работы на рассматриваемой территории были организованы на тех же общих основаниях, на которых работали песчано-овражные партии в других губерниях Российской империи, а именно: лесной департамент Главного управления землеустройства и земледелия посылал своих техникумов-лесоводов для руководства и надзора за работами и отпускал бесплатно лесной материал. Земство представляло денежные средства на производство овражных работ с опытно-показательными целями, при пескоукрепительных же

работах принимало на свой счет расходы по доставке посадочного материала до ближайших к месту работ железнодорожных станций. Владельцы же, на чьих территориях проводились песчано-овражные работы, проводили за свой счет доставку посадочного материала до места работ и исполняли сами работы с дальнейшим уходом за ними.

Оврагоукрепительные работы за это же время проведены почти во всех уездах Симбирской губернии за исключением Курмышского. За 1912–1916 гг. укреплено 79 оврагов и облесено 25 (Доклад о ходе..., 1915; О песчано-овражных..., 1916; 1915).

Выбор оврагов для укрепления производился членами песчано-овражной партии совместно с земскими управами. В первую очередь укреплялись те овраги, которые угрожали населенным пунктам и дорогам. В Ардатовском уезде в 1914 г. было укреплено 4 оврага, которые выходили на улицы сел Ведянец и Налитова и угрожали своими вершинами и обвалами откосов грунтовыми дорогам и постройкам.

Кроме укрепления оврагов, в 1915–1916 гг. стали производить их облесение. Так, в 1915 г. облесение производилось на 12 оврагах за счет отпущенных губернской управой 700 руб. Облесение состояло в посадке по дну оврагов ветловых кольев, черенков ив и тополей, а по откосам и приовражной полосе – различных лиственных и кустарниковых пород. Всего высажено около 510 шт. сеянцев и 500 шт. черенков и кольев.

В Пензенской губернии песчано-овражные работы начались в 1914 г. В губернии был организован только один – 1-й Пензенский песчано-овражный район, куда входило 4 уезда: Краснослободский, Наровчатский, Городищенский, Мокшанский с центром в Краснослободске. Песчано-овражная партия в 1914 г. проводила укрепление песков в Краснослободском, Наровчатском, Городищенском уездах. Всего в 1914 г. обсажено песков шелюгой и сосной – 58,97 дес., в т. ч. в Краснослободском уезде 23,51 и Наровчатском – 35,46 дес. (О песчано-овражных работах..., 1915). В 1914 г. в Пензенской губернии были произведены показательные работы по

укреплению оврагов в селе Вязевка Сыромьясской волости Городищенского уезда и с. Шадымский Майдан Наровчатского уезда.

Для укрепления и облесения песков и оврагов шелугой, сосной и другими (лиственными) породами необходимо было выращивать этот материал на месте. Поэтому были заложены на средства казны в разных местах Симбирской и Пензенской губерний несколько постоянных и временных питомников и плантаций. В Симбирской губернии были организованы Сызранский, Киндяковский, Алатырский, Кротковский, Уваровский, Ардатовский питомники. Сызранская, Акшутская, Ключищенская, Вольшская, Николаевская и Репьёвская плантации. В Пензенской губернии были созданы Краснослободский, Михайловский, Наровчатский, Городищенский питомники.

Из приведённых данных видно, что работы, сделанные песчано-овражными партиями в Симбирской и Пензенской губерниях были небольшими. Они не покрывали ежегодного прироста оврагов и летучих песков и поэтому их площади продолжали увеличиваться. Работы песчано-овражной партии имели показательный характер с целью популяризации среди населения укрепления действующих оврагов облесения песков. Но они не ставили задачей планомерно бороться с растущими оврагами, приостановить их рост и развитие, и тем самым защитить почвы от разрушения.

Следовательно, в этот период происходили прогрессивные в научно-экономическом смысле изменения: произошло увеличение валовых сборов зерна, повысилась продуктивность земледелия, происходило усиление крестьянских хозяйств, шире стали применяться усовершенствованные приемы земледелия, особенно в зажиточных хозяйствах.

Такие итоги пагубно сказались на экономическом положении общества. Правящий класс не сумел объективно оценить обстановку, эгоистические интересы привилегированные слои общества ставили выше государственных. Это и привело в итоге к трагедии, краху государственности.

Литература

1. *Акопов П.* Россия и Запад / Ж. Диалог, 10, 1990. – С. 52–53.
2. *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М. 1980.
3. *Бехтеев С. С.* Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия. Т. П. - СПб., 1906. – С. 184–190.
4. *Бухарин Н. И.* Путь к социализму. - Новосибирск: Наука, Сибирск. отд., 1990. – С. 43–45, 52–53.
5. Бюджетное исследование крестьянского хозяйства. Ч. III. Вып. I. – Пенза, Пенз. губ. стат. бюро, 1923. – 121 с.
6. *Воробьев К.* Аграрный вопрос в Симбирской губернии. – Симбирск, 1917. – 28 с.
7. *Герасименко Г. А.* Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985.
8. *Гурко В.* Устой народного хозяйства России. – СПб., Тип. А. С. Суворина, 1902. – 201 с.
9. *Гурко В.* Наше государственное и народное хозяйство. – СПб., 1909. – 243 с.
10. *Данилов Г. Г.* Из истории земледелия Мордовии. – Саранск: Морд. кн. изд-во. 1964. – 112 с.
11. Доклад о ходе песчано-овражных работ в Симбирском уезде в 1915 г. / Журнал Симбирского уездного земского собрания сессии 1915 г. Симбирск. 1915.
12. *Дякин В.* Столыпин и дворянство: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972.
13. Журнала Пензенского губернского земского собрания с приложениями очередной сессии 1902 г. Пенза, 1903.
14. Земельное право. Учебник. – М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1949. – 416 с.
15. *Карпов Н.* Аграрная политика Столыпина. - Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1925. – 238 с.
16. *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. – М.: Наука, 1991. – 487 с.
17. *Кондратьев Н. Д.* К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значение. Служебная записка от 8 октября 1927 г. // Известия ЦК КПСС, 1989. – С. 187–214.

18. *Коновалов М. М.* Сельскохозяйственные районы Пензенской губернии // Природа и хозяйство Пензенского края, 1924. С. 2–3.
19. *Красильников Н.* Петр Аркадьевич Столыпин и его деятельность в первой, второй и третьей Государственной думе. – СПб. Отечественная типография, 1912. С. 35–36.
20. Краткие бюджетные сведения по хуторскому и общинному крестьянскому хозяйству Симбирской губернии. Симбирск, 1916, С. 140–149.
21. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984.
22. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17, 45.
23. *Маслов П.* Новые помещики. // «Новая жизнь», N 15. – С.167–169.
24. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистич. ежегодн. – М.: Статистика, 1987. – С. 11.
25. *Николаев А.* Революция и кооперативное движение // Год русской революции (1917–1918 гг.). – М.: «Земля и воля», 1918. – С. 223–232.
26. О песчано-овражных работах в губернии в 1914 г. // Доклады губернской управы по агрономическому отделению Пензенскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1914 г. Пенза. 1915.
27. Отчет за 1913 г. о работах по укреплению оврагов // В сб. статей по песчано-овражным работам. Вып. V. Пг. 1915.
28. О ходе песчано-овражных работ в Симбирской губернии в 1914 г. // Доклады Симбирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1914 г. Симбирск, 1915.
29. Очерки истории Мордовской АССР. Т. 1. – Саранск, 1955. – С. 431, 438, 471.
30. *Перишин.* Участковое землепользование в России. – М.: Изд. Наркомзема «Новая деревня», 1922. – С. 7.
31. Поуездные итоги Всероссийской с.х. и поземельной переписи 1917 г.
32. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. Тр. центрального статистического управления. Т. I, П. – М.: 1923. – 218 с.
33. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Саранский уезд. Вып. IX. – Пенза, тип. «Единение», 1918. – 61 с.
34. *Прокопович С.* Аграрный кризис и мероприятия правительства. – М.; 1912. – С. 149.
35. *Прянишников Д. Н.* Азот в жизни растений и в земледелии СССР. // Изб. тр. – М.: Изд. Наука, 1976. – С. 136, 139.
36. *Прянишников Д. Н.* Ближайшие задачи в области производства минеральных удобрений. Изб. тр. – М.: Изд. Наука, 1976. С. 424–443.

37. Рыбас С., Тараканова Д. Жизнь и смерть Петра Столыпина // Смена, №6, 1991. – С. 26–83.
38. Рыбакин Н. Россия в цифрах. – СПб: Изд.: Вестник знания, 1912. – С. 169–170.
39. Савицкие З. М. и Н. А. *Земские подворные переписи. 1880–1913. Поуездные итоги. М., 1926.*
40. Салуцкий А. С. Умозрение и реальность // Крестьянский вопрос вчера и сегодня. – М.: Современник, 1990. – С. 95–100, 167.
41. Сахаров В. Продовольствие // Год русской революции (1917–1918 гг.). – М.: «Земля и воля», 1918. – С. 193.
42. Свод заключений губернских совещаний по проекту положения о наделных землях. – СПб., 1906. – С. 1921.
43. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. т. IV, с.84.
44. Сборник статистических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917
45. Сборник статистических сведений по Пензенской губернии 1920–1926 гг. Пенза. 1927.
46. Сельскохозяйственный обзор Пензенской губернии за 1911–1912 гг. Пенза, 1913, 25 с.
47. Сельскохозяйственный обзор за 1912–1913г.г. и свод данных текущей статистики за 1909–1913 гг.
48. Сельское хозяйство России в XX веке // СПб. статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. / Под ред. проф. Н. П. Огановского. – М.: Изд-во «Новая деревня», 1923. – 340 с.
49. Сельскохозяйственный обзор за 1912–1913 гг. и свод данных текущей статистики за 1909–1913 гг. Сост. Ф. Е. Термитин. – Пенза. Тип. Рапопорта и К, 1914. – 47 с.
50. Симон Ф. Записки об устройстве опытной овражной станции в Симбирской губернии и о некоторых вопросах для ее первоначальных работ. Симбирск, 1913.
51. Синягин И. И. Земледелие и растениеводство России за 50 лет. – М.: Об-во «Знание» РСФСР, 1967. – 36 с.
52. Соковнин. П. Н. Культурный уровень крестьянского полеводства на наделной земле и его значение в земельном вопросе (с поуездными данными по 46 губерниям Европейской России). СПб, 1906, С. 72–73, 78.
53. Статистика землевладения 1905 года. СПб., 1907.
54. Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1913 г. – Симбирск. Изд. Симбирск, губерн. земства. 1915. – 280 с.

55. Статистический ежегодник по Симбирской губернии. – Симбирск. Изд. Симбирск, губерн. стат. бюро, 1918. – 148 с.
56. Статистический сборник за 1913–1917 гг. Тр. Центрального стат. управл. Т. VII. – Вып. I. – М., 1921. – 277 с.
57. *Столыпин П. А.* Декларация правительства по аграрному вопросу. Заседание Гос. Думы 10.04.07г. // Сб. речей Петра Аркадьевича Столыпина в заседаниях Государственного Совета и Государственной Думы (1906–1911). – СПб., Изд. В. В. Долгачева, 1911. 131 с.
58. Труды местных комитетов и нуждах с/х пром. Симб. губ. СПб. 1903, стр.119.
59. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. – М., 1989. – 297 с.
60. Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение // Диалог, N 4. – 1990. – С. 50–62.
61. *Туган-Барановский М. И.* Русская революция и социализм // Диалог, N 4, 1990. – С. 62–63.
62. *Фигуровская Н., Симонов В. В. Н. Д. Кондратьев и Российская экономика чрезвычайного времени* // Рынок хлебов, – М.: Наука, 1991. – С. 3–84.
63. *Финн-Енатаевский А.* Современное хозяйство России (1890–1910 гг.) – СПб.: Изд. М. И. Семенов, 1911. – 527 с.
64. *Чаянов А. В.* Краткий курс кооперации. – М.; Центральное товарищество «Кооперативное издательство», 1925. – 78 с.
65. *Чаянов А. В.* Записка о современном состоянии сельского хозяйства (СССР по сравнению его с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран. 6 октября 1987 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. – № 6. – С. 212–213.
66. *Чаянов А. В.* Бюджетные исследования // Изб. Тр. – М.: Финансы и статистика. 1991. – С. 25–360.
67. *Чернышев И. В.* «Община после 9 ноября 1906г.» ч. II, стр.71, Петроград, 1917 г.
68. *Шанин Т.* Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. М., 1997.
69. *Юркин С. Н.* Баланс азота, фосфора и калия в условиях интенсификации земледелия. – М.: ВНИИ информации и технико-экономических исследований по сельскому хозяйству. – 108 с.
70. *Wolf E.* Peasant Wars in the Twentieth Century. N. Y., 1969.

ГЛАВА 4. ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ

5.1. Влияние первой мировой войны и революции на развитие русской деревни

Первая мировая война оказала сильнейшее воздействие на всё развитие Восточной Европы. Как отметил Дж. Лихтхайм (1972, р. 105), «трения, приведшие к взрыву в 1914 г., принципиально ничем не отличались от тех, что служили причиной других европейских пожаров в прошлом. Изменился характер общества... Корни неожиданных последствий казавшегося в 1914 г. достаточно традиционным спора из-за гегемонии в Европе кроются в социально-экономических переменах, ставших заметными уже в 1900 г. Индустриализация в Европе достигла такого уровня, что позволяла мобилизовать на борьбу миллионы людей на беспрецедентно долгий срок».

Именно перемены, произошедшие в Европе в XIX – начале XX века, – промышленный переворот и индустриализация, проводимая при активной поддержке государства, демографический взрыв, урбанизация, изменение баланса социальных и этнических сил, рост национал-социалистических настроений в обществе – во много раз увеличили продолжительность, интенсивность, тяжесть и жестокость войны, а следовательно, и её дестабилизирующий эффект.

Одним из важнейших последствий войны стало появление феномена военно-промышленных государств. Необходимость сосредоточить все силы на обеспечении военных нужд и укрепить собственные структуры, дабы выдержать удар, повсюду привела к тому, что в ходе процесса этатизации, начавшегося ещё в предыдущие десятилетия, произошёл качественный скачок. Постепенная интенсификация мобилизации, поскольку война затянулась и превратилась в войну на износ (как живой силы, так и техники), всё более и более способствовала захвату государством командных позиций в экономике. Усилилось взаимопроникновение государства, науки и промышленности, особенно военной.

Война самым радикальным образом повлияла и на деревню. Земельный вопрос, остававшийся, особенно в Восточной Европе, главным яблоком раздора, приобрёл иные черты и формы, чем в 1914 г. Если, например, в царской России ещё до войны, в силу общего экономического прогресса, наиболее способные и удачливые крестьяне приобрели значительную часть земли, оставленной в 1861 г. за помещиками и церковью, благодаря чему улучшилось их собственное положение и повысилась производительность сельского хозяйства, то аграрная революция 1917–1918 гг. отличалась крайней жестокостью и уничтожила не только помещичьи имения, но и лучшие крестьянские хозяйства. Ярость крестьян, подогретая четырьмя годами войны и лишениями, которые остановили и даже обратили вспять процесс улучшения условий жизни на селе, обрушилась на иллюзорную, как стало ясно впоследствии, мишень – сильно сократившуюся часть земли, ещё остававшуюся в руках государства, церкви и помещиков, - и вместе с крупным землевладением и олицетворяемым им старым режимом смела с лица земли и государство, исторически на него опиравшееся.

* * *

Первая мировая война оказала пагубное влияние на агрономическую науку и производство продуктов сельского хозяйства. Уже к концу 1916 г. в

стране стал ощущаться недостаток хлеба. По мнению А. М. Анфимова (1959) это было связано со следующими причинами:

- Недостатком рабочей силы. В 1914–1916 гг. было мобилизовано 10,3 млн. сельского населения. Кроме того, крестьяне продолжали заниматься различного рода промыслами. По итогам переписи 1917 г. по 36 губерниям из 16,52 млн. мужчин рабочего возраста 7,68 млн. было мобилизовано и 2,44 млн. человек занимались промыслами. Огромные массы людей сгонялись властями на рытьё окопов, перевозку военных грузов, заготовку и вывозку дров и т. д. В своих хозяйствах оставалось только 38,7 % мужского населения деревни;

- Ухудшили земледелие массовые мобилизации лошадей. А они были основной тягловой силой. К началу революции для нужд армии было взято около 2,6 млн. лошадей;

- Ухудшилось обеспечение крестьян сельскохозяйственными орудиями. Основным орудием была соха. К концу 1917 г. на одну сеялку приходилось 2 512 дес. крестьянских земель, а на одну жнейку 1 281 дес. (у помещиков обеспеченность орудиями была несколько лучше). Господствовал ручной труд. Если потребление сельскохозяйственных орудий за 1911–1913 гг. принять за 100 %, то в 1914 г. оно составляло 85,4 %, в 1915 г. – 27,3 % и в 1916 г. – 11,3 %;

- Падение поголовья скота снизило накопление навоза и сократило объем его вывозки на поля;

- Расхождение цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами в пользу промышленных, установление твердых цен только усугубило положение.

Во время мировой войны посевные площади России снижались под влиянием двух факторов: оккупации и внутренних политико-экономических условий. По данным Центрального статистического комитета «Урожай» общая посевная площадь в среднем за 1909–1913 гг. составляла 98 454 049,7 десятин. Общая площадь губерний, оккупированных к 1916 г. составляла 8 588 467,2 десятин (или 8,7 % к общей посевной площади).

Под влиянием политико-экономических факторов, при исключении фактора оккупации, снижение посевных площадей составило к 1917 г. 6,7 %, картофеля – 18,8 %. (табл. 29).

Таблица 29 – Динамика посевных площадей в годы первой мировой войны

Годы	Пшеница, рожь	Просо, гречиха	Зернобобовые, кукуруза, полба	Картофель	Ячмень, овес	Всего
площадь в тыс. десятинах						
1909-1913	48 548,1	4 699,7	2 850,9	2 706,4	24 789,3	83 594,4
1914	51 251,2	4 614,7	2 845,0	2 950,6	27 002,8	88 664,4
1915	50 246,5	4 345,4	2 750,5	2 771,4	25 049,9	85 163,8
1916	44 719,4	4 397,6	2 621,3	2 366,8	24 173,1	78 278,2
1917	45 166,6	4 542,7	2 694,5	2 196,4	23 443,6	78 044,0
1920	34 241,8	5 227,2	1 313,5	1 453,8	16 429,5	58 665,8
1921	29 828,6	4 787,9	1 284,6	1 407,5	14 275,9	51 584,5
в % к площади 1909–1913 гг.						
1909-1913	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1914	105,6	98,3	99,8	109,0	109,1	106,0
1915	103,6	92,6	96,5	102,4	101,1	101,9
1916	92,2	93,6	92,0	87,5	97,5	93,7
1917	93,0	96,8	94,5	81,2	94,7	93,3
1920	70,5	111,2	46,1	53,7	66,3	70,2
1921	61,4	101,9	45,1	52,0	57,6	61,7

Ещё более стремительно снижались посевные площади в средней полосе России. В Тамбовской губернии, например, посевные площади снизились в 2,3 раза, Симбирской – 1,8 раза (табл. 30).

Таблица 30 – Посевные площади по культурам (за исключением кормовых трав), тыс. дес.

Культура	Годы							
	1901-1905	1906-1910	1911-1915	1913	1916	1917	1920	1921
Тамбовская губерния								
Всего посевов	2 263,4	2 277,4	2 355,8	2 358,8	2 120,8	2 276,5	1 225,2	992,4
В т.ч. оз. рожь	1082,2	1074,8	1 123,3	1 128,7	1 013,1	1 094,4	797,4	781,4
Яр. пшеница	13,2	10,7	8,8	8,1	5,0	2,6	–	–
Овес	625,9	644,4	649,4	654,0	608,7	627,7	154,9	214,9
Просо	302,7	324,8	294,7	297,2	276,4	335,9	255,6	207,3
Картофель	102,8	110,0	110,1	110,7	98,1	94,4	24,9	21,8

Симбирская губерния								
Всего посевов	1 409,8	1 456,5	1 399,8	1 420,5	1 341,4	1 322,2	922,3	791,2
В т.ч. оз. рожь	679,6	702,9	680,9	685,6	662,8	643,2	466,2	445,2
Яр. пшеница	96,4	100,4	114,8	112,8	137,0	122,7	55,8	25,7
Овес	369,0	366,5	334,4	339,8	324,8	332,6	180,7	126,7
Просо	114,3	129,1	113,8	121,2	102,6	110,5	134,5	132,8
Картофель	31,9	41,8	45,0	46,5	30,8	28,2	32,5	18,8

Сокращение посевных площадей особенно стремительно происходило в частновладельческих хозяйствах, в меньшей мере это наблюдалось в крестьянских хозяйствах. В частновладельческих хозяйствах в 1915 г. по сравнению с 1909–1913 гг., посевные площади сократились наполовину. Резкое снижение их произошло в нечерноземной и черноземной зонах России. Наоборот, в Сибири, произошло увеличение площадей, как в крестьянских, так и частновладельческих хозяйствах. Это снижение связано с социально-экономическими факторами. Прежде всего, это связано с сокращением числа рабочей силы, и с призывами в армию. Если в 1914 г. призыв в армию составлял 14,9 % мужского населения рабочего возраста России, то в 1915 г. призыв составил 25,2 %, в 1916 г. – 35,7 %, а в первой половине 1917 г. – 36,7 % мужского населения страны. Процент этого отвлечения в сельском хозяйстве был несколько выше, так как сельское хозяйство не пользовалось льготами по освобождению рабочих от призыва в армию, какие были у многих промышленных предприятий.

Вскоре после начала войны практически прекратилась выдача сельскохозяйственных кредитов. Наряду с призывом в армию многих специалистов-агрономов это положило конец мелиорации земель и, тем самым той эволюции, которую ускорили столыпинские реформы.

Уже в феврале 1915 г. были введены принудительные поставки сельскохозяйственных продуктов по ценам на 15 % ниже обычных закупочных. Стремительно росли цены, что было всегда характерно для военного времени. С июля 1914 г. по январь 1917 г. цены на основные товары выросли в 4–5 раз. В то же время закупочные цены оставались фиксированными. Росло и налоговое бремя села.

Три года войны привели к углублению отчуждения села от государства и правящих классов.

Начавшаяся в марте 1917 г. революция привела к власти либерально-социалистическую оппозицию, создав на первый взгляд благоприятные условия для решения аграрного вопроса. В рамках Министерства земледелия и

межпартийной Лиги аграрных реформ виднейшие учёные-аграрники готовили на протяжении восьми месяцев проект предстоящих преобразований. Совершенно не спешило и само Временное правительство, отвергая одно за другим предложения министров земледелия В. М. Чернова и С. Л. Маслова. (Кабанов, 1993, с. 37).

Крестьянство же не собиралось ждать соизволения правительства и предпочло взять инициативу в свои руки. Программа его была проста: минимальный гнёт со стороны государства и минимальное его присутствие в деревне, мир и земля, о чёрном переделе которой грезил поколения крестьян. Крестьяне почти полностью перестали платить налоги и поставлять продукцию государственным уполномоченным. Всё больше молодёжи не являлось на призывные пункты, многие солдаты стали дезертировать. За несколько месяцев крестьяне разрушили ещё остававшиеся помещичьи поместья, уничтожили владения буржуазии, а также большинство ферм, созданных в ходе столыпинских реформ.

Распределённой земли пришлось в среднем по десятине на двор, причём бедным семьям при переделе отдавалось предпочтение. Это положило начало тенденции к относительной гомогенизации социальной структуры деревни.

В этой ситуации именно большевики во главе с В. И. Лениным оказались наиболее подготовленными к взятию власти благодаря наиболее точному пониманию значения и позиций крестьянства в революционной России. Как и П. А. Столыпин, В. И. Ленин хорошо усвоил уроки революции 1905–1907 гг. Только перетянув на свою сторону широкие слои крестьянства, в том числе крестьян в солдатской форме, или хотя бы обеспечив их нейтралитет, можно было радикально изменить соотношение политических сил в стране. (Шанин, 1997, с.448–451). Таким манёвром, обеспечившим нейтралитет крестьянства, стало принятие 26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийским съездом Советов по инициативе правительства В. И. Ленина Декрета о земле, передававшего все помещичьи, монастырские, церковные и удельные земли в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов.

Фактически декрет санкционировал то, что уже произошло в действительности – чёрный передел. Данный шаг шёл в разрез с партийной программой большевиков, настаивавшей на национализации земли. Большевики умело и творчески использовали программу социалистов-революционеров. Этот манёвр стал хрестоматийным примером политической гибкости, быстроты реакции, владения «искусством момента», столь необходимого в условиях революции политическим лидерам. (Карр, 1990, с.426–432).

Вся зима 1917/1918 года в деревне была посвящена завершению раздела помещичьих земель, разграбления и разрушения помещичьих усадеб. Новый конфликт государства и крестьян вспыхнул в России в мае 1918 г. с началом массовой кампании реквизиций хлеба в деревне. Главной причиной конфликта стал резко обострившийся дефицит продовольствия в стране. Сказывались невысокий урожай 1917 г., потеря Украины, Сибири, Южной России и части Поволжья. 9 мая 1918 г. ВЦИК был принят декрет о чрезвычайных полномочиях комиссара по продовольствию, положивший начало политике «военного коммунизма». В нём государство провозгласило себя главным распределителем сельскохозяйственной продукции. Наркомпроду предоставлялись полномочия отменять любые решения местных продовольственных властей, распускать и реорганизовывать подобные органы, применять вооружённую силу в случае оказания противодействия реквизициям продовольствия.

Впрочем, зерно было не единственной причиной конфликта. Крестьяне воспротивились попытке большевиков вновь навязать присутствие государства только что освободившейся от него деревне. Новые попытки реквизиций и централизации показали крестьянству, что новое государство с ещё большей энергией и амбициями готово идти по пути старого. Большевистский режим показал крестьянам, в частности своими программами коллективизации и антирелигиозной борьбы, что готов бросить новый вызов надеждам и устремлениям деревни.

Одним из орудий утверждения государственной власти служили комитеты бедноты, создание которых было провозглашено 11 июня 1918 г. Большевики использовали их, чтобы разрушить единство сельского мира, играя на внутренних разногласиях. Комбеды пригодились также для осуществления попытки принудительной коллективизации в 1918 г. и ликвидации местных советов, избранных в 1917 г., имевших, как правило, эсеровскую ориентацию и находившихся под контролем крестьянской верхушки. Крестьяне, конечно, не сдались без боя. Озлобленные реквизициями, они подняли ряд восстаний, принимавших порой значительные масштабы и достигших кульминации осенью 1918 г. (Brovkin, 1994).

Аграрная политика большевиков в 1918 г. была первой контрреволюционной операцией, успешно проведённой после 1918 г. Благодаря этой политике большевики, не имевшие никакой опоры в деревни, смогли приступить к формированию в сёлах слоя «верных». Они добились своего, посылая обратно в деревню на важные должности недавно урбанизовавшиеся кадры, отобранные партией в предыдущие месяцы. Их действия поддерживались посланными в деревню продовольственными отрядами, прибегавшими во время реквизиций даже к казням.

Однако на всём протяжении гражданской войны аграрная политика большевиков испытывала сильные метаморфозы. Прежде всего, это было вызвано ситуацией на фронтах. Когда возникала угроза падения режима В. И. Ленина под напором белых армий, большевики активно шли на уступки крестьянам. В истории гражданской войны наиболее ярко это смягчение курса проявилось весной – осенью 1919 г., когда угроза поражения красных была наиболее велика. VIII съезд РКП (б) в марте 1919 г. провозгласил курс на смычку с середняком. Власти пошли на смягчение репрессий против крестьян, была регламентирована продовольственная развёрстка.

С другой стороны, перспектива успеха белых отнюдь не вызывала восторга у крестьян, опасавшихся потерять приобретённую землю в случае смены власти. А. В. Колчак и А. И. Деникин отменили декрет о земле, настроив

против себя крестьян как раз в тот момент, когда те были недовольны большевистским режимом и продовольственной развёрсткой. Крестьянство сочло большевиком меньшим злом. Подобная ситуация способствовала взаимному притяжению большевиков и крестьян, став главной причиной решающих побед на фронтах осенью 1919 г. В тылу колчаковской и деникинской армии началась партизанская война, существенно осложнившая их наступление.

Отражение угрозы падения ленинского режима к концу 1920 г. не привело, тем не менее, к отказу от политики «военного коммунизма». Правительство явно собиралось использовать сложившуюся военную систему и в дальнейшем мирном строительстве. Крестьянство, готовое терпеть подобный курс ради предотвращения прихода к власти сил, угрожавших возвратом прежних аграрных порядков, совершенно не видело смысла поддерживать его в новых условиях. 1920 г. стал годом раскола непрочного альянса большевиков и крестьян. В стане победителей белой контрреволюции начала разгораться новая ожесточённая война. В стране ширились крестьянские восстания. Количество сибирских повстанцев превышало 200 тыс. В тамбовское восстание под руководством А. С. Антонова было вовлечено около 60 тыс. крестьян. Общее же количество рассеянных по стране крестьянских повстанческих отрядов не поддавалось какому-либо количественному определению. Крайний недостаток промышленных товаров, их дороговизна не стимулировали крестьян к производству продукции на продажу. Объём товарной продукции в деревне сократился на 92 % по сравнению с 1913 г. Дробление крупных владений, уравниловка, навязываемая властями, разрушение коммуникаций, разрыв экономических связей с городом, продовольственная развёрстка – всё это вело к изоляции крестьянства и возвращению к натуральному хозяйству.

П. А. Месяцев (1923) указывал, что в результате ликвидации помещичьего землевладения в распоряжение крестьянства перешло около 40 млн. десятин земли. На долю крупного земледелия осталось к началу 1922г.: а) для 5 918 совхозов – 3 918 тыс. дес. земли, из них пашни – 1 158 тыс. дес.;

б) для 15 121 коллективов – 1 223 тыс. дес. (в среднем в коммунах по 2,4 дес. на едока и 3,7 на работника), а в артелях – 1 дес. на едока и 2 на работника. За время с 1916 по 1920 гг. количество сельского населения осталось неизменным (102,7 млн. чел.), а посевные площади снизились на 38,2 млн. десятин. Они составили 47 % довоенного и 58 % дореволюционного уровня, а количество рабочего скота снизилось на 40 % по сравнению с дореволюционным. В России произошло резкое снижение площадей почти всех сельскохозяйственных культур. В 1921 г. по сравнению с 1911–1915 гг. площади озимой ржи снизились на 31,6 %, озимой пшеницы – на 30, яровой пшеницы – 51,9, овса и ячменя – 42,2, чечевицы и бобов – 60,6, картофеля – 49,7 %.

По сравнению с довоенными годами произошло снижение урожайности всех сельскохозяйственных культур (табл. 31). Особенно резкое снижение урожайности произошло в 20-е годы XX в., что связано с снижением культуры земледелия, ухудшением обработки почвы и качества семян, падением почвенного плодородия. За исследуемые годы произошло ухудшение структуры посевных площадей. В 1921 г. по сравнению с 1901–1905 гг. площадь под зернобобовыми культурами в Тамбовской губернии снизилась на 43,3 тыс. дес., Симбирской соответственно с 41,4 тыс. дес. до 16,8 тыс.

Подавляющая часть валовых сборов падала на крестьянские хозяйства. Например, валовой сбор продовольственных и кормовых культур (рожь, пшеница, овес, ячмень) в 1916 г. по губерниям Европейской части России составил 3 125,6 млн. пудов. Из этого количества 2 688,5 млн. пуд обеспечили крестьянские хозяйства (86,0 %) и только 437,1 млн. пудов владельческие хозяйства.

Валовой сбор за время мировой и гражданской войн сокращался, как под влиянием оккупации некоторых частей России, так и под влиянием сокращения посевной площади в силу причин социально-экономического характера (табл. 32). Снижение основной продовольственной культуры озимой ржи к 1921 г. в среднем по России составило 2,04 раза, в Тамбовской губернии – 1,98 раза, в Симбирской губернии – 4,82 раза, Пензенской губернии – 2,52 раза. По некоторым продовольственным и кормовым культурам снижение было ещё более заметным.

Хотя помещичий инвентарь на сумму 350 млн. золотом поступил в распоряжение крестьянства, но обеспеченность сельского хозяйства инвентарем резко упала. Количество орудий подъема почвы в 1920 г. по сравнению с 1910 г. составило в Тамбовской губернии 53 %, в Симбирской – 65 %, в Пензенской – 4 %, в Нижегородской – 82 %, а по России – 66 %. (Сельское хозяйство России, 1923).

Таблица 31 – Урожайность основных сельскохозяйственных культур, с дес. в пудах (числитель – крестьянские хозяйства, знаменатель – частновладельческие)

Культуры	Годы								
	1901-05	1906-10	1911-15	1916	1917	1918	1919	1920	1921
Россия									
Оз. рожь	54	47	59	63	43	41	39	29	33
Яр. пш.	44	42	47	49	40	33	39	23	26
Овес	49	50	58	56	42	40	44	35	35
Ячмень	51	51	57	57	45	26	39	24	19
Гречиха	29	32	39	50	43	28	16	–	19
Просо	44	46	51	48	42	46	32	–	26
Картофель	391	411	496	465	421	364	386	363	476
Тамбовская губерния									
Оз. рожь	63/77	52/71	61/79	75/99	54	37	42	23	44,7
Яр. пш.	–/58	–/60	43/55	–	–	34	–	26,5	–
Овес	54/66	54/71	57/73	54/60	32	31	49	43	38
Ячмень	–/64	–/62	–/51	–	–	–	–	–	33
Гречиха	25/28	30/35	30/35	–	25	–	–	–	21
Просо	44/53	51/65	53/67	52/58	41	–	–	–	37
Картофель	425/478	451/543	506/607	–	356	329	329	382	526
Симбирская губерния									
Оз. рожь	59/68	48/60	56/72	59/68	27	73	63	32	16
Яр. пш.	39/44	36/40	40/49	30/34	16	39	37	33	9
Овес	45/54	38/47	40/51	40/47	15	41	49	39	12
Ячмень	43/42	54/57	43/43	42/–	10	41	40	34	18
Гречиха	27/28	28/30	26/32	24/35	6	–	–	–	19
Просо	41/44	38/40	44/53	40/41	12	–	–	–	10
Картофель	311/423	364/397	426/545	–	260	467	474	214	284
Пензенская губерния									
Оз. рожь	54/64	49/64	56/70	59/77	28	55	26	25	32

Яр. пш.	41/45	38/43	42/46	–	13	32	28	16	23
Овес	43/52	43/55	46/55	29/36	20	29	31	29	28
Ячмень	–/41	–/41	–/31	–	–	–	–	20	–
Гречиха	20/22	28/30	28/33	20/22	39	–	–	–	33
Просо	34/40	40/50	43/49	32/37	35	–	–	–	24
Картофель	388/431	445/496	486/540	–	200	343	312	300	883

Основным сельскохозяйственным орудием оставалась соха. По данным Г. Г. Данилова (1964) на 100 хозяйств Пензенской губернии в 1923 г. приходилось: сох – 62,2, плугов – 10,7, борон – 65; в 1920 – 21 гг. в Темниковском уезде на 100 хозяйств производили обработку плугом 5,3 %, сохой – 94,7%. В Спасском уезде соответственно: 4,5 % и 95,5 %. К 1920 г. по сравнению с 1917 г. количество сельскохозяйственного инвентаря в Пензенской губернии уменьшилось: плугов – на 47 %, сеялок – на 61 %, жнеек – на 51 %, молотилок – на 68 %.

Таблица 32 – Валовой сбор основных сельскохозяйственных культур, млн. пуд.

Культуры	1901-05	1906-10	1911-15	1913	1916	1920	1921
Россия							
Рожь	1116,18	1007,62	1207,97	2489,8	1270,5	413,01	547,04
Пшеница (яр+оз)	877,36	949,60	1147,62	1456,35	659,31	242,59	356,73
Овес	666,82	708,26	764,31	922,2	690,9	302,35	318,98
Ячмень	347,57	424,42	503,67	622,36	416,93	58,88	139,96
Гречиха	53,32	56,78	59,58	62,44	86,47	20,61	44,15
Просо	114,64	134,99	134,05	150,91	108,88	73,91	101,94
Зернобобовые	39,86	43,38	47,81	57,52	32,11	–	–
Картофель	944,1	1009,5	1278,55	1245,16	930,72	334,11	513,17
Тамбовская губерния							
Рожь	69,11	60,75	68,96	55,58	77,91	18,34	34,94
Пшеница (яр+оз)	2,47	1,32	10,63	10,16	10,59	–	0,18
Овес	34,61	38,63	37,99	40,17	31,83	6,61,	8,27
Ячмень	0,06	0,08	0,03	0,3	0,02	–	0,19
Гречиха	0,42	0,39	0,37	0,37	0,37	0,10	0,004
Просо	13,74	16,41	14,99	14,81	14,51	14,13	1,77
Зернобобовые	1,67	2,19	2,25	2,67	1,18	–	–
Картофель	42,15	51,45	55,09	59,45	48,83	17,65	22,67

Симбирская губерния							
Рожь	34,73	34,78	37,18	44,16	39,45	14,92	7,21
Пшеница (яр+оз)	3,58	3,55	4,23	6,02	3,81	1,84	0,26
Овес	15,08	13,63	12,59	19,42	13,17	7,05	1,28
Ячмень	0,18	0,18	0,18	0,25	0,09	0,01	0,02
Гречиха	0,39	0,75	0,58	0,92	0,40	0,24	0,13
Просо	4,11	3,69	3,86	6,77	4,11	4,71	1,38
Зернобобовые	1,15	1,18	1,21	1,97	1,14	–	–
Картофель	10,55	14,61	16,02	20,76	12,4	–	–
Пензенская губерния							
Рожь	38,84	35,08	37,72	40,25	35,04	12,33	15,41
Пшеница (яр+оз)	0,51	0,47	0,45	0,40	0,36	0,04	0,01
Овес	15,02	17,54	16,81	20,75	11,26	6,74	5,8
Ячмень	0,01	0,04	0,02	0,03	0,02	0,002	–
Гречиха	0,48	0,83	0,70	0,82	0,35	0,45	0,57
Просо	3,84	5,2	4,76	5,45	3,28	3,03	4,38
зернобобовые	2,25	2,37	2,02	5,01	1,06	–	–
Картофель	20,79	30,67	37,48	46,64	19,15	7,62	11,68

За годы «военного коммунизма» резко упало поголовье скота. С 1916 по 1920 гг. поголовье лошадей в Тамбовской губернии уменьшилось в 1,65 раза, крупного рогатого скота в 1,74 раза, овец в 2,87 раза, свиней в 3,15 раза; в Симбирской губернии соответственно: 1,35 раза, 1,52; 2,25; 1,51 раза. В России с 1916 по 1921 гг. поголовье лошадей и крупного рогатого скота снизилось на 24 %, овец на 44 %, коз на 54 %, свиней на 27 % (табл. 33).

Таблица 33 – Динамика поголовья скота за послевоенные годы, млн. голов

Губернии	Годы	Лошади	КРС	Коровы	Овцы и коза	Свиньи	Птица
РСФСР	1916	31,02	50,21	22,04	82,82	18,57	–
	1917	29,85	48,19	21,54	78,13	20,68	–
	1920	24,05	36,88	20,12	48,33	14,69	–
	1921	23,67	38,13	19,80	46,22	13,5	–
Тамбовская губерния	1916	0,648	0,842	0,420	2,55	0,379	2 053,4
	1917	0,779	0,901	0,442	2,200	0,578	
	1920	0,391	0,484	0,382	0,883	0,120	
Симбирская губерния	1916	0,335	0,499	0,250	1,583	0,082	1 205,8
	1917	0,347	0,507	0,256	1,380	0,112	
	1920	0,246	0,329	0,220	0,698	0,054	
Пензенская	1916	0,336	0,475	0,236	1,380	0,131	

губерния	1917	0,333	0,465	0,247	1,160	0,134	1 457,6
	1920	0,283	0,387	0,249	0,801	0,073	

Снижение поголовья скота привело к уменьшению выхода навоза и ухудшению плодородия почвы. Валовые сборы зерна и картофеля по сравнению с 1913 г. снизились в Тамбовской губернии в 1921 г. 2,2–2,6 раза, в Симбирской – 7,8 раза, в Пензенской – 2,7–4 раза, Нижегородской – 2,1–1,3 раза, падению почвенного плодородия и резкому снижению продуктивности сельскохозяйственных культур.

Политика «военного коммунизма» явно зашла в тупик. 1921 год начался с топливного кризиса, парализовавшего железные дороги страны. Все резервы продовольствия в разорённых районах Западной России и Поволжья были исчерпаны. Оставалось надеяться лишь на подвоз продуктов с Юга и из Сибири. Свой вклад в дезорганизацию снабжения вносили и многочисленные повстанческие отряды. В стране ощущался жесточайший дефицит продовольствия. В феврале 1920 г. правительство В. И. Ленина осознало бесперспективность старого курса и начало готовить поворот к новой экономической политике.

5.2. Сельское хозяйство России в условиях новой экономической политики (1921–1927 годы)

15 марта 1921 г. X съезд РКП (б) принял резолюцию «О замене развёрстки продналогом», положившую начало новой экономической политике советского режима. Государственная монополия на хлеб была отменена. Крестьянин мог свободно продавать продукты своего труда, у него появилась материальная заинтересованность в повышении культуры земледелия, увеличении площади посева, поголовья скота. Был введен закон, разрешающий аренду в единоличных крестьянских хозяйствах и применение наемного труда. Величина продналога изменилась в зависимости от отработываемой площади. Зажиточные крестьяне облагались более высоким налогом (иногда в 13 и более раз), чем малоимущие. Революция заканчивалась.

Однако подлинное успокоение в страну принёс лишь голод 1921–1922 гг. Голод унёс по разным оценкам от 1 до 3 млн. человеческих жизней. Засуха, разумеется, сыграла свою роль, решающим фактором голода стали реквизиции предыдущих лет, вызвавшие снижение производительности и размеров посевных площадей, а также жестокое подавление крестьянских восстаний, опустошившее целые сёла и районы. Сильнее всего голодали Средняя и Нижняя Волга, Южная Украина. Голод и болезни в большей степени, чем репрессии задушили восстания и беспорядки.

Нэп явился компромиссом между большевиками и крестьянством – двумя силами, вышедшими победителями из революции. Однако инициатива всё равно осталась в руках существующей власти. А правительство с 1923–1924 гг. сосредоточилось на достижении высоких и несбалансированных темпов роста тяжёлой промышленности, что подготавливало будущий кризис хлебозаготовок.

Нэп явился для крестьянства, пусть и со множеством оговорок, ограничений и противоречий, реализацией крестьянской мечты. Он отвечал устремлениям большинства крестьян, обусловленным их традиционным культурным наследием. Хорошим тому примером явился Земельный кодекс РСФСР, принятый в декабре 1922 г. В числе его основных положений мы находим чёрный передел (крестьянская община в России контролировала теперь 95% земли), свободу местной торговли, а также ремёсел и мелкой индустрии. (Есиков, Протасов, 1993, с. 61–72). Трудовым хозяйствам обеспечивалось право бессрочного пользования землей, свободного выбора форм землепользования.

Однако на политическом уровне большевики не уступали ни пяди своей власти, и многие их шаги в области экономической политики противоречили компромиссу, лежащему в основе нэпа, усиливая эффект от достаточно живых воспоминаний об эпохе военного коммунизма. Государственные закупочные цены на зерно были очень низкими и часто не покрывали даже его

себестоимости. Выращивать скот и технические культуры было гораздо более выгодно. Этим и занимались крестьяне, пряча зерно до лучших времён, когда им могла представиться возможность продать его частным лицам по более высокой цене. Даже рост цен на свободном рынке не стимулировал крестьян наращивать производство зерновых, поскольку вырученные средства крестьянину не на что было тратить в условиях дефицита промышленных потребительских товаров. Крестьянин вынужден был принять единственно правильную в этой ситуации экономическую позицию: выращивать зерновые исходя из собственных нужд и покупательских возможностей. Эта тактика сильно напоминала поведение крестьян в годы «военного коммунизма».

Ещё одним фактором, ограничивавшим рост производства зерновых, были опасения крестьян быть причисленными властями к «классу кулаков». Чтобы оказаться кулаком, достаточно было нанять сезонного рабочего, иметь сельскохозяйственную технику, чуть менее примитивную, чем обычный плуг, или держать две лошади и четыре коровы. Правительство чрезвычайно опасалось появления опасного политического и экономического соперника режима.

Крестьяне *de facto*, а частично и *de jure* лишённые права голоса, чувствовали себя гражданами второго сорта. Они требовали свободных выборов, особенно на местном уровне, и такой же социальной защиты, которую формально гарантировали рабочим. Крестьяне жаловались на налоги и обязательные поставки, порицали меры, препятствовавшие развитию их личных хозяйств, выступали против «назначенства». (Грациози, 2001, с. 42).

Несмотря на негативные процессы, которые происходили в земледелии, мелкотоварное крестьянское хозяйство оказалось более динамичным, по сравнению с промышленностью, и оно быстрее отреагировало на изменение хозяйственной политики государства. В 1923 г. сельское хозяйство достигло 61,7 % довоенного уровня производства, а промышленность только 40,3 % (А. И. Рыков, 1990). Валовые сборы зерна в России составили в 1921 г. – 36,2 млн. т, а в 1928 г. – 73,3 млн. т.

Н. Д. Кондратьев (1989) указывал, что вложения в земледелие оставались низкими, поэтому обеспеченность постройками, сельскохозяйственным инвентарем, транспортными средствами, скотом была значительно ниже, по сравнению с довоенным уровнем. Так, стоимость капиталов на 1 крестьянское хозяйство в 1913 г. по РСФСР по довоенным ценам составила 862,2 руб., а в 1925–26 гг. – 699,7 руб., в том числе стоимость инвентаря соответственно составила 155,0 и 70,9 руб.

П. Маслов (1989) заметил, что и внешняя торговля молодой страны не стимулировала развитие земледелия. В 1896–1913 гг. товаров для сельского хозяйства ввозилось 2,9–6,8 % от всего импорта (от 18,7 до 84,4 млн. руб. ежегодно). После революции для нужд сельского хозяйства ввозилось от 0,3 до 6,7 % импорта (от 3,8 до 29,4 млн. руб.), т.е. после революции положение ещё более ухудшилось. Вложения основного капитала в сельское хозяйство снизились. Р. Е. Вайсберг (1927) отмечал, что если объем средств, отпущенных на финансирование народного хозяйства с 1924–25 гг. по 1927–28 гг. почти утроился, то вложения в сельское хозяйство не только не увеличились, а даже снизились, как в относительных, так и абсолютных цифрах. Если в 1924–25 гг. страна вкладывала в сельское хозяйство 149,5 млн. руб., то в 1927–28 гг. только 106 млн. руб. В процентах к бюджету это составило соответственно 27,8 и 11,0 %.

В середине 30-х годов XX в. утверждалось, что индустриализация идёт исключительно за счет прибавочного труда пролетариата; отмечалось, что за пятилетие сельхозналог определен в сумме 1 656 млн. руб., а на финансирование сельского хозяйства отпускается 1 200 млн. руб. да к этой сумме надо прибавить ещё расходы на социально-культурные и общеадминистративные нужды деревни. Выходило, что пролетарское государство кормит село, и оно тяжелым грузом висит на шее государства. Такое утверждение оспаривается в работах К. Розенталя (1927 а, 1927 б). Он указывал, что из общей суммы налоговых платежей в 1925–26 гг. в 2 174 млн. руб. на долю земледельческого населения приходится по данным НКФ 931 млн. руб. или 42,8 %. За пятилетие с учетом косвенного налога платежи

земледельческого класса составили 5207 млн. в довоенных рублях, или 7 162 млн. в червонных рублях, а не 1 656 млн. руб. Такова истинная доля участия крестьянства в народном хозяйстве. Однако и этим не исчерпывалось участие крестьянства в восстановлении промышленности. Цены на промышленные товары превышали сельскохозяйственные.

Выходит, что за пять лет более двух миллиардов рублей крестьянство теряло дополнительно за счет переплаты на высоком индексе промышленных товаров. Высокая стоимость промышленных товаров привела к тому, что в 1925–26 гг. была заготовлена лишь половина необходимого стране хлеба. Чудовищная разница промышленных и сельскохозяйственных цен позволила государству безвозмездно изымать из сельского хозяйства капиталы и вкладывать их в промышленность. Это привело к закономерному разорению крестьянских хозяйств и снижению их производительности. В 1927 г. 28,3 % крестьянских хозяйств не имели рабочего скота, а 31,6 % – пахотного инвентаря, 56 % крестьянских хозяйств России, по данным за 1928–1929 гг., имели доход до 250 руб. (М. Я. Залесский, 1940), что ниже дохода бедных крестьян в 1913 г. Удельный вес бедных и маломощных крестьян за этот период увеличился в 2–2,5 раза и на 13 % уменьшилось число середняков. Доход же свыше 700 руб. получали только около 2 % крестьянских хозяйств (причем до 30 % дохода этих хозяйств отчуждалось в виде налога). Численность их составляла около 1,8 млн. человек, что в 10–12 раз меньше по сравнению с дореволюционным периодом.

Развитие земледелия, увеличение валовых сборов зерна в годы новой экономической политики шло за счет экстенсивных факторов, поскольку урожайность за эти годы оставалась на одинаковом уровне, шло освоение заброшенных ранее почв. Практически были приостановлены работы по защите почв от эрозии.

Товарность земледелия резко упала. Экспорт пшеницы в 1909–1913 гг. к мировому уровню составил 24,4 %, а в 1926 г. – 6,4 %. При отсутствии хлеба основным продуктом питания стал картофель. Если до войны

потребление картофеля составляло 16 032 тыс. т., то в 1926–27 гг. оно возросло до 33 550 тыс. т., но количество товарного картофеля снизилось (Маслов П., 1989).

Следовательно, в период новой экономической политики была сделана попытка активизировать деятельность крестьянских хозяйств, без капитальных вложений со стороны государства. В первое десятилетие после начала революции, вследствие разрушения крупных хозяйств, господствующими стали мелкокрестьянские хозяйства с системой узких полос-наделов, которые нарезались, исходя из принципа справедливого распределения земли. Вследствие полного прекращения государственной поддержки и финансирования работ по повышению плодородия почв усилились процессы их деградации.

Наиболее благоприятным для крестьянства стали 1924–1925 гг. Реагируя на растущее крестьянское движение, самым ярким эпизодом которого стало крестьянское восстание в Грузии летом 1924 г., советские власти начали корректировку своей аграрной политики. Ещё в июне 1924 г. Г. Е. Зиновьев выдвинул лозунг «Лицом к деревне!», ставший названием новой политической кампании. Она включала как политические («оживление» Советов, восстановление законности и правопорядка в деревне и укрепление позиций деревенских партийных ячеек), так и экономические мероприятия (снижение на 40% общей суммы сельскохозяйственного налога, предоставление дополнительных государственных средств системе сельскохозяйственного кредита, облегчение найма рабочей силы, расширение прав сдачи земли в аренду, устранение административных препятствий к мелкой крестьянской торговле, снижение цен на сельскохозяйственные машины и увеличение продолжительного кредита на их покупку, предоставление всем крестьянам без исключения права участия в кооперации). В апреле 1925 г. Н. И. Бухарин выдвинул своё знаменитое: «Обогащайтесь!». (Россия нэповская, 2002, с. 212–221).

Однако данный курс носил в значительной степени декларативный характер. Острая потребность промышленности в средствах деревни не позволяла

думать о реальном ослаблении налогового пресса на деревню. Деревня во всё большей степени не удовлетворяла потребности промышленности и города в товарной сельскохозяйственной продукции. Интересы догоняющего развития по мере завершения восстановительного периода заставляли власти усиливать экономический нажим на деревню, подрывая тем самым механизмы рыночного регулирования. На протяжении 1926–1927 гг. отчётливо прослеживается нарастание элементов централизации и административного нажима по всем направлениям государственной политики. Время нэповского компромисса между преследуемыми государством интересами догоняющего развития и устремлениями крестьянства подходило к концу.

5.3. Развитие аграрных исследований и технологии

Создание крупных сельскохозяйственных предприятий потребовало научно-технического обеспечения сельского хозяйства. Были предприняты работы по оснащению сельского хозяйства современной техникой. В 1918 г. в стране начали выпускать сельскохозяйственную технику 400 предприятий. В сентябре 1918 г. на Обуховском заводе был изготовлен первый образец трактора. К августу 1920 г. их было выпущено 36 штук. В 1918 г. В. И. Ленин принял в Кремле русского изобретателя Я. М. Мамина и одобрил его проект строительства тракторного завода. Такой завод был построен в небольшом городке Марксе Саратовской губернии, который стал выпускать тракторы конструкции Я. М. Мамина – «Гном» и «Карлик».

Позднее к выпуску тракторов приступили заводы Коломенский машиностроительный «Красный прогресс», Харьковский паровозостроительный, «Красный путиловец». Но серийное их производство началось только с 1924 года. Советско-американскими инженерами был спроектирован «Фордзон–Путиловец». Тракторов этой марки было выпущено около 50 тыс. шт. Для выпуска тракторов развернулось строительство новых заводов сельскохозяйственного машиностроения. Коренным образом изменился состав сельскохозяйственных орудий. Если в 1928 г. тракторных плугов было 9,3 тыс. шт., то в 1938 г. – 493,5;

сеялок тракторных соответственно 0,5 и 265,5 тыс. штук; молотилок сложных и полусложных 5,6 и 130,8 тыс. штук.

Особое внимание было уделено развитию науки. В 1924 г. Президиум ЦИК СССР признал необходимым организовать Всесоюзную сельскохозяйственную академию и в качестве первого звена создать Институт прикладной ботаники и новых культур. В 1929 г., после восстановления и развития сети опытных учреждений и организации ряда новых НИИ, СНК СССР принял постановление об организации Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Академии было поручено, кроме Института прикладной ботаники и новых культур, создать 10 НИИ по основным отраслям сельскохозяйственной науки и фундаментальную сельскохозяйственную библиотеку. В 30-х годах XX в. правительством были приняты меры по упорядочению оплаты труда ученых.

Яркую страницу в исследовании русской экономики чрезвычайного времени внес Н.Д.Кондратьев (1991). Он был репрессирован в 1931 г. вместе с 14 другими учеными-аграрниками по делу мифической Трудовой крестьянской партии (ТКП), среди которых А. В. Чаянов, А. Г. Дояренко и др. Н. Д. Кондратьев аргументировано доказывал экономическую бесперспективность как крупных капиталистических, так и мелких трудовых крестьянских хозяйств.

Преодоление экономической ограниченности этих форм ведения хозяйства он видел на путях кооперирования. По его мнению, кооперация соединит преимущества мелкого и крупного капиталистического способов хозяйствования. Основу земельных порядков общества, идущего на смену капиталистическому Н. Д. Кондратьев видел в органическом сочетании трех форм землевладения: государственной, кооперативной и индивидуальной крестьянской. Укрепление крестьянского хозяйства в результате социализации земли и кооперирования, ликвидации полярных прослоек должны стать основой взаимодействия города и деревни.

В статье «По пути к голоду» Н. Д. Кондратьев пришел к выводу, что продразверстка не обеспечивала не только выполнение задачи создания фонда

накопления, необходимого для восстановления промышленности, она оказалась непригодной и в качестве инструмента для создания фонда потребления. Он отмечал, что чрезвычайные условия ослабили и порой даже умертвили начало свободной конкуренции во всех сферах народного хозяйства. Одной из крупных работ Н. Д. Кондратьева является монография «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции».

Другим ученым аграрником-экономистом того периода является А. В. Чаянов. В 1911–1913 гг. он изучал опыт кооперативного движения в странах Европы: Италии, Бельгии, Швейцарии, Германии и др. Деятельность А. В. Чаянова была направлена на разработку идеологии кооперативного движения, методов определения доходности крестьянского хозяйства и его отдельных отраслей.

С XX веком связана работа выдающихся агрономов современности Д. Н. Прянишникова, В. Р. Вильямса, Н. И. Вавилова, В. В. Таланова, П. И. Лисицина, А. Г. Дояренко, Г. Н. Высоцкого и других.

Выдающуюся роль в развитии агрономии сыграл В.Р.Вильямс (1863–1939). В истории агрономии он широко известен своими оригинальными взглядами на генезис и плодородие почв. В области почвоведения В.Р.Вильямс основал биологическое направление в изучении почв. Центральное место в его научном творчестве заняли исследования о роли и значении биологического фактора в формировании и развитии почвы. Сюда относятся учения о биологическом круговороте веществ, о растительных формациях и сущности почвообразовательного процесса, об органическом веществе почвы, учение о едином почвообразовательном процессе.

В. Р. Вильямс разработал травопольную систему земледелия, основным звеном которой была система полевых, кормовых и травопольных севооборотов в сочетании с правильной обработкой почвы, системой удобрения и созданием полезащитных лесных полос. В. Р. Вильямс придавал большое значение правильной организации территории и рациональному использованию земельных угодий. По его мнению, травопольная система предполагает

разделение территории хозяйства на водоразделы, склоны и долины. Область водораздела должна быть облесена. Долины и склоны должны быть разграничены. Один севооборот охватывает склоны, а второй – долины. Он считал, что максимальная эффективность внесения удобрений может быть достигнута при условии достаточного количества в почве продуктивной влаги. Наиболее благоприятное сочетание водного и воздушного режимов достигается в структурной почве. В. Р. Вильямс высказал мнение о необходимости создания водопроходной структуры путем посева многолетних трав. Главную задачу многолетних трав он видит в восстановлении прочности структуры почвы. Для этой цели многолетние травы должны возделываться в течение двух лет, а когда структура будет создана, создадутся и условия для одногодичного использования многолетних трав. По мнению ученого должна использоваться смесь бобовых и мятликовых многолетних трав. Корневая система мятликовых располагается, в основном, в верхнем слое с малым содержанием кальция. У бобовых же, наоборот, корневая система находится в более глубоких слоях почвы, откуда больше поглощают кальция. Поэтому мятликовые и бобовые многолетние травы дополняют друг друга.

В учении В. Р. Вильямса имеется и ряд спорных положений. Он выступал против применения некоторых почвообрабатывающих орудий (бороны, каток), недооценивал роль озимых культур, пропагандировал вспашку травяного пласта только глубокой осенью.

Как широко мыслящий ученый В. Р. Вильямс рассматривал сельскохозяйственное производство в неразрывной связи его отраслей – животноводства и земледелия, которые находятся во взаимосвязи и взаимозависимости.

Взгляды В.Р.Вильямса нашли отражение в теории и практике современных адаптивных систем земледелия, предусматривающих как обязательное условие наиболее полный учет всего комплекса природных ресурсов, особенностей почвенного покрова с целью правильной организации

территории и рационального сочетания всех отраслей сельскохозяйственного производства.

Первым президентом ВАСХНИЛ был Николай Иванович Вавилов (1887–1942), сформировавший фундамент новых научных направлений в растениеводстве, ботанике, генетике, селекции. В качестве президента ВАСХНИЛ (1929–1935) им была создана сеть разветвленных сельскохозяйственных опытных станций, организованы крупные научно-исследовательские институты.

На заре своей научной деятельности Н. И. Вавилов пришел к выводу, что основным направлением борьбы с болезнями сельскохозяйственных культур является селекция на устойчивость с использованием отбора, гибридизации. В 1913 г. он публиковал свою первую работу по иммунитету «Материалы к вопросу об устойчивости хлебных злаков против паразитических грибов». В 1919 г. Петровской академией была издана монография Н. И. Вавилова «Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям», которая обобщает 7-летний труд по изучению огромной коллекции пшеницы в России, Англии, Франции. Следующая крупная монография ученого об иммунитете растений к инфекционным заболеваниям «Учение об иммунитете растений к инфекционным заболеваниям» была издана в 1935 г. Работы ученого об иммунитете явились теоретической основой выведения устойчивых сортов.

Проблема происхождения культурных растений имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Разработка проблемы местонахождения на Земле центров разнообразия означает успешное овладение исходным сортовым материалом. Теория центров формообразования изложена Н. И. Вавиловым в двух работах: «Центры происхождения культурных растений» (1926) и «Ботанико-географические основы селекции» (1935). Для разработки этой проблемы Институтом были организованы экспедиции, которые искали не просто культурные растения, а собирали ценные признаки (засухоустойчивость, холодостойкость, неполегаемость, крупнозерность и т.д.).

В результате экспедиций и монографического исследования земледельческих районов мира Н. И. Вавилов установил вначале пять, а затем 11 мировых очагов возникновения культурных растений. К 1940 г. мировая

коллекция института достигла 200 тыс., а к настоящему времени около 300 тыс. образцов.

Под руководством ВАСХНИЛ были достигнуты крупные успехи в растениеводстве и селекции. В Всесоюзном институте растениеводства (ВИР) были проведены уникальные исследования, имеющие мировое значение. Коллектив ученых института (В. Г. Александров, Н. Н. Иванов, П. М. Жуковский, Г. Д. Карпаченко, Г. А. Левитский, Н. А. Максимов, И. И. Туманов, Е. Н. Синская, Г. Т. Селянинов, К. А. Фляксбергер, Н. Н. Кулешов, М. И. Хаджинов и др.) выполнили широкие экспедиционные и камеральные исследования культурной флоры СССР и дополнили коллекцию культурной флоры. Коллекция ВИР насчитывает более 250 тыс. сортообразцов, которые используются для выведения сортов и гибридов сельскохозяйственных культур.

Выдающуюся роль в развитии биологической и сельскохозяйственной наук сыграл Иван Владимирович Мичурин. Им разработана и внедрена в практику теория акклиматизации южных растений. Его деятельность была посвящена продвижению многих видов растений в более северные районы. Он создатель ряда методов гибридизации, в том числе отдаленной. Его трудами создано более 300 сортов плодово-ягодных культур, которые по продуктивности, зимостойкости, вкусовым качествам превзошли старые.

Инициатива принятия еще в годы гражданской войны Декрета о семеноводстве и Положения о Госсемкультуре Северо-Черноземной области принадлежит агроному П. И. Лисицину. Он являлся организатором семеноводства в России. Отечественные сорта селекционных учреждений России, выйдя за пределы научного учреждения, засорялись, смешивались с не сортовыми семенами и вскоре исчезали. П. И. Лисицин писал, что в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1903), в Сельскохозяйственной энциклопедии Девриена (1903, 1905 гг.) понятий «сорт» и «селекция» не существовало. Поэтому как селекционер он создавал сорта и одновременно поставил перед собой задачу размножения нового сорта и сохранения его в чистоте.

В 1912 г. он начал селекционную работу с овсом, рожью, клевером, викой и развернул опыты по акклиматизации на Шатиловской опытной станции. В 1921 г. он вывел свой знаменитый сорт озимой ржи, названный его именем – рожь Лисицина. За этот сорт автор получил первое в СССР авторское свидетельство №1. Этот сорт был районирован на огромных площадях России.

В 1921 г. по инициативе П. И. Лисицина был подписан декрет о семеноводстве. Согласно этому декрету организация семеноводства в России признана первостепенным заданием Наркомзема. Опытным станциям было предложено немедленно приступить к расширению и быстрой организации Государственных питомников маточных семян и развитию селекции и семеноводства.

Создателем Государственной комиссии по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур был В.В.Таланов (1871–1936). В 1896 г. он окончил Петербургский лесной институт и в 1898 г. Ново–Александровский сельскохозяйственный институт. В 1898 г. он включился в работу докучаевской «Особой экспедиции лесного департамента для испытания и учета лесного и водного хозяйства России». В Каменной Степи В.В.Таланов закладывает опытное поле, которое вскоре было преобразовано в Каменностепную опытную станцию. В 1899 г. Ставропольское городское управление приглашает ученого для переустройства земледелия.

С 1924 г. В. В. Таланов занимается организацией государственного сортоиспытания и районирования сельскохозяйственных культур. В 1925 г. он был избран заместителем директора прикладной ботаники и новых культур. В состав этого института входила, в то время, Государственная сеть сортоиспытаний. К районированию сортов в государственном масштабе он считал возможным приступить через пять лет после начала работы Госсортсети.

5.4. Меры по защите почв от эрозии

Первая мировая и гражданские войны приостановили работы по защите почв от эрозии. В первое десятилетие после Великой Октябрьской

социалистической революции в крестьянских хозяйствах существовала по-прежнему система узких полос-наделов. Полосы, как правило, нарезались вдоль склона, а агротехника оставалась примитивной. К 20-м годам

XX столетия процессы разрушения почв усилились, если в 1915 г. Пензенской губернии под оврагами находилось 17 923,91 дес. земли, то к 1920 г. эта площадь достигла 37 085 дес. Одна из причин развития эрозионных процессов – это высокая распаханность территории (на территории Пензенской и ульяновской губернии пашня занимала 60,7–61,4 % от всех сельскохозяйственных угодий). К концу 20-х годов (1929 г.) общее количество оврагов на территории округов Средне-Волжской области достигло 12 670 шт. с площадью 125 100 га.

В специальном постановлении СНК СССР, принятом в 1931 г., предусматривались мероприятия по сохранению лесов водоохранного значения. Было запрещено рубить леса в пределах 1 км по обе стороны среднего и нижнего течения р. Волги и др. По бассейну Волги были выделены запретные полосы общей площадью 660,4 тыс. га, в т. ч. лесопокрытой – 515,5 тыс. га. В то же время леса подвергались сильной рубке. Так из объяснительной записки к плану рубок на 1938–1942 гг. по Средне-Волжскому управлению лесоохраны и лесонасаждений видно, что до 1937 г. на территории Мордовской АССР и Куйбышевской области (бывший Средне-Волжский край, куда входили все районы нынешних Ульяновской и Пензенской областей) работал ряд лесозаготовителей, лесные и лесохимические заводы.

Помимо указанных лесозаготовителей, на территории Среднего Поволжья работали ещё ряд самозаготовителей. Например, в Темниковском лесу МАССР заготовки леса велись Мосгортормом и другими организациями, которыми было разработано только в 1936 г. деловой древесины 1 283,75 тыс. куб. м, дровяной – 8 189 тыс. куб. м., а всего – 2 102, 6 тыс. куб. м.

Такая массовая вырубка лесов не могла пройти бесследно. На освобожденной от лесной растительности земле очень быстро появлялись эрозионные образования (промоины, овраги). Так, по данным отчетов Поволжской агромилиоративной

станции (АГЛОС), Всесоюзного научно-исследовательского института агролесомелиорации (ВНИАЛМИ), площади, занятые оврагами в Куйбышевском крае и Мордовской АССР, составили 296 493 га.

Отмечено, что сильнее подвержены водной эрозии районы, прилегающие к р. Волге. Например, в с.Русская Бектяшка Сенгилеевского района Ульяновской области площадь пашни с 1852–1935 гг. уменьшилась на 12,7 % (с 3 797,56 га до 3332 га). Площадь неудобных земель за этот промежуток времени увеличилась с 312 га до 478 га (на 53,2 %).

Наряду с этим значительная часть пашни этого села подвержена смыву. Так, по данным ВНИАЛМИ, в 1939 г. здесь смыву было подвержено 28 % пашни (Козменко, 1954). На бурное развитие эрозии у села Русская Бектяшка, несомненно, повлияло также несоответствие количества скота и площади под выгонами. Из-за недостатка пастбищных угодий скот бессистемно пасли на эродированных землях, что еще более усиливало процессы эрозии, а отсутствие кормовой базы, в свою очередь, привело к сокращению поголовья скота и ухудшению его качества.

Катастрофическое разрушение почв потребовало принятия срочных правительственных мер. В ноябре 1920 г. состоялся Всероссийский съезд лесомелиораторов, который постановил признать в качестве срочных принятие следующих мер:

а) организацию в пределах России новых и восстановление пришедших в упадок и упраздненных старых лесомелиоративных округов (т. е. бывших песчано-овражных округов);

б) подготовку технического персонала, необходимого для лесомелиоративных округов;

в) обеспечение работ, начиная с весны 1921 г., необходимыми ассигнованиями, рабочей силой, инвентарем и т. д.;

г) немедленное возвращение специалистов к работе из армии;

д) срочную организацию семенного и опытного дела.

В постановлении от 29 апреля 1921 г. указывалось о необходимости: «Вменить в обязанность Центральному лесному отделу; развить в государственном масштабе работы:

- а) по укреплению оврагов и песков путем древесных насаждений;
- б) по устройству снегозадерживающих полос и изгородей;
- в) по облесению вырубок, гарей и др. безлесных пространств в засушливых районах, а также в верховьях и по берегам рек».

В постановлении от 8 августа 1921 г. говорилось об организации мелиоративных товариществ.

Лесомелиоративные организации. Для производства работ по укреплению и облесению летучих песков и действующих оврагов в послереволюционный период были созданы лесомелиоративные организации, или лесомелиоративные округа. Они создавались на базе бывших песчано-овражных районов.

Лесомелиоративный округ и его учреждения – лесомелиоративные районы являлись правительственными учреждениями. Лесомелиоративные организации находились в ведении Управлений лесами Народного Комиссариата земледелия.

В Пензенской губернии в 1919 г. был организован Пензенский лесомелиоративный округ, в состав которого сначала входил один Краснослободский лесомелиоративный район, но позже был создан второй лесомелиоративный район – Городищенский.

Каждый лесомелиоративный район охватывал несколько уездов. Так, в Краснослободский район входили: Краснослободский, Инсарский, Наровчатский, Рузаевский, Саранский уезды, а в Городищенский район – Чембарский, Н-Ломовский, Пензенский и Городищенский.

В 1925–1926 гг. в распоряжении лесомелиоративной организации было два постоянных и 3 временных питомника в Краснослободском и Беднодемьяновском уездах с общей площадью 7,34 дес. Выход годного

посадочного материала в этих питомниках составлял 4 500 000 двухлетних и однолетних сеянцев и 87 400 саженцев в год.

Из-за недостатка посадочного материала было решено расширить существующие постоянные питомники и заложить еще 5 новых: около ст. Ковылкино, при ст. Рузаевка, в Городищенском уезде, в Засурском лесничестве и при станции Пачелма.

В начале своей деятельности лесомелиоративная партия в Пензенской губернии вела работу только с ветровой эрозией.

В 1921 г. было начато обследование и выявление песчаных и овражных земель, но борьбу с овражной эрозией начали только в 1924–1925 гг., когда впервые обсадили 13 га (12 дес.) овражных земель. В 1925–1926 гг. уже было укреплено 7 оврагов. За 10 лет (1919–1928 гг.) лесомелиоративные работы на территории Пензенской губернии проведены на незначительных площадях.

За десятилетний период (1919–1928) в Пензенской губернии было укреплено и облесено песков на площади 2 209,7 га, укреплено 30 оврагов и облесено 114 га овражных земель. Такие небольшие размеры работ связаны с недостатком средств для производства противоэрозионных работ.

В Симбирской губернии работы по защите почв от эрозии после революции были начаты значительно позже, чем в Пензенской губернии. В 1920 г. Симбирский гублесотдел не имел ещё и специалиста, который бы занялся исключительно песчано-овражным делом в губернии. В 1922 г. 14–17 февраля в г. Симбирске состоялся 1-й Симбирский губернский съезд лесных работников, где решался вопрос поднятия и развития лесомелиоративного дела в губернии. В 1922 г. был восстановлен Сызранский лесомелиоративный район с назначением районного лесомелиоратора и его помощника. Затем организовался Симбирский лесомелиоративный район.

Вначале лесомелиоративная организация вела работу по укреплению песков без плана и системы.

Мелиоративные товарищества. Постановлением Совета Труда и Оборона (СТО) от 1921 г. были образованы мелиоративные товарищества. В постановлении подчеркивалось, что мелиоративные товарищества организуются «... с целью коренного улучшения сельскохозяйственных угодий путем своевременного проведения необходимых для этого работ по осушению, орошению, дренажу, регулированию водостоков, укреплению речных берегов, оврагов и песков, устройству плотин, улучшению полей, пастбищ и т. д.».

Вскоре после постановления СТО, для улучшения, неудобных земель в Пензенской и Симбирской губерниях были организованы мелиоративные товарищества.

В Пензенской губернии в 1922 г. были организованы 4 мелиоративных товарищества, а к 1924 г. их стало 6. В 1924–25 г. были организованы ещё 15 мелиоративных товариществ (Отчет Пензенского..., 1924). Самого широкого распространения в Пензенской губернии мелиоративные товарищества достигли к 1926 г., когда число их увеличилось до 43 с количеством членов 3 363 человека и площадью земель, подлежащих мелиорации 5 343 га.

Мелиоративные товарищества организовывались не только для проведения различных видов мелиоративных работ (обводнения, осушения, укрепления оврагов и песков и т. д.), но и для какого-то одного вида мелиорации, например, для укрепления оврагов в селе и на полях данного села или же укрепления песков. Для этой цели мелиоративным товариществам выдавались безвозвратное денежное пособие и банковский кредит.

Например, постановлением правления Пензенского общества сельскохозяйственного кредита был открыт и выдан кредит на укрепление и облесение оврагов мелиоративным товариществам с. Котёл Беднодемьяновского уезда (200 руб. сроком на 3 года) и с. Синдровский завод Краснослободского уезда (1 000 руб. сроком на 6 лет).

Мелиоративные товарищества на территории Пензенской губернии проводили борьбу, в основном, с ветровой эрозией – укреплялись пески.

Этот вид противоэрозионной работы был для крестьян более легким и знакомым, да и сам факт заноса песком посевов крестьян заставлял их обратить внимание на укрепление сыпучих песков.

В Симбирской (Ульяновской) губернии в 1920-х годах также были организованы мелиоративные товарищества. К 1 января 1922 г. их было 3 с количеством членов 355 человек и площадью подлежащей мелиорации 317 дес., а на 1 октября 1922 г. их стало 7 числом членов в 7 939 человек и площадью, подлежащей мелиорации, в 13 792 дес.

Мелиоративная кооперация в Ульяновской губернии развивалась очень медленно. Такое положение объясняется тем, что до 1927 г. почти отсутствовало мелиоративное кредитование через сельскохозяйственный банк. Кроме того, налоговая политика и нормы душевого надела не делали выгодным улучшение неудобных земель, так как неудобные земли шли сверх душевой нормы и не облагались сельскохозяйственным налогом.

Литература

1. *Анфимов А. М.* Зерновое хозяйство России в годы первой мировой войны // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М.: АН СССР, 1959. – С. 446–494.
2. *Вайсберг Р. Е.* Контрольные цифры на 1927–28 гг. и план социалистического строительства // Большевик. 1927. № 19–20. – С. 34–35.
3. *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР: Большевики и крестьяне, 1917–1933. М., 2001.
4. *Данилов Г. Г.* Из истории земледелия Мордовии. Саранск: Мордов. кн. Изд-во, 1964. – С. 76–77.
5. *Данилов Г. Г., Альмяшева М. С.* Развитие эрозионных процессов и борьба с ними в междуречье Волги и Оки. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1975. – 260 с.
6. *Есиков С. А., Потасов Л. Г.* Антоновский нэп // Отечественная история, 1993, № 4. С. 61–72.
7. *Кабанов В. В.* Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории, 1993, № 2. С. 34–46.

8. *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1. М., 1990.
9. *Козменко А. С.* Основы противозероизонной мелиорации. М., 1954.
10. *Кондратьев Н. Д.* К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значение // Служебная записка: Известия ЦК КПСС. 1989, № 7. – С. 204–207.
11. *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука. 1991. – 487 с.
12. *Маслов П.* Развитие сельского хозяйства до и после революции // Служебная записка: Известия ЦК КПСС. 1989, № 10. – С. 192–219.
13. *Месяцев П. А.* Пути сельскохозяйственного строительства в России // Земельное дело. М.: Новая деревня, 1923. – С. 13-24.
14. Отчет Пензенского губисполкома о деятельности за время с 1 октября 1924 г. По 1 марта 1926 г. Издание Пензенского губисполкома.
15. *Розенталь К.* Перспективы на будущее и оппозиционные «Зады» // Большевик. 1927, № 18. – С. 81–100.
16. *Розенталь К.* Оппозиция в вопросах современного экономического курса // Большевик. 1927, № 22. – С. 122–124.
17. Россия нэповская. / Под ред. А. Н. Яковлева. М., 2002.
18. *Рыков А. И.* Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. – 495 с.
19. Сельское хозяйство России в XX веке / Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. Составитель проф. Н. П. Огановскийю. М.: Изд. Наркомзема «Новая деревня», 1923. – 240 с.
20. *Шанин Т.* Революция как момент истины: Россия 1905–1907 – 1917–1922гг. М., 1997.
21. *Brovkin V.* Behind the Front Lines of the Civil War, 1918–1922. Princeton (N.J.), 1994.
22. *Lichtheim G.* Europe in the Twentieth Century. New York, 1972.

ГЛАВА 5. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В ЭПОХУ СТАЛИНСКОГО «БОЛЬШОГО СКАЧКА» (1928–1953 гг.)

6.1. Коллективизация и раскулачивание: формирование механизма «военно-феодальной эксплуатации» деревни

В Европе между двумя мировыми войнами государственная модернизация вдохновлялась угрозой войны и наследием военной экономики, сосредоточившись в первую очередь на наращивании военно-промышленного комплекса и поддержке смежных с ним отраслей промышленности. Рано или поздно государство везде брало под свой контроль – а нередко и под непосредственное руководство – основные отрасли тяжёлой промышленности, научных исследований и военную промышленность, от которых в случае войны зависело его выживание. В этом направлении эволюционировали все национал-социалистические режимы Восточной и Южной Европы (Ю. Пилсудского в Польше, А Гитлера в Германии, М. К. Ататюрка в Турции, Б. Муссолини в Италии, Ф. Франко Баамонде в Испании и т.д.).

Развитие России не было исключением на общеевропейском фоне. Но если нэп при всём своём своеобразии являлся типичной для многих европейских военно-промышленных государств формой сосуществования командно-административной и рыночной экономики, то с конца 1920-х годов советский модернизационный проект принимает самый радикальный характер. СССР переходит в новую фазу отношений между государством и экономикой. Это был скачок, в результате которого советское государство полностью и непосредственно взяло на себя построение системы современной

промышленности. Пожалуй, в эпоху до 1945 года только немецкая экономика к 1943–1944 гг. достигла той степени огосударствления, что была уже с рубежа 1920-х – 1930-х гг. характерна для советского народного хозяйства.

В чём же заключались причины утверждения в СССР столь радикальной модели догоняющего развития?

К концу 1920-х гг. завершился период, когда советская экономика развивалась преимущественно за счёт повторного ввода в эксплуатацию старых производственных мощностей, доставшихся режиму в наследство от довоенного времени. Полная загрузка имеющихся производственных мощностей, физический и моральный износ основного капитала требовали огромных инвестиций для его обновления, создания новых производств. Для этого можно было привлечь иностранный предпринимательский и ссудный капитал, но этому препятствовала жёсткая позиция большевиков в вопросах уплаты дореволюционных долгов и возмещения ущерба иностранным собственникам за национализированное имущество. Почти полное отсутствие внешних источников финансирования в условиях трестовского хозрасчёта вело к усиленной перекачке средств из отраслей группы «Б» в отрасли группы «А», приводившей к прогрессирувавшему износу основных фондов в лёгкой и пищевой промышленности, а следовательно, к ухудшению качества основных предметов крестьянского потребления, к обострению дефицита потребительских товаров.

Нарастающий «товарный голод» лимитировал рост товарности крестьянских хозяйств. Крестьянин, преимущественно середняк, в условиях роста розничных цен на потребительские товары переходил к их домашнему производству. А низкая товарность крестьянских хозяйств ставила под вопрос курс на индустриализацию, так как вела к заниженным объёмам экспорта крестьянских продуктов и, вследствие этого, импорта необходимого оборудования; к нехватке сырья для промышленности и продуктов питания для растущих городов. В том же направлении действовало и торможение роста крупнотоварных крестьянских хозяйств.

Все ресурсы народного хозяйства находились в состоянии максимального напряжения. Ситуация не имела решения в рамках прежней нэповской политики компромисса с крестьянством. Советское руководство всё яснее осознавало дилемму: либо дать возможность свободно развиваться крестьянскому хозяйству, либо до отказа нажать на рычаги машины государственного принуждения. Первый вариант решения проблемы был связан не столько с политическим риском, усилением позиций крупного крестьянства в стране, сколько с неизбежностью резкого замедления темпов роста промышленного производства. Подобный подход рассматривался как неуместный практически всем кремлёвским руководством, включая Н. И. Бухарина. «Поставить нашу индустрию в зависимость от кулацких капризов мы не можем». (Сталин, т. 11, с. 5–9). Деревня вновь выдвигалась на историческую арену как основной источник инвестиций для промышленности, причём инвестиций в невиданных ранее масштабах, подрывавших жизнеспособность самой деревни.

Вопрос всякой ускоренной модернизации – где и как найти ресурсы для преобразований. На словах И. В. Сталин и его окружение отвергали те пути пополнения ресурсов для индустриализации, которые были характерны для царской России: сверхэксплуатацию крестьянства и иностранные займы. Тот факт, что сталинское руководство считало невозможным использовать внешние источники накопления вполне объясним: во-первых, тогда никто за рубежом не собирався всерьёз помогать СССР проводить ускоренную индустриализацию; во-вторых, к развитым индустриальным странам в СССР относились с большим подозрением – ещё свежа была память о войне с Германией, об интервенции войск Антанты; в-третьих, за рубежом в конце 1920-х – начале 1930-х годов в условиях «великой депрессии» не было свободных капиталов для крупных вливаний в развивающиеся страны – хватало своих забот. Правда, без иностранных займов дело всё-таки не обошлось, но большой роли в сталинской индустриализации они не играли. Зато в отношении поиска внутренних средств для индустриализации обнаруживается явная преемственность между царской и советской индустриализацией. На первых порах индустриализация

осуществлялась за счёт импорта оборудования. Не менее 80% всех капиталовложений в машины и оборудование приходилось на импортную технику. (Гордон, Клопов, 1989, с. 50). В этом И. В. Сталину помогла «великая депрессия». Она позволила импортировать машины по относительно низким ценам. Ради импорта оборудования продавались за рубеж культурные ценности. Эрмитаж лишился некоторых своих наиболее важных картин. По дешёвке скупались у горожан золотые украшения. (Осокина, 2004). Но главное – вновь заработал принцип И. А. Вышнеградского: «Сами не будем есть, но будем вывозить». В 1929 г. экспорт зерна составлял 1,3 млн. тонн, в 1930 – 4,8, в 1931 – 5,2, а затем стал резко снижаться: в 1932 – 1,8, в 1933 – 1млн. тонн. (Гордон, Клопов, 1989, с. 81). Ресурсы для начала индустриализации были получены точно так же, как и при самодержавии – путём ограбления и эксплуатации крестьян. Резко выросла норма накопления – с менее чем 10 % национального дохода в середине 1920-х годов до 40% в 1931 г. и 44% в 1932 г. (Гордон, Клопов, 1989, с. 53).

Мобилизация ресурсов за счёт деревни оказалась столь тотальной, что не могло быть и речи о сохранении там прежнего хозяйственного уклада. В мелких и средних крестьянских хозяйствах организовать беспрепятственное изъятие не только прибавочного, но и значительной части необходимого продукта, ставящее крестьянина на грань полуголодного существования было достаточно трудно. Крестьянин, в конце концов, мог уйти из деревни в город, бросив хозяйство. Потребовалось широчайшее использование механизмов внеэкономического принуждения, чтобы обеспечить полноценное и беспрепятственное выкачивание экономических ресурсов из села. Требовалось лишить крестьян собственности на средства производства и одновременно прикрепить их к земле. Поэтому мобилизация ресурсов сопровождалась коллективизацией, оказавшейся новым изданием крепостного права. Колхозы оказались предприятиями, в которых вновь возродился феодальный способ производства, основанный на сочетании элементов экономической заинтересованности и внеэкономического принуждения. Поразительно, что

индустриализация способствовала возрождению докапиталистических отношений на периферии советской экономической системы. В 1926 г. сторонник Л. Д. Троцкого Е. А. Преображенский выдвинул концепцию «первоначального социалистического накопления», форсированного развития индустрии за счёт крестьянства. (Преображенский, 1926, т. I, ч. 1, с. 57–58, 63–88, 101–102). И. В. Сталин в пылу политической борьбы отверг её. Но на деле именно сталинское руководство активно провело истинное первоначальное накопление капитала, лишив массу крестьян-собственников земли.

* * *

В результате перехода к новой экономической политике сельское хозяйство России к 1925 г. по многим показателям вышло на довоенный уровень. Успешно развивалась кооперация, укреплялись крестьянские хозяйства. Однако во второй половине 1920-х годов в стране обозначилась кризисная ситуация. Слабая промышленность не могла дать крестьянам достаточное количество товаров. Развитие сельского хозяйства все более сдерживалось ограниченными возможностями его материально-технической базы. 1927 г. стал временем резкого ухудшения экономического положения СССР, спровоцировавшего сталинское руководство на резкую смену курса. Ухудшение международной обстановки вызвало в России «военную тревогу» (Симонов, 1996). Наученное недавним горьким опытом военного лихолетья население бросилось закупать впрок товары первой необходимости. В результате резервный фонд промышленных товаров не «дожил» до осенней хлебозаготовительной кампании. Несмотря на хороший урожай, крестьяне придерживали хлеб, ожидая повышения закупочных цен. План хлебозаготовок к началу декабря был выполнен немногим более чем на половину. Срыв заготовок хлеба поставил под угрозу снабжение городов и армии. Экспортировать было нечего и закупать промышленное оборудование было не на что. Скачок рыночных хлебных цен в ряде районов страны привёл к тому, что «ножницы» цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию стали раздвигаться в пользу аграрного сектора. Промышленность лишилась

важнейшего источника накоплений. Кризис хлебозаготовок, поэтому, стал катализатором смены экономического курса правительства, решившегося на чрезвычайные меры. (Россия нэповская, 2002, с. 397, 421).

Остро встали вопросы о судьбах индустриализации, решения продовольственной проблемы. Накануне XV съезда ВКП(б) в партии и стране широко обсуждались пути развития народного хозяйства, о перспективах аграрной политики.

1 октября 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает опросом постановление: «Для подготовки тезисов по вопросу о работе в деревне для XV партсъезда утвердить комиссию в следующем составе: т.т. Молотов, Милютин, Яковлев, Смирнов А. П. (с заменой Свидерским), Крицман, Карпинский, Анцелович, Зайцев, Каминский, Кубанин, Осинский, Верменичев, Ларин Ю., Бауман, Розит, Шеболдаев. Созыв комиссии за т. Молотовым».

В записке от 6 октября 1927 г свои предложения о путях развития сельского хозяйства страны представил Александр Васильевич Чаянов (1888–1937), русский, советский экономист-аграрник. Окончил Петровскую сельскохозяйственную академию. В 1918–1929 гг. профессор кафедры организации сельского хозяйства этой академии. В 1922–1930 гг. директор НИИ сельскохозяйственной экономики и политики. Член коллегии Наркомзема РСФСР, сельскохозяйственной секции Госплана СССР. В 1930 г. арестован, в 1932 г. осуждён по делу так называемой «трудовой крестьянской партии». Реабилитирован в 1987 г.

Экономист указывает, что в результате изменений в аграрном секторе из общей массы хозяйств выпали высокотоварные предприятия, что сказалось на товарной массе сельскохозяйственных продуктов и на возможности экспорта. Ликвидация помещичьего хозяйства была настолько полной, что, к сожалению, в руках государства удалось сохранить весьма небольшие нераспылённые сельскохозяйственные площади, благодаря чему приходится признать, что существующие у нас совхозы и полные колхозы не получили сколько-нибудь массового производственного значения и старый лозунг 1918–1919 гг. – от

крестьянского хозяйства через коммуны к совхозам — явно потерял свое актуальное значение.

В итоге производящий аппарат нашего сельского хозяйства, ликвидировав крупные формы помещичьего хозяйства и значительную часть уже образовавшихся в начале войны фермерских хозяйств, в еще большей степени, чем раньше, оказался состоящим из хозяйств неизжитого еще докапиталистического семейного типа, с обостренными, благодаря обеднению, кабальными взаимоотношениями в области сдачи и найма инвентаря и рабочего скота.

Начиная с 1921 г., в этом массиве нивелированных хозяйств начинают, вновь обозначаться процессы перерождения докапиталистической дифференциации и дифференциации капиталистической фермерского типа. Так, например, по данным ЦСУ СССР на август 1926 г., на 100 хозяйств приходится годовых, сроковых и месячных наемных рабочих по Северному Кавказу — 11,8, по Днепропетровску — 9,0 и по Крыму — 22,7.

Параллельно и гораздо более глубоко шел второй из отмеченных нами для предвоенного сельского хозяйства процесс — развитие сельскохозяйственной кооперации, но о нем мы будем говорить позднее.

Таким образом, формально, после революции производящий аппарат остался таким же, каким он был до войны.

Ставя индустриализацию народного хозяйства СССР в качестве главной из очередных задач экономической политики, А. В. Чаянов считает необходимым возможно, детальнее уточнить содержание понятия индустриализации. Было бы неправильным под индустриализацией подразумевать исключительно только развитие одной обрабатывающей промышленности и силовых установок, т. к. Одна промышленность не может развиваться без параллельных изменений, связанных с ней других отраслей сельского хозяйства. Поэтому мы должны всегда, говоря об индустриализации, мыслить себе перестройку всего народного хозяйства в направлении более индустриального типа его сложения. Развивая промышленность, страна должна

развивать сельское хозяйство, как поставщика сырья и всячески развивать товарные формы сельского хозяйства, разделением сельскохозяйственных функций между районами, употреблением покупного посевного материала, удобрений и механизацию сельского хозяйства как рынка других продуктов будущей индустрии.

Процесс индустриализации страны несомненно должен начаться с промышленности. Некоторое время быстро развивающаяся обрабатывающая промышленность, транспорт и силовые установки, несомненно, могут существовать на старом сельскохозяйственном базисе, но столь же несомненно, что через несколько лет неизбежно должен будет наступить известный разрыв между уже перестроившейся индустрией, с одной стороны, и корреспондирующей ей сельскохозяйственной базой, – с другой. Тогда, большую часть усилий и средств употребить на организацию того сельскохозяйственного сектора индустриализированного хозяйства, который должен обеспечить прочное существование и развитие его индустриальных элементов.

На основе анализа развития сельского хозяйства до и после революции П. П. Маслов (1927) приходит к выводу, что сельское хозяйство и до, и после революции находилось в неблагоприятных условиях.

До революции более медленный темп развития сельского хозяйства, по сравнению с ростом численности населения, привел к тому, что при существовавших условиях для плотнонаселенных земледельческих районов единственным выходом была передача частновладельческих земель в руки крестьян.

За счет фонда частновладельческих земель после революции крестьянские запашки могли расширяться, и рост посевной площади отчасти компенсировал сокращение сельскохозяйственной продукции, которое произошло за время империалистической и гражданской войны. Тем не менее и до настоящего времени товарная часть ее продукции далеко еще не

восстановлена, хотя культур – картофеля, кукурузы, подсолнуха время размеры довоенного производства.

Однако доля народнохозяйственного дохода; получаемая сельскохозяйственным населением после революции, относительно и абсолютно упала. Хотя с восстановлением сельского хозяйства доход от него абсолютно растет, но относительная его доля из народнохозяйственного дохода продолжает падать. Поэтому все больше и больше увеличивается разница дохода, получаемая на душу городским и сельскохозяйственным населением. Такое распределение народнохозяйственного дохода, разумеется, задерживает развитие сельского хозяйства и усиливает передвижение резервной рабочей армии из деревни в город, ведет к падению производительности сельскохозяйственного труда растущего сельскохозяйственного населения, продукция которого увеличивается слабее, чем его рост.

Уменьшение доли сельскохозяйственного населения из общего народнохозяйственного дохода происходит не столько от тяжести налогового обложения, сколько от относительно низких цен сельскохозяйственные продукты и относительно высоких цен на предметы обрабатывающей промышленности.

Продукция сельского хозяйства не может увеличиваться от повышения личного потребления сельскохозяйственным населением предметов обрабатывающей промышленности, так как она определяется накоплением средств производства. Поэтому, например, снижение косвенных налогов не может разрешить проблему продукции. Например, понижение акциза на вино может усилить сто потребление сельскохозяйственным населением, но это не поведет к увеличению производительности труда в сельском хозяйстве. Последнее возможно лишь при условии увеличения производительных затрат в сельском хозяйстве. Увеличение доли сельскохозяйственного населения! в народнохозяйственном доходе путем снижения цен на предметы обрабатывающей промышленности может и не повести к увеличению сельскохозяйственной продукции, если за счет увеличения этой доли повысится

только личное, а не хозяйственное потребление. Ограниченность средств, которыми располагает народное хозяйство для развития своих производительных сил, побуждает искать для этого наиболее экономный путь. Таким путем является экономическая политика, которая содействовала бы повышению затрат из народнохозяйственного дохода и в индустрии, и в сельском хозяйстве на производительные цели.

По условиям производства и сложившимся социальным отношениям цены на предметы обрабатывающей промышленности, потребляемые крестьянами, в ближайшее время едва ли могут быть снижены настолько, чтобы свести соотношение индексов цен сельского хозяйства и промышленности к уровню довоенного времени. Между тем производительные затраты, затраты на развитие сельского хозяйства должны расти быстрее, чем до войны, так как необходим более быстрый темп развития сельского хозяйства, чтобы избежать кризиса

Перед государственной властью стоят задачи:

1) содействовать увеличению производительного накопления в крестьянском хозяйстве и в кооперации;

2) увеличить затраты со стороны государства на увеличение сельскохозяйственной продукции, поскольку такие затраты не могут быть сделаны собственными силами со стороны мелких хозяйств.

Увеличение сельскохозяйственной продукции может происходить тремя путями:

а) Путем увеличения эксплуатируемой площади земли. Этот путь в плотнонаселенных районах использован за счет частновладельческих земель. В настоящее время в этих районах земельный фонд может считаться исчерпанным. В дальнейшем возможно расширение эксплуатируемой площади земли только путем организации переселения.

б) Повышением урожайности земли, требующим дополнительных затрат труда и капитала и перехода от трехполья к более рациональной культуре.

в) Переходом к производству более ценных культур, требующих затрат на увеличение и рационализацию переработки сельскохозяйственных продуктов.

Второй и третий пути тесно связаны, так как повышение урожайности является в результате развития производства продуктов, требующих технической переработки. В каждом конкретном случае необходимо определять, какой из этих путей является наиболее выгодным.

Увеличение эксплуатируемой площади земли путем организации переселения и мелиорации дает наиболее наглядный и ощутимый эффект, так как увеличение площади посева и количества скота происходит непосредственно в результате увеличения площади посева или кормов. Но часто стоимость организации переселения и подготовки земель к возможности их использования, устройство необходимых путей сообщения и т. д. могут потребовать гораздо больших затрат, чем затраты на интенсификацию хозяйства и на связанную с нею организацию переработки сельскохозяйственных продуктов.

Между тем, и для наличного сельскохозяйственного населения требуется повышение получаемого им дохода, то есть требуются интенсификация хозяйства и связанное с нею увеличение переработки сельскохозяйственных продуктов. При этом нерационально поставленные и плохо организованные закупка и переработка сельскохозяйственных продуктов делают невыгодными как производство продуктов интенсивной культуры, так и самую их переработку. Данные о стоимости переработки картофеля в крахмал и патоку показывают, что существующие заводы по своим размерам и организации не являются рентабельными, маслобойные заводы для переработки маслосемян так плохо организованы, что крестьяне предпочитают перерабатывать семена на плохих мелких кустарных заводах. Разумеется, от уничтожения частнохозяйственной переработки в мелких предприятиях сельскохозяйственных продуктов сельское хозяйство ничего не выиграет, а

только проиграет, если общественное производство не будет расширено и рационализировано.

Ещё и до настоящего времени остается в большом употреблении и пользуется большим успехом прием, разрушительный для народного хозяйства, но очень упрощающий задачу руководителей общественных производственных и торговых предприятий, чтобы выдержать конкуренцию мелкого частного производства. При неэкономной и плохой постановке общественного производства хозяйственники стремятся путем репрессий уничтожить конкуренцию частного производства и торговли и, таким образом, усилить эксплуатацию мелкого хозяйства, понижая цены на сельскохозяйственные продукты и сохраняя непроизводительные расходы. Вместо понижения этих расходов хозяйственники в интересах возглавляемого ими предприятия стремятся понижать цены на сельскохозяйственное сырье и таким образом за счет понижения доли, получаемой сельским хозяйством, удовлетворить требование снижения цен продуктов обрабатывающей промышленности. В результате такой политики некоторых хозяйственников началось сокращение товарной продукции сельского хозяйства. Дальнейшее развитие в таком направлении «борьбы» за снижение цен поведет к дальнейшему сокращению товарности крестьянского хозяйства, а вслед за этим и к сокращению индустриализации сельского хозяйства, так как только более высокая выручка от технических растений товарной части продукции побуждает сельских хозяев и к ее расширению.

Необходимость расширения товарной части сельскохозяйственной продукции и повышения урожайности требует увеличения в крестьянском хозяйстве затрат на средства производства. А это возможно при относительном и довольно значительном понижении цен на средства производства для сельского хозяйства, главным образом на удобрения и орудия производства. В свою очередь, это понижение возможно лишь при развитии массового производства. Поэтому для развития народного хозяйства будет выгодно, если минеральные удобрения будут продаваться ниже себестоимости, а

предприятия, занятые производством удобрений, будут работать сначала со значительным убытком. Такие экономические отношения, с частнохозяйственной точки зрения, крайне нерациональные и невыгодные, для развития производительных сил страны являются и рациональными и выгодными. Потери в цене орудий и средств производства с избытком покроются увеличением сельскохозяйственной продукции.

При анализе распределения народнохозяйственного дохода между сельскохозяйственным и промышленным населением в процессе обмена товарами обычно не определяется значение цен на предметы личного и хозяйственного потребления. Выше мы уже упомянули, что снижение цен на предметы личного потребления может не увеличить сельскохозяйственной продукции, хотя и увеличит их потребление. Понижение цен на средства производства, например, на удобрения, сначала не повысит личного потребления крестьян, но резко повысит их хозяйственное потребление и урожайность посевов. Только в результате повышения сельскохозяйственной продукции повысится и потребление крестьянства. Ясно, что лучше поспешить с увеличением потребления и с значительным понижением цен на удобрения, чем значительно понижать цены на водку и другие предметы личного потребления. Открытие калийных солей дает возможность в ближайшее время увеличить снабжение сельского хозяйства этим видом удобрения. Усиление добывания и обработки фосфорных удобрений, сокращение вывоза жмыхов, являющихся средством производства в животноводстве, и целый ряд других мероприятия по удешевлению и увеличению средств производства, требующих затрат со стороны государства.

Относительное повышение цен на технические растения, на свинину и т. д. будет безубыточным только тогда, когда переработка сельскохозяйственных продуктов будет расширена, и организационно и технически рационализирована.

Вследствие ограниченности средств, которые народное хозяйство может затратить на капитальное строительство – с одной стороны, с другой стороны

– вследствие образования резервной безработной армии, поставляемой деревней, приходится капитальное строительство развивать с таким расчетом, чтобы при наиболее рациональной и технически совершенной организации производства сделанной затратой на капитальное строительство было занято наибольшее количество производительно занятых рабочих рук. Наиболее благоприятное соотношение затраченных капитальных средств и числа занятых рабочих рук создается в переработке сельскохозяйственных продуктов.

Из рассмотренных условий развития сельского хозяйства, которое должна поддерживать обрабатывающая промышленность, видно, что последняя должна удовлетворять определенным потребностям сельского хозяйства.

Существует чрезвычайно вредный предрассудок, что промышленность должна, прежде всего, восстановиться в довоенных размерах.

Это мнение является глубокой ошибкой по следующим основаниям. Промышленность, поскольку она работает на внутренний рынок, удовлетворяет потребности существующих при данном строе общественных классов. До революции промышленность удовлетворяла потребности не только крестьян и рабочих, но и класса землевладельцев и буржуазии, численно составлявших небольшую величину, но обладавших большой покупательной силой. Поскольку эти классы исчезли или ослабели, постольку отрасли промышленности, удовлетворяющие их потребности, должны относительно сократиться, а за счет их развиваться другие отрасли производства. Если бы осталось старое соотношение отраслей производства, то это значило бы, что по существу не произошло перераспределения народнохозяйственного дохода между производительным и непроизводительным потреблением.

Очевидно, с изменением распределения народнохозяйственного дохода после революции, при стремлении увеличить продукцию страны за счет непроизводительного потребления, нужно расширить те отрасли производства, которые необходимы для переработки сельскохозяйственных продуктов и их доставки на внешний рынок.

«Смычки» между городом и деревней не может быть, если огромную часть народнохозяйственного дохода и значительную часть импорта будет поглощать город в виде непроизводительного потребления, а на организацию пастеризаторов, сепараторов, холодильников, консервных фабрик, льномялок, крахмальных и сахарных заводов средств будет недостаточно.

Социальные сдвиги, которые произошли во время революции, должны найти соответствующее отражение в перераспределении производительных сил в сторону относительного сокращения производства предметов немассового личного потребления и относительного расширения за их счет производства средств производства, в первую очередь для переработки сельскохозяйственных продуктов.

Развитие сельского хозяйства не только расширяет рынок для внутреннего производства, но и доставляет на внешний рынок главную массу товаров, в обмен на которые возможно оборудование обрабатывающей промышленности для дальнейшего ее развития.

Из приведенных выше положений следует вопрос, в каком же направлении должна развиваться обрабатывающая промышленность, чтобы содействовать развитию сельского хозяйства, и в каком направлении должно развиваться сельское хозяйство, чтобы его развитие было наиболее благоприятно для развития индустрии.

Для развития сельского хозяйства необходимо, чтобы наибольшая часть его дохода шла на дальнейшее его развитие, то есть на производительное потребление, на средства производства.

Содействие переработке продуктов, увеличивая валовую доходность хозяйства, вместе с тем ведет к поглощению того избыточного населения плотнонаселенных земледельческих районов, которые доставляют массу безработных в города.

Но для переработки растительных и животных продуктов необходимы соответствующие орудия и средства производства, чтобы превратить соломку льна и пеньки в волокно, картофель и кукурузу – в крахмал, патоку – в спирт

для вывоза, свеклу – в сахар и т. д., то есть оборудование соответствующих заводов.

Таким образом, основное условие для социально-экономического необходима индустриализации сельского хозяйства и повышение его производительности.

Перспективы развития сельского хозяйства страны Н. Д. Кондратьев (1927) характеризует следующим образом:

1. Общий темп развития нашего сельского хозяйства будет, несомненно, ниже, чем он был в истекшие годы. Какой фактически будет общий темп развития нашего сельского хозяйства и насколько он будет ниже темпа предыдущих лет, это зависит, как ясно из предыдущего изложения, во-первых, от рыночных условий, во-вторых, от размеров снабжения сельского хозяйства орудиями и средствами производства, в особенности машинами, и соответственно – от технической реконструкции этого хозяйства.

Улучшение рыночного положения сельского хозяйства предполагает усиление снабжения деревни предметами промышленного производства, повышение покупательной силы сельскохозяйственных товаров на местных рынках (главным образом за счет снижения стоимости промышленных изделий и снижения издержек торгового обращения), а также развитие сельскохозяйственного экспорта. Если рыночное положение сельского хозяйства будет достаточно благоприятно, если снабжение сельского хозяйства орудиями и средствами производства будет развиваться достаточно напряженно, то мы можем ожидать, что темп развития нашего сельского хозяйства в дальнейшем окажется несколько выше довоенного.

2. Развитие товарности нашего сельского хозяйства и сельскохозяйственного экспорта, которое до сих пор шло относительно медленно, в настоящее время, когда сельскохозяйственная продукция подошла к довоенному уровню, зависит преимущественно от рыночного положения сельского хозяйства. Если рост товарности сельского хозяйства и сельскохозяйственного экспорта имеет первостепенное значение для развития

нашей индустрии, то он имеет не меньшее значение и для темпа роста нашего сельского хозяйства. Без широкого выхода на мировой рынок высокий темп развития сельского хозяйства не имеет достаточных перспектив. Поэтому борьба за развитие сельскохозяйственного экспорта и за повышение товарности сельского хозяйства становится в то же время и борьбой за темп развития сельского хозяйства.

3. Снабжение сельского хозяйства технически совершенными орудиями и средствами производства и соответственно процесс его реконструкции в наших условиях требуют необходимого развития внутреннего производства сельскохозяйственных орудий и машин, импорта недостающих машин, удешевления орудий и средств сельскохозяйственного производства и усиления кредитования сельского хозяйства на предмет покупки этих орудий и средств производства. Необходимо, чтобы эти условия были обеспечены в совокупности. Развитие собственного производства машин без обеспечения достаточно приемлемых цен на них и без достаточного развития кредитования может привести лишь к кризису нашего сельскохозяйственного машиностроения. Наоборот, при обеспечении указанных условий мы можем ожидать, что рост обеспечения сельского хозяйства усовершенствованными орудиями и машинами и процесс его технической реконструкции в современных условиях смогут идти с достаточным напряжением и тем самым поддержать общий повышенный темп роста сельского хозяйства.

4. Современные условия развития сельского хозяйства создают достаточную гарантию для предотвращения резких сдвигов в социальном расслоении деревни. Равным образом эти условия обеспечивают дальнейший подъем беднейших слоев деревни. При этом условии задача поддержания достаточного темпа развития сельского хозяйства, повышения его товарности и развития сельскохозяйственного экспорта требует весьма осторожной и поощрительной политики в отношении трудовых развивающихся высокотоварных хозяйств.

5. Можно считать, что рост кооперирования сельского хозяйства в области сбыта и переработки продуктов сельского хозяйства, а также в области снабжения его орудиями и средствами производства будет продолжаться и в ближайшее время, хотя экспансия этого роста равным образом несколько замедлится.

6. Развитие коллективных хозяйств при современных условиях будет продолжаться. Однако при наличной технической базе сельского хозяйства оно будет идти замедленным темпом, и еще долгие годы коллективное сельскохозяйственное производство не приобретет заметного значения в общем составе нашей сельскохозяйственной продукции. Усиление темпа роста здорового коллективизированного земледелия требует неизмеримо более высокой технической базы сельского хозяйства и повышенного культурного уровня населения.

7. Можно считать, что советские хозяйства постепенно встают на достаточно прочное основание. Однако дальнейший рост советских хозяйств, связанный с организацией новых совхозов, требует значительных вложений со стороны государства. Так как роль совхозов в сельскохозяйственной продукции страны в настоящее время ничтожна и так как трудно рассчитывать на очень значительное вложение новых средств для организации новых совхозов, то и в дальнейшем роль их в общей сельскохозяйственной продукции страны, повышаясь, долгое время останется незначительной.

8. Из предыдущего ясно, что на ближайшее обозримое время вопрос о развитии сельского хозяйства будет, как и раньше, (с точки зрения удельного веса) прежде всего вопросом развития индивидуальных крестьянских хозяйств, хотя бы и объединенных в кооперативы на основе сбыта и переработки продуктов сельского хозяйства, а также на почве снабжения его орудиями и средствами производства.

Ввиду огромного значения развития сельского хозяйства для снабжения индустрии необходимым сырьем и для роста нашего экспорта, а следовательно и импорта, высказанное предыдущее положение заставляет еще раз

подчеркнуть все значение условий, обеспечивающих достаточную заинтересованность сельскохозяйственных мелких производителей в развитии производительных сил сельского хозяйства и в повышении его товарности.

Таким образом, учеными разработана целая программа развития сельского хозяйства на перспективу. Указывается, что ближайшее время вопрос о развитии сельского хозяйства будет, вопросом развития индивидуальных крестьянских хозяйств, объединенных в кооперативы на основе сбыта и переработки продуктов сельского хозяйства, а также на почве снабжения его орудиями и средствами производства. Достижение достаточно высоких темпов развития сельского хозяйства, повышения, его товарности, развития сельскохозяйственного экспорта требует поощрительной политики в отношении трудовых развивающихся высокотоварных хозяйств.

Ставя индустриализацию народного хозяйства СССР в качестве главной из очередных задач экономической политики, они указывают, что было бы неправильным под индустриализацией подразумевать развитие только промышленности, которая не может развиваться без параллельных изменений в сельском хозяйстве. Поэтому индустриализация понимается им как перестройка всего народного.

Цены на промышленные товары, потребляемые крестьянами, должны быть снижены, чтобы свести соотношение индексов цен сельского хозяйства и промышленности к уровню довоенного времени.

Руководство страны не прислушалось доводам экономистов. Для выхода из кризиса сталинская фракция в Политбюро решила пойти на чрезвычайные меры. В деревню были отправлены оперативные уполномоченные и рабочие отряды. Им было поручено провести чистку в ненадёжных и непокорных сельсоветах и партиячках, отыскать спрятанные излишки, заручившись помощью бедняков, получавших 25 % изъятого зерна. Власти решили активно использовать 107-ю статью Уголовного кодекса, по которой любое действие, «способствующее поднятию цен», каралось лишением свободы сроком до трёх

лет. К проведению хлебозаготовок были привлечены ОГПУ и милиция. Начали закрываться рынки, что ударило по широким слоям крестьянства.

Чрезвычайные меры значительно помогли в проведении хлебозаготовок, но за успех пришлось заплатить слишком высокую цену. Резко ухудшилось отношение крестьян к режиму, появились антиправительственные листовки, участились нападения на представителей власти. Крестьяне стали отказываться от аренды земли, продавали сельскохозяйственную технику, сокращали посевы. Площади под зерновыми сократились в 1928 г. по сравнению с 1927 г. с 97,2 млн. га до 94,7 млн. га. (Бруцкус, 1995, с.52).

Для того чтобы предотвратить сокращение посевных площадей местные власти, стремясь выполнить директивы Москвы, вновь прибегли к административному нажиму, заставив зажиточных крестьян обрабатывать землю малообеспеченных крестьян. Это ещё более усиливало недоверие деревни. Эти мероприятия дополнялись политикой постепенного экономического ограничения зажиточных слоёв деревни.

1928 год выдался менее урожайным. И уже в июне 1928 г. хлебные биржи Европы потрясла сенсация: Советский Союз закупил 9 млн. пудов пшеницы! (Россия нэповская, 2002, с. 450).

В советском руководстве усилились настроения в пользу создания в деревне «опор социализма» – колхозов и машинно-тракторных станций. Предполагалось, что колхозы смогут на 1/3 удовлетворить потребности государства в зерне, обеспечить снабжение ключевых отраслей промышленности и армии, помогут снизить рыночные цены на зерно. Это ещё не означало повальной коллективизации. Частный сектор должен был существовать и в дальнейшем.

С 1927 г. складывается система «контрактации», по которой крестьяне получали от государства необходимую технику в обмен на сдаваемую сельскохозяйственную продукцию. Это позволяло властям улучшить контроль за имеющимися продовольственными излишками.

Итоги 1928 г. оказались катастрофическими. Несмотря на новую кампанию репрессивных мер во время хлебозаготовок, государство получило хлеба ещё меньше, чем год назад. Уменьшилось поголовье скота. В феврале 1929 г. в городах вновь появились продовольственные карточки, отменённые с введением нэпа.

На протяжении 1929 г. сталинское руководство всё более склонялось к массовой коллективизации. Печать заговорила об этом уже с июня 1929 г. Новая заготовительная кампания уже сопровождалась кампанией по коллективизации. Все сельские коммунисты под угрозой дисциплинарных мер должны были показать пример и вступить в колхозы. Органы сельскохозяйственной кооперации обязывались предоставлять машины только колхозам. В деревню отправлялись десятки тысяч рабочих, партийных активистов, комсомольцев и сотрудников ОГПУ. Заготовительная кампания приобрела характер реквизиций. Рыночный механизм был окончательно сломан. Государству удалось выкачать из деревни на 60 % больше зерна, чем в предыдущие годы, несмотря на средний урожай. На крестьян усиливалось давление в пользу вступления в колхозы. 31 октября 1929 г. «Правда» призвала к сплошной коллективизации. Через неделю появилась статья И. В. Сталина «Великий перелом». На ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП (б) были приняты сталинские тезисы о коренном изменении отношения крестьянства к колхозам и одобрен нереальный план роста промышленности и ускоренной коллективизации. Одновременно закончился разгром «правого уклона». Н.И.Бухарин был отстранён от власти. Это был конец нэпа.

После завершения пленума специальная комиссия во главе с наркомом земледелия Я. А. Яковлевым разработала график коллективизации, утверждённый 5 января 1930 г. после неоднократного пересмотра и сокращения плановых сроков. В соответствии с ним Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга подлежали сплошной коллективизации уже к осени 1930 г. (самое позднее к весне 1931 г.), а другие зерновые районы должны были быть полностью коллективизированы на год позже. Преобладающей формой

коллективного ведения хозяйства признавалась артель как более передовая по сравнению с товариществом по переработке земли. Земля, скот, сельхозтехника в артели обобществлялись.

Другая комиссия во главе с В. М. Молотовым занималась решением участи кулаков. 27 декабря 1929 г. И. В. Сталин провозгласил курс на ликвидацию кулачества как класса. Комиссия Молотова разделила кулаков на 3 категории. В первую (63 тыс. хозяйств) вошли кулаки, занимавшиеся «контрреволюционной деятельностью», во вторую (150 тыс. хозяйств) – кулаки, которые не оказывали активного сопротивления советской власти, но являлись в то же время «в высшей степени эксплуататорами». Кулаки этих двух категорий подлежали аресту и выселению в Сибирь и Казахстан. Их имущество конфисковывалось. Кулаки третьей категории, признанные «лояльными», осуждались на переселение в пределах своих областей на необработанные земли.

В дополнение к уже направленным в деревню для проведения хлебозаготовок было мобилизовано ещё 25 тыс. рабочих. Как правило, они назначались на посты председателей организуемых колхозов. Созданные в окружных центрах «штабы коллективизации» в составе местных партийных лидеров, военных, представителей милиции и ОГПУ неукоснительно следили за соблюдением графика коллективизации. Члены отрядов, разъехавшись по деревням, созывали общее собрание и, перемежая угрозы всякого рода посулами, применяя разные способы давления (аресты, прекращение промтоварного снабжения), пытались склонить крестьян к вступлению в колхоз. Если только незначительная часть крестьян вступала в колхоз, то село объявлялось коллективизированным на 100 %.

Раскулачивание должно было продемонстрировать самым неподатливым непреклонность властей и бесполезность сопротивления. Проводилось оно специальными комиссиями под надзором «троек», состоявших из первого секретаря райкома, председателя райисполкома и начальника местного отдела ОГПУ. Составлением списка кулаков первой категории занималось ОГПУ.

Списки кулаков второй и третьей категории составлялись на местах с учётом рекомендаций деревенских активистов, что открывало дорогу разного рода злоупотреблениям и сведению старых счётов. В течение 1929 г. произошло значительное обеднение кулаков из-за постоянно растущих налогов. Отсутствие внешних проявлений богатства побуждало комиссии обращаться к хранящимся в сельсоветах налоговым спискам, часто устаревшим и неточным, а также к информации ОГПУ и доносам. Власти успешно сумели в 1930 г. расколоть деревню, для того чтобы преодолеть сопротивление крестьян.

В итоге раскулачиванию подверглись десятки тысяч середняков. В некоторых районах 80–90 % середняков были осуждены как «подкулачники». Их основная вина заключалась в том, что они уклонялись от коллективизации. Количество выселенных в 1930–1931 гг. составило 1,8 млн. человек. (Земсков, 1991).

Атмосфера вакханалии января – февраля 1930 г. дополнялась массовой антирелигиозной кампанией, сопровождавшейся закрытием сельских храмов и гонениями на священников.

Стоит отметить, что развернувшаяся кампания усиливалась искренним рвением боевых отрядов и местных лидеров, отчасти подгоняемых страхом быть обвинёнными в «правом уклоне» в случае недостатка этого рвения.

К 1 марта 1930 г. доля коллективизированных хозяйств достигла 58,6 %. Эти данные, раздуваемые местными властями из желания продемонстрировать перед руководством выполнение плана, на деле ничего не означали. Большинство колхозов существовали лишь на бумаге. Произошла полная и длительная дезорганизация сельскохозяйственного производства. Угроза коллективизации побуждала крестьян забивать скот. поголовье крупного рогатого скота уменьшилось за период с 1928 по 1930 г. на ¼. Было забито и съедено 14 млн. голов КРС, убито 4 млн. лошадей. (Малиа, 2002, с. 222). Количество же имевшихся тракторов не могло заменить утраченных лошадей. Нехватка семян для весеннего сева, вызванная конфискацией зерна, предвещала катастрофические последствия.

Наиболее активным было сопротивление крестьян в Южной России, Центральном Черноземье и на Украине, куда были даже стянуты войска. В январе 1930 г. зарегистрировано 402 крестьянских выступления, в том числе 4 настоящих восстания; в феврале – 1048 выступлений, в том числе 37 восстаний. (Грациози, 2001, с. 51). Программа восстаний была удивительно похожа на выдвигавшуюся в 1918–1921 гг.: возврат реквизированного имущества; роспуск комсомола, который крестьяне единодушно считали организацией шпионов и провокаторов; уважение религиозных чувств и обычаев; свободных выборов сельских Советов; прекращение реквизиций; свободы торговли. Повсюду звучало чёткое «нет» возврату крепостного права, как во многом справедливо воспринимало коллективизацию крестьянство. На Украине, как и в других колониях, звучали националистические лозунги. Подавление волнений и восстаний было суровым, но не столь кровавым, как во время революции 1917–1921 гг. Но самой распространённой формой крестьянского протеста в этот период стал забой скота. Широко распространились и «бабьи бунты». Мужчины полагали, что будет безопаснее держаться на заднем плане. Представители власти не осмеливались арестовывать женщин. Мощная волна «бабьих бунтов» прокатилась по Северному Кавказу в феврале 1930 г. (Фицпатрик, 2001, с. 80). К концу февраля 1930 г. расколота деревня под влиянием постоянных реквизиций и выколачивания долгов по налоговым недоимкам вновь начала объединяться.

Ситуация в Поволжье мало отличалась от ситуации в других зерновых районах. Если за 1929 г. в Мордовии число коллективных хозяйств возросло с 1,3 до 3,3 %, то уже в феврале 1930 г. колхозы объединили 30 % крестьянских хозяйств, а к середине марта уже 49,7 %. По договору с Пензенским округом на 1929–1930 гг. Мордовия взяла обязательство коллективизировать к осени 1930 г. 70 % всех крестьянских хозяйств. Такая политика государства встретила сопротивление со стороны крестьянских хозяйств. Отмечались выступления в некоторых селениях Ичалковского, Кочкуровского, Торбеевского районов. Коллективизация сопровождалась снижением поголовья скота. На 15 февраля

1930 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось в Мордовии более чем на 18 %, рабочего скота на 13 %, овец на 23 %, свиней на 27 %. К концу 1932 г. в Мордовии действовали 1 242 колхоза, 45 совхозов и 22 МТС. Они занимали около 80 % всех посевных площадей (История Мордовской АССР..., 1981).

Рост крестьянского сопротивления и подрыв производственного потенциала сельского хозяйства заставил советское руководство притормозить кампанию. 2 марта 1930 г. была опубликована знаменитая статья И.В.Сталина «Головокружение от успехов», где он обвинил в ненужных крайностях товарищей на местах, неверно понявших директивы партии. Сталин тем самым предстал перед селом воплощением «добротного царя» былых времён. Село получило возможность выпустить пар, накопленный за предыдущие месяцы. Произошёл массовый выход из колхозов. За 4 месяца доля коллективизированных дворов сократилась в 3 раза 21 %. Но крестьянская верхушка к этому времени была уже уничтожена.

Помимо открытого сопротивления крестьяне отвечали на атаку государства бегством, прежде всего, в города или на новые индустриальные стройки. Бежали миллионы, часто с поддельными документами, «самораскулачиваясь», распродавая имущество и скрываясь. Бежали и из специальных поселений, созданных из высланных кулаков.

В 1930 г. исключительно благоприятные погодные условия позволили собрать очень хороший урожай. Хлебозаготовки, проведённые хорошо отработанными методами ценой огромных поборов с колхозов, дали в 2 раза больше зерна, чем в последние годы нэпа. Осенью 1930 г. власти возобновили кампанию по коллективизации, используя различные способы давления. К 1 июля 1931 г. доля коллективизированных хозяйств вернулась к уровню 1 марта 1930 г.

Тем временем отобранное у крестьян зерно интенсивно вывозилось за рубеж, прежде всего, в Германию в обмен на необходимую для индустриализации технику.

Но как только закончились благоприятные погодные условия, немедленно дал знать о себе урон, нанесённый сельскому хозяйству (ликвидация самой компетентной прослойки крестьян, потеря значительной части скота и сбережений, нежизнеспособность колхозов). К концу лета 1931 г. хлебозаготовки стали давать сбои. Одержимое мыслью об экспорте, правительство ответило на падение сельскохозяйственного производства повышением плана хлебозаготовок. Из-за неурожая в Сибири особенно суровому обложению подвергли Украину. Тысячи колхозов остались полностью без кормов и почти без семян. В некоторых колхозах было изъято до 80 % урожая, тогда как в годы нэпа крестьяне продавали всего 15–20 % урожая. В Украине назревал голод.

Среди колхозников росло пассивное сопротивление, нередко покрываемое или терпимое тысячами местных мелких руководителей. Заготовки 1932 г. протекали очень медленно. «Крестьянин ничему не верит, работает так мало и плохо, как только возможно, он ворует, прячет или уничтожает плоды собственного труда, лишь бы не отдавать их», – писал Б. Муссолини в апреле 1933г. итальянский вице-консул из Новороссийска (Северный Кавказ). (Цит. по: Грациози, 2001, с. 60). С началом новой жатвы крестьяне, часто в стоворе со своими руководителями, стремились пустить в употребление или припрятать всё, что только можно. Власти тотчас же вознегодовали по поводу «разбазаривания народного богатства». 7 августа 1932 г. был издан закон, позволявший приговаривать к высылке сроком до 10 лет за ущерб, наносимый колхозу. Осенью 1932 г. десятки тысяч колхозников были арестованы за самовольное срезание небольшого количества колосьев ржи или пшеницы. Репрессиям подвергались не только колхозники, но и председатели колхозов. Только за 1932 г. 36 % из них были смещены со своих должностей, в основном по обвинению в саботаже хлебозаготовок. Чистка коснулась и сельских партийцев. Продовольственные отряд осуществлявшие заготовки, совершали настоящие карательные экспедиции, прежде всего в

зернопроизводящих районах. Они не останавливались даже перед изъятием всего колхозного зерна, в том числе выделенного на семена и оплату за работу.

Во второй половине 1932 г. советский режим, столкнувшийся с колоссальным кризисом снабжения, вызвавшим волнения в городах и пассивное сопротивление в деревне, находился на грани падения. Начавшийся голод в основных зернопроизводящих районах, первоначально угрожавший самому существованию режима, в итоге укрепил его.

Голод 1932–1933 гг. охватил, прежде всего, Украину, Южную Россию, Казахстан. Летом 1932 г. ситуация на Украине настолько ухудшилась, что это подтолкнуло украинское руководство на спор с Москвой. Но Киев заставили смириться с губительными, по его мнению, хлебозаготовками. В последующие месяцы оправдались самые мрачные прогнозы. В результате голода в СССР, по разным оценкам погибли от 5 до 8 млн. человек, в том числе на Украине 3–3,5 млн. (Кондрашин, Пеннер, 2002, с. 231; Данилов, Зеленин, 2004, с. 97).

Но голод, как ни странно, позволил правительству привести к покорности крестьян. Как писал в августе 1933г. немецкий дипломат Шиллер, совершивший поездку на Украину и Северный Кавказ, «отрезанным в своих сёлах... и лишённым всякой помощи. Украинским крестьянам не осталось другого выбора, кроме как работать на правительство и таким образом выжить либо в буквальном смысле слова умереть с голоду. В этом заключается... секрет восстановления сельского хозяйства Украины...». (Цит. по: Грациози, 2001, с. 66).

После голода 1933 г. правительство пошло на пересмотр методов заготовок. Для централизации действий различных органов был создан Комитет по заготовкам в правительстве. Создавались политотделы при машинно-тракторных станциях, состоящие из проверенных людей, обладающих большим опытом работы в ОГПУ или в армии. Они присматривали за местными партийными инстанциями, считавшимися чересчур либеральными по отношению к крестьянам.

В январе 1933 г. заготовки были объявлены составной частью обязательного налога, взимаемого государством и не подлежащего пересмотру местными властями. В придачу к налогу крестьяне получили обязанность оплачивать натурой услуги МТС. Этот сбор давал в 1930-е годы минимум 50 % хлебазаготовок. Государство полностью брало на себя контроль за размерами посевных площадей и урожая в колхозах. Размер налога при этом определялся исходя из желаемого результата, а не из объективных данных.

В марте 1933 г. было издано постановление, по которому, пока район не выполнит план по хлебазаготовкам, 90 % намолоченного зерна отдавалось государству, а оставшиеся 10 % распределялись среди колхозников в качестве аванса за работу. Открытие колхозных рынков в городах также зависело от выполнения колхозами района плана хлебазаготовок.

Оставшиеся крестьяне-частники были обложены исключительно высоким налогом, оставляя им три выхода: уехать в город, вступить в колхоз или наняться в совхоз. В результате к 1936 г. 90 % крестьянских хозяйств вошли в колхозы.

Некогда существовавшие в России 25 млн. дворов превратились в 240 тыс. колхозов. Одновременно была создана менее обширная сеть крупных механизированных предприятий – совхозов, где работники работали по найму. Но при этом быт села мало изменился. К 1939 г. лишь в 4,5 % колхозов было проведено электричество. Уровень же питания в деревне оказался гораздо ниже, чем в 1929 или 1913 г. Крестьяне не имели паспортов, им не полагались отпуска, пенсии, листки нетрудоспособности. При этом колхозы были лишены современной сельскохозяйственной техники. Предоставлять технику в руки «крепостных» было абсолютно не эффективно. Все тракторы находились в руках МТС, каждая из которых обслуживала несколько колхозов. МТС нанимали квалифицированных механиков и трактористов.

При этом властям пришлось пойти на серьёзную уступку крестьянам – оставить в их распоряжении личные подсобные хозяйства. Это сохранило в стране в мелком масштабе частное предпринимательство и маргинальный

рынок. Более того, эти крестьянские огороды вскоре будут производить непропорционально высокую долю продовольствия страны. Например, в 1937 г. около 25 % продуктов питания поступало всего с 5 % культивируемой земли. (Малиа, 2002, с. 225).

Власти для ограничения оттока крестьян из деревни приняли 27 декабря 1932 г. закон о паспортизации, по которому как колхозниками, так и единоличникам паспорта не выдавались. Однако интересы промышленности, требовавшей постоянного притока рабочей силы из деревни, привели к тому, что сохранилось множество способов для вполне легального получения паспортов крестьянами (служба в армии, получение образования, повышение квалификации, «организованный набор рабочей силы» промышленностью). Таким образом, бегство крестьян в города не останавливалось.

К середине 1930-х годов закончилась трансформация сельского хозяйства в своеобразный полуфеодальный экономический уклад. Колхозы, использовавшие традиционную примитивную технологию и преимущественно ручной труд, по сути, представляли собой перенесённый в XX век элемент хорошо знакомого крепостнического хозяйства с его сочетанием внеэкономического принуждения и экономической зависимости. Там же, где использовалась современная техника (колхозы, МТС), применялся наёмный труд. Такой гибрид был ориентирован исключительно на максимизацию выкачивания сельскохозяйственной продукции из деревни при минимальных капиталовложениях в неё. Разумеется, подобная система могла привести лишь к деградации сельскохозяйственного производства.

6.2. Страна победившей коллективизации

К середине 1930-х гг. завершилось социальное преобразование села. Основная часть продукции стала производиться на крупных сельскохозяйственных предприятиях. Удельный вес коллективных хозяйств в валовой продукции отрасли достиг 81 %, а в 1940 г. – 97 %.

Динамика валовых сборов свидетельствует, что трагические события рассматриваемого периода оказали заметное влияние на сборы зерна. Урожайность и валовые сборы не увеличивались, при одновременном увеличении посевных площадей (табл. 34).

Таблица 34 – Динамика производство зерна в СССР

Годы	Посевная площадь, млн. га	Урожайность, ц/га	Валовой сбор, млн.т.	Товарная продукция, млн. т	Товарность, %
1913	104,6	8,2	86,0	22,4	26,0
1917-1920	82,2	6,1	50,0	6,2	12,2
1921-1925	77,5	6,9	53,4	8,8	16,5
1926-1930	94,8	8,0	75,4	16,3	21,7
1931-1935	102,5	6,8	70,1	27,9	39,8
1936-1940	101,8	7,6	77,4	34,2	44,0
1941-1945	76,4	6,0	45,7	22,3	49,0
1946-1950	96,7	6,7	64,8	31,1	48,0
1951-1955	110,6	8,0	88,5	40,3	46,0

В результате проведения коллективизации произошло снижение валовых сборов зерна. Так, если в 1926–1927 гг. валовой сбор составил 4 680 млн. пудов (76,75 млн. т), то в 1931 г. – только 3 600 млн. пудов (59,04 млн. т). При этом заготовки составили в первом случае 700 млн. пудов (11,48 млн. т), а во втором 22,96 млн. т. Если производство технических культур возросло по сравнению с поздним нэпом на 30–40 %, то производство зерновых, несмотря на возросший уровень механизации и увеличение на 17% посевных площадей, оставалось на уровне, достигнутом в канун первой мировой войны. После того как во время коллективизации была уничтожена половина поголовья крупного рогатого скота, производство животноводческой продукции достигло уровня 1913 г. только к 1937 г. Уровень 1927–1928 гг. был достигнут только к началу 1950-х годов. Страну периодически сотрясали кризисы снабжения. После отмены с 1935 г. карточной системы и до начала войны с Германией в 1941 г. отмечены два крупных кризиса: в 1936–1937 и 1939–1941 гг. (Осокина, 1999, с. 195–218).

По сравнению с дореволюционным периодом снизилась товарность зерна. Так, в 1913 г. товарность зерна в целом по стране составила 26 % (в том числе у помещиков – 47 %, кулаков – 34 %, середняков и бедняков – 14,8 %). Уничтожение крупных сельскохозяйственных предприятий после 1917 г. и создание большого количества мелкотоварных хозяйств, привело к снижению товарности зерна вдвое (табл. 35).

Таблица 35 – Валовой сбор и заготовки зерна в СССР (в среднем за 1926–1927 гг.)

Вид хозяйства	Валовой сбор зерна		Товарное зерно		% товарности
	млн.пуд	%	млн.пуд	%	
Совхозы и колхозы	80	1,7	37,8	6,0	47,2
Кулаки	617	13,0	126,0	20,0	20,0
Середняки и бедняки	4 052	85,3	466,2	74,0	11,2
Итого	4 749	100,0	630,0	100,0	13,3

Снижение валовых сборов по сравнению с 1913 г. составило 9,4 %. При одновременном уменьшении товарности вдвое это вызвало серьезные трудности в обеспечении городского населения продуктами питания. Индустриализация страны требовала материальных ресурсов, она сопровождалась быстрым ростом численности рабочих, городского населения. Требовалось увеличивать государственные заготовки хлеба, однако фактический размер их уменьшался, снижались и валовые сборы зерна. Чтобы ликвидировать возникшие трудности, необходимо было поднять производительность сельского хозяйства, а ресурсов для этого в стране не было.

Создание колхозов и совхозов позволило резко повысить товарность зернового хозяйства, без повышения валовых сборов зерна. Это происходило за счет резкого снижения потребления хлеба крестьянами. Государственные заготовки достигли 1 200–1 400 млн. пудов.

Установление колхозной системы привело к резкому усилению эксплуатации крестьянства государством и значительному снижению уровня жизни. Отчуждаемая у колхозников государством часть урожая неизменно увеличивалась. Расчёт с колхозниками за поставленное государству зерно

производился по ценам, которые не менялись на всём протяжении правления И. В. Сталина. В то же время цены на промышленные товары выросли в 10 раз. При этом закупочные цены были в 10–20 раз ниже себестоимости.

В 1932–1933 гг. были введены обязательные заготовки и с личных приусадебных хозяйств колхозников. С 1939–1941 гг. они были распространены почти на все производимые в ЛПХ продукты. (Безнин, Димони, 2002, с. 99).

Основной повинностью колхозников являлась отработочная. Юридически она была закреплена постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. Для всех трудоспособных колхозников определялся обязательный годовой минимум трудодней – от 60 до 100. По указу от 1 августа 1940 г. рабочий день у колхозников во время уборки начинался с 5–6 часов утра и заканчивался с заходом солнца. В 1942 г. обязательный минимум трудодней был повышен до 100–150. Этот повышенный минимум сохранился и после войны. В апреле 1948 г. были повышены нормы выработки. А уже в середине 1950-х гг. колхозам был рекомендован минимум в 150–200 трудодней. В 1940–1945 гг. в РСФСР занятость в общественном хозяйстве колхоза составляла 67–71 % трудовых затрат колхозников. При этом за колхозниками закреплялась ещё и отработочная повинность по лесозаготовкам, добыче торфа, ремонту дорог. (Безнин, Димони, 2002, с. 97–106).

Работы оплачивались крайне плохо. Например, за день работы на скотном дворе мужчины в среднем зарабатывали 1,3 трудодня, а женщины – 1,1 трудодня. В среднем член колхоза, например в 1937 г. заработал 197 трудодней, хотя число трудодней, заработанных отдельными колхозниками, сильно варьировалось. Многие колхозницы вообще не работали на колхозных полях, полностью посвящая себя приусадебному хозяйству. Размеры натуроплаты по трудодням тоже сильно варьировались в зависимости от года и региона. В урожайном 1937 г. колхозный двор в среднем получил на трудодни 1636 кг зерна. Денежные же выплаты колхозникам были ничтожны. Примечательно, что многие преуспевающие колхозы в Чернозёмной полосе к

концу 1930-х гг. предпринимали попытки перейти к практике использования наёмного труда. Это касалось, прежде всего, бригадиров, бухгалтеров, конюхов, шофёров и сторожей, не говоря уже о колхозной администрации. Колхозники также пытались заключать с колхозом контракты на выполнение конкретных работ. В целях стимулирования производительности колхозников власти с 1935 г. стали практиковать выплату премий. Но нередко ударники и стахановцы оказывались жертвами насмешек, сплетен и нападок со стороны других колхозников. (Фицпатрик, 2001, с. 162–167).

Крестьянство, не заинтересованное в труде на колхозных полях, всячески уклонялось от «барщины». Правительство рассматривало в качестве основных причин невыполнения колхозниками минимума трудодней отходничество на заработки и работу на собственных приусадебных участках. Оно пыталось бороться с этими явлениями отрезками приусадебных участков (кампании 1939 и 1950 гг.), увеличением налогов и репрессиями. (Данилов А. А., Пыжиков А. В., 2001, с. 130–131). Невыполнение данной повинности каралось исправительно-трудовыми работами, выселением в отдалённые районы, увеличением налоговой ставки.

Крайне тяжёлым было налоговое бремя крестьян. С них взымали сельскохозяйственный налог, постоянно росший на всём протяжении правления И. В. Сталина. В 1942–1946 гг. всё население СССР платило военный налог. Разнообразные сборы взымались в пользу местных властей. С конца 1930-х гг. почти каждая семья в сельской местности выполняла так называемое самообложение, которое объявлялось добровольным. Кроме этого крестьян с помощью административного давления заставляли подписываться на государственные займы. В целом налоговое бремя на крестьян постоянно росло, достигнув пика в 1950–1952 гг. Если в 1940 г. доля расходов на уплату налогов и сборов, приобретение облигаций составляла 6,4 % денежных доходов ЛПХ, то в 1948 г. – 17 %, в 1950 г. – 18 %. (Безнин, Димони, 2002, с. 103–106).

Правительственная политика выкачивания продовольствия из деревни приводила к периодическим голодовкам. Уже в 1936–1937 гг. село пережило

новый голод, центром которого стало Поволжье. Его масштабы, однако, были не соизмеримы с масштабами голода 1932–1933 гг. Сказалась помощь властей пострадавшим колхозам. Зимой – весной 1937 гг. погибли несколько десятков человек. (Осокина, 1999, с. 192–203).

Вторая мировая война нанесла сельскому хозяйству СССР огромный ущерб. Общие убытки сельского хозяйства исчислялись суммой в 181 млрд. руб. (Сообщение..., 1948). Военные разрушения, значительное сокращение посевных площадей, падение агрикультуры привели к колоссальному сокращению производительности сельского хозяйства. Резко возросло экономическое и репрессивное давление на деревню. Деревня дала фронту значительную часть своего населения. Армия забирала автомобили, тракторы, лошадей. Новые поставки техники прекратились. 80 % работ выполнялось вручную. При этом государственные заготовки увеличились. Реальная оплата по трудодням сильно упала.

Но и после войны экономическое давление на село не ослабло. В 1946 г. расчёт с крестьянами по зерну был хуже, чем в самом неблагоприятном для сельского хозяйства из военных лет – 1943 г. В 75,8 % колхозов выдавали на трудодень менее 1 кг зерна, а в 7,7 % колхозов зерно не выдавали вообще. (Вербицкая, 1992, с. 137). Это вместе с засухой 1946 г. привело к новому крупному голоду, охватившему в 1946–1948 гг. Украину, Западную, Южную Россию, Поволжье. По оценке В.Ф.Зимы (1996, с. 11), жертвами голода и связанных с ним болезней стали около 2 млн. человек.

Несмотря на бедственное положение деревни, государство продолжало изымать у колхозов сельскохозяйственную продукцию по символическим ценам, составлявшим 5–10 % от себестоимости. (Малафеев, 1964, с. 267). Лишь критическое положение сельского хозяйства побудило правительство в ноябре 1948 г. пойти на ряд незначительных послаблений колхозам. Были выданы кредиты для закупки колхозами техники. С 1949 г. ограничивался набор рабочей силы из колхозов в промышленность, а также призыв молодёжи в школы ФЗО и ремесленные училища. Естественно, ни о каком изменении

производственных отношений речь не шла. Режим, напротив, стремился к ужесточению контроля над сельскохозяйственным производством.

В 1950 г. правительство пошло на реорганизацию внутрипроизводственной структуры колхозов, заменив звено, состоявшее преимущественно из членов одной семьи, бригадой в качестве главной производственной единицы. Кампания проводилась под лозунгом борьбы с индивидуализмом и семейной солидарностью. Власти стремились таким способом укрепить свой экономический контроль в деревне. В том же году началось укрупнение колхозов, преследовавшее те же цели. Оно сопровождалось значительным сокращением индивидуальных крестьянских наделов. Была вновь сокращена натуроплата. Присланным из районов председателям кроме трудодней давали повышенные оклады, кредиты на строительство домов, налоговые льготы. Тем самым власти пытались создать послушную им сельскую номенклатуру.

Но и эти шаги не могли вдохнуть жизнь в порочную систему государственного крепостничества. Производительность сельского хозяйства падала. К 1951 г. производство зерна достигло лишь 82 % от уровня 1940 г. Недовольство на селе росло. Сталинская аграрная политика себя полностью исчерпала.

6.3. Развитие агрикультуры в сталинской деревне

Крупное коллективное хозяйство уже при простом сложении средств производства и рабочей силы, кооперации труда, как это имеет место во всех странах, выявляет огромные преимущества перед мелким, раздробленным хозяйством. Во всем мире происходило постепенное увеличение размеров сельскохозяйственных предприятий. В США к середине XX века 4,3 % крупных фермеров сосредоточили в своих руках 45 % всей фермерской земли. С 1900 г. количество ферм сократилось на 63 %, а размер хозяйств за это же время увеличился на 67 %. Фермы Америки стали специализированными. В 1900 г. фермер в среднем возделывал 5 культур, в 2000-м – практически одну. Увеличение размеров сельскохозяйственных предприятий происходило и в

СССР (табл. 36). За послевоенные годы происходило увеличение посевной площади на одно хозяйство, увеличение скота и числа крестьянских дворов, входящих в состав хозяйств. В 1955 г. в среднем на одно хозяйство приходилось 1 699 га посевной площади и 351 голова крупного рогатого скота, 265 свиней, 972 овцы. В результате этого произошла специализация хозяйств, стала внедряться новая техника, стали использоваться современные сорта сельскохозяйственных культур, произошло совершенствование технологий возделывания сельскохозяйственных культур.

Таблица 36 – Средние размеры колхозов и совхозов

Показатели	1934	1940	1950
В среднем на один колхоз			
Колхозных дворов (на конец года)	68	81	165
Общественных посевов, тыс. га	0,4	0,5	1,0
Общественного скота, гол:			
Крупного рогатого скота	44	85	224
Свиней	15	35	98
Овец и коз	51	177	546
Тракторов (в пересчете на 15-сильные), шт	0,8	2,4	
В среднем на один совхоз			
Общественных посевов, тыс. га	2,4	2,8	2,6
Общественного скота, гол:			
Крупного рогатого скота	648	592	562
Свиней	344	459	500
Овец и коз	1305	1420	1530
Тракторов (в пересчете на 15-сильные), шт	23	24	26

Создание крупных сельскохозяйственных предприятий в 1930-е годы не привело к увеличению урожайности сельскохозяйственных культур (табл. 37). Урожайность основных сельскохозяйственных культур по сравнению с 1913 г. или снижалась, или оставалась на том же уровне. С 1934 г. на полях стали внедряться 4-7-польные севообороты, а с 1937 г. – 7-10-польные с посевом многолетних трав. Пропагандируемая травопольная система не нашла практического применения после коллективизации. Произошло снижение площади под чистым паром, зернобобовыми и засухоустойчивыми культурами, в частности, просом, резкое увеличение под зерновыми культурами.

Таблица 37 – Урожайность сельскохозяйственных культур (во всех категориях хозяйств, ц/га)

Сельскохозяйственные культуры	1913	1940	1951-55
Зерновые, в среднем	8,2	8,6	8,0
Пшеница озимая	10,0	10,1	11,7
Пшеница яровая	7,3	6,6	6,6
Рожь озимая	8,0	9,1	7,7
Ячмень яровой	9,1	10,8	8,8
Овес	8,9	8,3	7,2
Кукуруза на зерно	9,4	13,8	13,0
Гречиха	5,1	6,4	3,6
Просо	7,2	7,4	5,1
Рис	11,9	17,3	15,7
Зернобобовые	7,0	6,9	5,2
Хлопок-сырец	10,8	10,8	16,9
Сахарная свекла (фабричная)	168	146	154
Льноволокно	3,2	1,7	1,7
Подсолнечник	7,6	7,4	6,2
Картофель	76,0	99,0	81,0
Овощи	84,0	91,0	82,0

При отсутствии удобрений, низкой культуре земледелия это приводило к повышению засоренности полей, ухудшению почвенного плодородия. Из-за отсутствия хороших предшественников озимые не обеспечивали удовлетворительного сбора зерна.

За рассматриваемый период произошло снижение поголовья скота (табл. 38). В расчете на условную голову снижение составило в 1955 г. по сравнению с 1913 г. на 21,66 %. Особенно резко снизилось поголовье лошадей, что связано с неудовлетворительной кормой базой.

Таблица 38 – Поголовье скота (во всех категориях хозяйств, на 1 января, млн. голов в числителе и условные головы в знаменателе)

Виды скота	1916	1941	1946	1950	1955
Крупный рогатый скот	58,4/17,76	54,8/16,08	47,6/14,82	58,1/20,1	56,7/18,18
в т.ч. коровы	28,8/28,8	28,0/28,0	22,9/22,9	24,6/24,6	26,4/26,4
свиньи	23,0/6,9	27,6/8,28	10,9/3,27	22,2/6,66	30,9/9,27
овцы	89,7/8,97	80,0/8,0	58,8/5,88	77,6/7,76	99,0/9,9
козы	6,6/0,66	11,7/1,17	11,5/1,15	16,0/1,6	14,0/1,4
лошади	38,2/38,2	21,1/21,1	10,7/10,7	12,7/12,7	14,2/14,2
Всего – условных голов	101,29	82,63	58,72	73,42	79,35
%	100	81,6	57,97	72,48	78,34

Спор, возникший в 30-е годы XX в. между сторонниками травопольного земледелия и агрохимиками, носил скорее схоластический характер и

служил прикрытием бездеятельности практических работников. Анализ структуры посевных площадей показывает, что никакой травопольной системы земледелия на деле не существовало, за исключением отдельных хозяйств. Площади трав составляли ничтожную часть пашни. В 1958–1961 гг. они составляли в Мордовии 4,2–5,2 % от всей пашни, что, конечно, недостаточно, чтобы иметь в полевых севооборотах два поля под многолетними травами. В то же время, по данным Д. Н. Прянишникова, (1976) площади под клевером и клеверными парами в Германии и Бельгии составляли 10–12 %, во Франции, Италии и Дании – 20–27 %. Утверждения о том, что в колхозах и совхозах внедрялась в 30-е годы XX в. травопольная система земледелия – это миф, ведь в 1940 году в структуре посевных площадей травы даже не значились. Эти утверждения носили идеологический характер и успокаивали агрономическую общественность страны.

Следовательно, травопольная система на практике не нашла применения. Коренных изменений в структуре посевных площадей после коллективизации не произошло. Более того, наметились отрицательные тенденции: снизились площади под чистым паром, резко увеличились посевы под зерновыми культурами, картофелем, озимые культуры размещались по неудовлетворительным предшественникам.

Д. Н. Прянишников (1976) писал, что как только юные степи становились безопасными от нашествия кочевников, туда направлялась стихийная крестьянская колонизация, привлекаемая возможностью не тратить сил на корчевку и, не прибегая к навозному удобрению, получать хорошие урожаи. С возрастанием пашни на юге, сокращалась пашня на севере. Например, в Московской губернии посевы ржи в 1864 г. составляли около 400 тыс. га, в 1900 – около 220 тыс., а в 1916 г. – лишь 150 тыс. га (общая площадь пашни с 1 200 тыс. га уменьшилась до 460 тыс. га). В течение столетий на черноземах господствовало безнавозное хозяйство. Еще в 1830г. применение навоза под Харьковом считалось вредным, а когда потребовался навоз, то первоначально он действовал своим фосфором, а не азотом. Так, Харьковская станция в начале

XX в. наблюдала одинаковые 50-пудовые приросты урожая озимой ржи как от суперфосфата, так и от навоза, и нулевой прирост от селитры. Правда, это относилось к озимым культурам, которые размещались после богатого нитратами пара. Сахарная свёкла уже предъявляла спрос на азот. В XX в. уже зерновые стали реагировать на азот. В опытах Носовской и Сумской станций клевер оказался прекрасным предшественником зерновых. Позднее опыты Лебедянцева показали, что яровые хлеба сильно реагируют на азотные удобрения.

В нечернозёмной зоне роль азота также была оценена не сразу. При постановке опытов исходили из экономики существующего производства. Так, по рекомендации Тимирязева и Чупрова (агрономы Московского земства с 1908 г.) начали проводить опыты с минеральными удобрениями на крестьянских землях. В них селитру брали в ничтожных количествах, мотивируя это тем, что привозная селитра слишком дорога. Из-за этого минеральные удобрения не дали ожидаемого эффекта, что ошибочно объяснялось плохими физическими свойствами почв. Высокая стоимость удобрений и дешевизна хлеба явились причиной того, что минеральные удобрения в нашей стране не достаточно применялись.

Показателем того, как применялись минеральные удобрения в предвоенные годы и как внедрялась травопольная система, может служить баланс азота в стране. Характерной особенностью является большой дефицит азота по сравнению с другими странами. Возвращение азота в почву происходило, в основном, с навозом. Роль бобовых оказалась незначительной. Для сравнения: в 30-х годах XX в. фиксация азота с бобовыми в США составила 900 тыс. т. (или 19,6 %). В стране господства трехпольной системы земледелия (1960) фиксация азота бобовыми на посевах и сенокосах составила 501,6 тыс. т. (Юркин С. П., 1975).

В странах с развитой химической промышленностью в 30-е годы XX в. промышленность вовсе не являлась основным поставщиком азота.

Подавляющая часть его поступила с навозом и с бобовыми культурами, в том числе многолетними травами.

6.3. Охрана агроландшафтов

В начале 30-х годов XX в. борьба с эрозией почв в Среднем Поволжье сочеталась с борьбой с засухой. Среди мероприятий по борьбе с засухой и эрозией почв основное место отводилось агролесомелиоративным работам.

В постановлениях ЦК ВКП(б) от 18 февраля 1930 г. и СНК СССР от 21 марта 1930 г. было предусмотрено расширение лесомелиоративных работ в Средне-Волжском крае.

В постановлении СНК РСФСР от 30 апреля 1931 г. конкретизировались задачи агролесомелиоративных работ.

В постановлении СНК СССР от 31 июля 1931 г. «Об организации лесного хозяйства» указывалось, что в целях регулирования вырубки леса, лесовозобновления, улучшения водного режима рек, борьбы с обмелением рек Волги, Дона и Днепра, а также борьбы с оврагами и песками, в первую очередь, начиная с 1932 г. должны быть освобождены от перерубов лесные участки на водоразделах бассейнов рек Волги, Дона и Днепра. Далее отмечалось: «Для предохранения рек от обмеления признать леса в пределах километровой полосы по обе стороны среднего и нижнего течения рек Волги, Дона, Днепра, Урала водоохранными с полным запрещением их вырубки».

Установить следующие размеры соответствующих работ на вторую пятилетку: лесные защитные полосы – 350 тыс. га, укрепление и облесение горных склонов – 150 тыс. га, укрепление и облесение оврагов – 150 тыс. га, древонасаждение на неудобных землях – 600 тыс. га; укрепление техническими культурами – 250 тыс. га, питомники – 18 тыс. га (Собрание законов..., 1931, стр. 566–567).

Средне-Волжский крайком ВКП(б) и крайисполком в своем решении от второго сентября 1932 г. постановили выполнить за 1931–1937 гг.

следующие объемы: а) по мелиорации песков 154,2 тыс.; б) по мелиорации оврагов 1 77,7 тыс.; в) по созданию полевых защитных лесных полос 438 тыс. га с охватом ими 8 млн. га степи.

Постановлением Средне-Волжского крайисполкома от 11 апреля 1930 г. был создан в Средне-Волжском крае государственный агролесомелиоративный трест (Агролес). Средне-Волжское отделение «Агролеса» проводило агролесомелиоративные мероприятия на всей территории Средне-Волжского края через своих межрайонных прорабов – лесомелиораторов. При этом на землях хозяйств стоимость посадочного материала и технического обслуживания оплачивалась за счет государственного и местного бюджета. «Агролес» занимался укреплением, облесением сыпучих песков и действующих оврагов. Судя по докладу старшего прораба 1-го участка Средне-Волжского отделения Елисеева на съезде работников участка в г. Краснослободске методы заключались в следующем:

а) по пескам – в облесении их сосною, в использовании некоторых песчаных площадей под посевы кормовых трав и китайской редьки;

б) по оврагам – в укреплении их вершин водосборными канавами с валами без перемычек в целях задержания дождевых и снеговых вод с водосборной площади, облесении склонов, оврагов и обочин древесными и плодовыми породами;

в) по снегоборным лесным полосам – в закладках их на полях в таком порядке, чтоб поле чередовалось с лесом, что способствует увлажнению почвы и дает перегной от падающей листвы.

В связи с все более возрастающими размерами агролесомелиоративных работ в Среднем Поволжье, в начале октября 1931 г. Средне-Волжское отделение «Агролеса» было реорганизовано в трест союзного значения – Государственный Средне-Волжский агролесомелиоративный трест «Союзагролестрест» или «Агролестрест».

Территория Средне-Волжского края была разделена на несколько межрайонных производственных участков Агролестреста: Оренбургский,

Самарский, Бугурусланский, Ульяновский, Пензенский, Сызранский и Мордовский (Вишневский Н. Г., 1931).

Для выращивания необходимого посадочного материала «Агролестрест», имел 12 собственных питомников: Ульяновский, Мелекесский, Сызранский, Бугурусланский, Бузулукский, Б. Глушицкий, Гамалаевский, Самарский, Пачелмский, Ковылкинский, Серноводский и Ардатовский.

В декабре 1934 г. трест «Агролестрест» был ликвидирован и все работы по лесомелиорации и питомники были переданы Управлению лесов местного значения и лесонасаждений при Средневолжском крайзу. За 1930–1936 гг. было укреплено оврагов на площади 9 399 га, облесено песков на площади – 8 732 га, посажено полезащитных лесных полос – 8 981 га. Всего противоэрозионные работы были выполнены на площади 27 112 га.

В 1936 г. 4–7 марта в Почвенном институте им. В. В. Докучаева АН СССР было проведено первое Всесоюзное совещание по борьбе с эрозией почвы. В целях своевременного включения противоэрозионных мероприятий в план сельскохозяйственных работ и контроля за их рациональным проведением и в связи с новизной эрозионной проблемы и недостатком соответствующих кадров, совещание признало желательным организовать при наркомземе СССР специальную комиссию по борьбе с эрозией.

Для изучения процессов водной и ветровой эрозий были организованы Почвенным институтом АН СССР почвенно-эрозионные экспедиции сначала самостоятельно, а затем, начиная с 1939 по 1941 гг., в составе комплексной экспедиции Академии наук, в работах которых кроме Почвенного института, приняли участие Ботанический институт АН СССР, Географический институт АН СССР, Всесоюзный институт агролесомелиорации (ВНИАЛМИ), кафедра почвоведения Тимирязевской сельскохозяйственной академии и местные специалисты (Соболев С. С., 1939). Эти исследования предприняты для составления почвенно-эрозионной карты европейской части СССР. За период с 1939 по 1941 гг. почвенно-эрозионный отряд экспедиции прошел по европейской части СССР около 23 000 км. При этом маршруты экспедиции пересекли Ковылкино, Краснослободск, Саранск, Ульяновск, Чембар, Пензу, Городище, Кузнецк, Тереньгу.

Летом 1939 г. были проведены детальные почвенно-эрозионные, а также агроэкономические исследования с составлением почвенно-эрозионной, геоботанической и геоморфологической карт. Было установлено, что на склонах в 3–4° на черноземах смыв от ливневых дождей достигает 10–50 т/га (Соболев С. С., 1939, 1948).

Следовательно, в этот период велась организационная работа, но широких практических работ не проводилось. В начале 40-х годов XX в. в связи с Великой Отечественной войной противоэрозионная работа практически не велась.

В 1948 г. было принято историческое постановление ЦК ВКП (б) и Совета Министров СССР от 20 октября 1948 г. «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрении травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР».

В этом постановлении предусматривался колоссальный по своим размерам план по созданию на полях сельскохозяйственных предприятий полезащитных, приовражных и прибалочных лесных полос и насаждений на песках. Согласно государственному плану на полях колхозов и совхозов в 1949–1965 гг. надо было создать защитные лесные полосы на площади 5 709 тыс. га, из них силами и средствами колхозов с помощью государства на площади 3 592,5 тыс. га (Коваль Т. А., 1949).

Для укрепления облесения таких значительных площадей, которые были намечены постановлением местных партийных и советских органов, требовалось, вырастить огромное количество посадочного материала. Для этих целей была создана сеть специальных государственных питомников Министерства лесного хозяйства, Министерства сельского хозяйства и Министерства совхозов. Лесозащитные станции, организованные для механизации трудоемких работ по защитному лесоразведению были созданы на территории Мордовии: Ичалковская, Саранская, Темниковская, Зубово-Полянская. На территории Ульяновской области: Мелекесская, Б.-

Ногаткинская, Верхнемазинская, Барышская, Кузоватовская, Карсунская, Ташлинская. На территории Пензенской области: Кузнецкая, Кромшинская, Мало-Сердобская.

В целях обеспечения выполнения задач по созданию государственных полос, а также по защитных колхозных и совхозных лесных полос и осуществления контроля за этим делом, решением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. было создано Главное управление по защитного лесоразведения при Совете Министров СССР.

В 1949–1955 гг. на территории Пензенской, Ульяновской областей и Мордовии было предусмотрено строительство 1 426 прудов и водоемов. На рассматриваемой территории за период с 1949 по 1956 гг. было создано по защитных лесных полос на площади 40 433 га, овражно-балочных – 12 954 и насаждений на песках – 12 360 га.

Таким образом, общество принимало меры по борьбе с эрозией и засухой с охватом большой территории. Но рассматриваемый период (1930–1955 гг.) не привел к интенсификации земледелия. Не прекращалась деградация почвенного плодородия. Баланс гумуса и элементов питания был отрицательным.

Литература

1. Безнин М. А., Димони Т. М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история, 2002, № 2. С. 96–111.
2. Бруцкус Б. Д. Советская Россия и социализм. СПб., 1995.
3. Бухарин Н. И. Путь к социализму. - Новосибирск: Наука, 1990. – 494 с.
4. Великобритания. Стат.сб. - М., 1989. - 78 с.
5. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву. М., 1992.
6. Вишневский Н. Г. Пески и овраги Средне-Волжского края. М.-Самара, 1931.
7. Волкогонов Д. *Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина.* – М.: Новости. – 1990. – Т.2. – 688 с.
8. Гордон Л. А., Клопов Э. В. *Что это было?: Размышления о предпосылках того, что случилось с нами в 30–40-е годы.* М., 1989.
9. Грациози А. *Великая крестьянская война в СССР: Большевики и крестьяне, 1917 – 1933.* М., 2001.

10. Данилов А. А., Пыжиков А. В. *Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы*. М., 2001.
11. Данилов В. П., Зеленин И. Е. *Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии* // *Отечественная история*, 2004, № 5. С. 97–111.
12. Загуменный С. И. – Сталину И.В. и Сырцову С.И.: Письмо // *Известия ЦК КПСС*. – 1992 – № 5 – С. 199–210.
13. Земсков В. Н. *Кулацкая ссылка в 30-е годы* // *Социологические исследования*, 1991, № 11. С. 3–16.
14. Зима В. Ф. *Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия*. М., 1996.
15. История Мордовской АССР. – Саранск, 1981. – Т.2 – 432 с.
16. Карпов Н. *Аграрная политика Столыпина*. – Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1925.
17. Коваль Т. А. *Борьба с засухой*. М., 1949.
18. Ковда В. А. *Прошлое и будущее чернозема* // *Русский чернозем*. – М., 1988. – С. 253–280.
19. Кондратьев Н. Д. *Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции*. – М., 1991. – 487 с.
20. Кондрашин В. В., Пеннер Д. *Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани)*. Самара, Пенза, 2002.
21. Лаптев И. *Новый устав сельскохозяйственной артели в свете учения Ленина и Сталина* // *Социалистическая реконструкция сельского хозяйства*. – 1935. – № 7 (1). – С. 50–60.
22. Малиа М. *Советская трагедия: История социализма в России. 1917 – 1991*. М., 2002.
23. Малафеев А. Н. *История ценообразования СССР*. М., 1964.
24. *Мордовская АССР за годы Советской власти: Стат.сб.* – Саранск, 1967. – 196 с.
25. *Народное хозяйство Мордовской АССР за годы девятой пятилетки 1971–1975 годы*. – Саранск, 1976. – 208 с.
26. *Народное хозяйство СССР в 1977 г.* – М.: Статистика, 1977.
27. *Народное хозяйство СССР в 1922–1982 гг.* – М.: Статистика, 1982.
28. *Народное хозяйство СССР за 70 лет*. – М.: Статистика, 1987.
29. Осокина Е. А. *За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941*. М., 1991.
30. Осокина Е. А. *Советская жизнь: обыденность испытания (на примере истории Торгсина и ОГПУ)* // *Отечественная история*, 2004, № 2. С. 113–124.

31. Платформа «Союз марксистов-ленинцев» («Группа Рютина») // Известия ЦК КПСС. – 1990. – №9. – С. 200–207; № 10. – С. 165–183; № 11. – С.161–186.
32. Письмо: С. И.Загуменный – И. В. Сталину и С. И. Сырцову от 19 января 1928 г. Известия ЦК КПСС. № 5. 1991. – С. 100–208.
33. *Преображенский Е. А.* Новая экономика: Опыт теоретического анализа советского хозяйства. Т. I, ч. 1. М., 1926.
34. Протокол № 53/6 заседания бюро Сибкрайкома ВКП(б) совместно с тов. Сталиным и представителями заготовительных и других организаций (18 января 1928 г.) // Известия ЦК КПСС. – 1991. – № 5. – С. 197–198.
35. *Прянишников Д. Н.* Азот в жизни растений и в земледелии СССР // Избр. тр. – М.: Наука, 1976. – С. 17–196.
36. Россия нэповская / Под ред. А. Н. Яковлева. М., 2002.
37. *Симонов Н. С.* «Крепить оборону страны Советов»: «Военная тревога» 1927 года и её последствия // Отечественная история, 1996, № 3.
38. *Соболев С. С.* Эрозия на территории Европейской равнины СССР (Отчет о работах почвенно-эрозионного отряда экспедиции АН СССР по Европ. равнине СССР за 1939 г. Рукописный фонд Почвенного института им. В. В. Докучаева.
39. *Соболев С. С.* Развитие эрозионных процессов на территории европейской части ССР и борьба с ними. Т.1. М.-Л. 1948.
40. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза ССР, издаваемые Управлением делами Совнаркома СССР и Совета Труда и Оборона. 6 августа 1931 г., № 46. НСБ ЦГА МАССР.
41. Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1948.
42. *Сталин И. В.* Собр. соч. – Т. 10. – С. 196, 256.
43. *Сталин И. В.* Собр. соч. – Т. 11. – С. 10, 171, 245–290.
44. *Сталин И. В.* Собр. соч. – Т. 12. – С. 145, 191–200.
45. *Сталин И. В.* Собр. соч. – Т. 13. – С. 245.
46. *Сталин И. В.* Выступление на закрытом бюро Сибкрайкома ВКП(б) 20 января 1928 // Известия ЦК КПСС. – 1991. №6. – С. 203–212.
47. Стенографический отчет Пленума ЦК КПСС (июль 1953) // Известия ЦК КПСС. – 1991. – № 1. – С. 140–214.
48. *Строев Е. С.* Крестьянин – это образ жизни // Правда. – 1990. – 22 мая.
49. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне: Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

50. *Чаянов А.* Краткий курс кооперации. – М.: Центральное товарищество «Кооперативное издательство», 1925. – С. 4–12.

51. *Чесняк Г. Я.* и др. Гумусовое состояние черноземов // Русский чернозем. – М.: Наука, 1988. – С. 191.

52. *Юркин С. П.* Баланс азота, фосфора и калия в условиях интенсификации земледелия. – М.: Всесоюз. НИИ и техн.-эконом, исслед. по с.-х., 1975. – 108 с.

ГЛАВА 6. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ПОЗДНЕГО СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: РЕФОРМЫ, СТАБИЛИЗАЦИЯ, КОНСЕРВАЦИЯ

После 1945 г., окрылённый военными успехами, Советский Союз продолжал развиваться в рамках военно-промышленной модели догоняющего развития. На 1950-е – 1960-е годы приходится апогей его могущества. В этот период единственный раз в истории Россия находилась приблизительно на одном технологическом уровне со странами Западной Европы и Северной Америки. Однако паритет носил исключительно технологический характер. Во многих других сферах, в частности в динамизме и гибкости самой экономической системы, уровне жизни, качестве управления и политической системы, Россия серьёзно уступала передовым странам. Рыночная модель, безусловно, создавала более благоприятные условия для интенсивного экономического развития, чем сверхмонополизированная советская экономика. Однако в тот период это отставание не очень бросалось в глаза. Сказывалось то обстоятельство, что господствовавшая тогда в Западной Европе и Северной Америке фордистско-кейнсианская модель сама широко прибегала к государственному регулированию и перераспределению доходов. Дифференциация потребительского спроса в этих странах делала лишь первые шаги. Не случайно поэтому, что тогда многие в США и в Западной Европе всерьёз опасались, что советская модель является более конкурентоспособной.

Само советское руководство гораздо лучше знало слабые места своей экономики, связанные с чудовищной монополизацией и административным

ценообразованием (отсутствие эффективной экономической мотивации у предприятий, экстенсивный характер экономического роста, отторжение инноваций, пренебрежение качеством, высокая себестоимость). Особенно они были заметны в отраслях не связанных напрямую с обслуживанием военных нужд страны. Действительно мощный научный потенциал страны использовался исключительно в интересах ВПК, способствуя сокращению конечного потребления, а не увеличению его. Предприятия же отраслей, ориентированных на потребительский спрос, даже не пытались обновлять технологию и ассортимент готовой продукции. Величайшая эффективность, достигнутая в 1930-е – 1940-е годы за счёт интенсивнейшей мобилизации, т.е. благодаря самой нещадной эксплуатации ресурсов общества со стороны государства, стала уступать место сложнейшим проблемам. Не случайно, что весь этот период правительства Хрущёва и раннего Брежнева проводят экономические реформы, пытаясь преодолеть застойные явления и повысить эффективность советской экономики. Конечно, эти реформы пока не выходят за рамки уже сложившейся экономической модели.

Ситуация резко меняется в 1970-е годы. Рубеж 1960-х – 1970-х годов был ознаменован началом революции в микроэлектронике. Именно этот прорыв положил начало резкому пересмотру соотношения сил между отраслями. Новая технология открыла широкие резервы для снижения ресурсоёмкости промышленного производства, что в перспективе приводит к значительному сокращению вклада обрабатывающих отраслей в добавленную стоимость промышленных изделий. Доля промышленности в ВВП североамериканских и западноевропейских стран, равно как и доля занятых в ней работников, начинает быстро сокращаться. В то же время уверенно растёт значение сферы услуг, особенно НИОКР, что приводит и к росту цен на интеллектуальную продукцию. В Западной Европе и Северной Америке в этих условиях начинается постиндустриальная трансформация, которая приводит впервые в мировой истории к ситуации, когда нематериальное (интеллектуальное) производство начинает доминировать над материальным.. Её ускоряют

мировые энергетические кризисы 1973 – 1975 и 1979 – 1981 гг., первоначально приведшие к росту производственных издержек в обрабатывающей промышленности. Это становится, с одной стороны, дополнительным стимулом к снижению энергоёмкости промышленного производства. С другой стороны, передовые страны начинают активно выносить промышленное производство в развивающиеся, а сами сосредотачиваются на выпуске самого дорогостоящего, что есть в современной экономике - интеллектуальной продукции (конструкторских разработок, технологии, программного обеспечения и т.п.). Западная Европа и Северная Америка из мастерской мира превращаются в мировой научно-исследовательский институт.

Совсем в другом направлении развивается с этого времени Советский Союз. Энергетические кризисы оказывают на него следующее воздействие:

а) меняется сам характер экономической системы. Теперь это уже не страна догоняющей индустриализации. СССР стремительно превращается в сырьевой придаток, экспортирующий сырьевые и энергетические ресурсы и получающий взамен очень многое из необходимого для жизни – от передового промышленного оборудования и потребительских товаров до продовольствия и комбикорма. Пользуясь удачной мировой конъюнктурой, Россия получает сверхдоходы от экспорта сырья и энергоносителей, покупая на них за рубежом потребительские товары, зерно, промышленное оборудование. В 1970-е – 1-й половине 1980-х годов СССР получает от экспорта нефти более 170 млрд. долл. (Goldman, 1992, p. 49). Доля топлива и электроэнергии в советском экспорте вырастает с 1970 по 1982 г. с 15,6 до 52,3%, а доля машин и оборудования падает с 21,5 до 12,9%. (Иноземцев, 2000, с. 239). Только в 1980-е годы СССР завозит из-за рубежа около 375 млн. т зерна. (Иноземцев, 2000, с. 239). Импорт оборудования начинает определять условия работы многих отраслей русской экономики. Только в 1980 году СССР закупает за рубежом оборудования для пищевкусовой промышленности на 701 млн. долл., для текстильной – на 604 млн., для химической – на 1916 млн., для строительства трубопроводов – на 218 млн. долл. (Гайдар, 2006, с. 217). В 1984 г. поставки импортных промышленных

товаров в розничную торговлю СССР составляют 27,1 млрд. рублей, в 1985 г. – 33 млрд. руб., в 1986 г. – 30,2 млрд. рублей. (Гайдар, 2006, с. 239).;

б) взлёт мировых цен на нефть явился главной причиной сворачивания экономических реформ. Теперь советскому руководству, равно как и тем социальным слоям, что представляли собою его опору, реформы становятся совершенно не нужными. Все проблемы теперь можно не решать, а класть в долгий ящик, используя высокие доходы от экспорта. Стало возможным повышать за счёт этого уровень жизни населения, осуществлять колоссальные вливания в проблемные отрасли, не обращать внимания на крайнюю неэффективность производства и управления, закупать за рубежом необходимые ресурсы и потребительские товары, снимать за счёт широких социальных гарантий и повышения уровня жизни социально-политическую напряжённость в колониях и у сателлитов;

в) новая ситуация делает советскую экономику ещё более враждебной инновациям и неконкурентоспособной. Это становится заметным даже в самых передовых отраслях. Американский социолог Д.Белл как-то отметил, что в США наиболее передовые умы поняли, что СССР проиграл в «холодной войне» ещё в 1975 г., когда вернувшиеся с орбиты американские астронавты, побывавшие на советском космическом корабле «Союз», рассказали насколько отстала Россия в области внедрения микроэлектроники даже в такой передовой отрасли, как космонавтика. С этого времени начинает постепенно нарастать отставание СССР и в разработке новейших систем вооружения, требовавших всё более широкого применения достижений микроэлектроники. Если же говорить о других отраслях, то в них также происходит консервирование сложившейся структуры производства. Не внедряются ресурсосберегающие технологии. В 1988 г., например, СССР тратил на производство единицы ВВП в 16 раз больше энергии, чем индустриальная Япония. (Human Development Report 1999, 1999, p.201 – 202). Конкурентоспособность выпускавшейся с помощью этой энергии продукции оставляла желать лучшего. В 1988 г. конкурентоспособными на мировом рынке, по оценке союзных министерств,

были лишь 12% изделий отечественного машиностроения, да и то после соответствующей предпродажной подготовки. Советские специалисты считали, что 62% изделий, направляемых на внешний рынок, морально устарели. В 1-й половине 1988 г. на экспортируемую продукцию машиностроения поступило свыше 194 тыс. рекламаций из-за рубежа. (Социалистическая индустрия, 1989, 28 февраля);

г) высокие доходы от экспорта нефти и газа создают условия для наращивания военных расходов, способствуют росту безответственности и авантюризма во внешней политике. Здесь особая роль принадлежала военно-промышленному лобби. С 1960 по 1987 г. СССР потратил на военные нужды около 4,6 трлн. долл., или, по разным оценкам, от 15 до 30% ВВП, что в 3,5 – 4 раза превышало аналогичную долю для США и почти в 40 раз – для Японии. (Иноземцев, 2000, с. 237). СССР с рубежа 1970-х – 1980-х годов вновь ввязывается в гонку вооружений с США, расширяет свою внешнеполитическую активность по всему миру, растрачивая ресурсы на поддержку всевозможных союзных режимов. Главной же внешнеполитической авантюрой становится вторжение в Афганистан.

«Сладкая жизнь» в СССР заканчивается с резким падением цен на нефть в 1985 – 1986 гг. Не на что стало закупать продовольствие, оборудование, потребительские товары, поддерживать низкие розничные цены, содержать гигантскую армию, поддерживать лояльность колоний и сателлитов. Обнажилась крайняя неконкурентоспособность советской экономической системы. Реформы, свёрнутые в начале 1970-х годов, приходилось начинать вновь в гораздо менее благоприятных условиях. Но правительство М.С.Горбачёва ещё долго не решается взять курс на рыночную трансформацию, понимая, насколько непопулярным будет такой поворот в условиях, когда общество привыкло к достаточно высокому уровню жизни. Вместо серьёзных реформ оно ещё долго будет проводить курс на латание прорех за счёт иностранных кредитов. С 1985 по 1989 г. советский внешний долг вырастет с 18,3 млрд. долл. до 43,8 млрд. долл. (Ослунд, 1996, с. 68 –

71). В конечном счёте, именно обвал нефтяных цен в середине 1980-х годов станет тем спусковым крючком, который приведёт к краху прогнившей советской экономической системы и распаду СССР.

7.1. Сельское хозяйство России в эпоху «хрущёвской оттепели» (1953–1964 гг.): от освоения целины к идеям интенсификации

К началу 1950-х гг. сельское хозяйство являлось самым слабым звеном советской экономической системы. Политика сталинского режима, ориентированная на финансирование форсированной индустриализации за счёт деревни, на максимальное изъятие продовольствия и сельскохозяйственного сырья из деревни по ценам ниже себестоимости без сколько-нибудь заметных капиталовложений, привела к глубочайшему кризису сельского хозяйства. Крайне низкая производительность в колхозах и совхозах (к примеру, лишь в начале 1950-х гг. урожаи зерна в СССР достигли уровня 2-й половины 1920-х гг.), утрата вследствие утверждения на селе полукрепостнической системы хозяйства эффективных стимулов к развитию, эрозия трудовой этики в крестьянской среде, глубокая нищета сельского населения, нарастающее бегство селян в города, несмотря на мощную систему ограничений, – вот основные черты этого кризиса.

К 1953 г. – моменту смерти И. В. Сталина – слабость сельского хозяйства стала очевидной. Продолжение прежней политики привело бы к тому, что аграрный сектор оказался бы не в состоянии обеспечить даже на существующем весьма скромном уровне растущие потребности городов в продовольствии.

В это время дискуссии в руководстве страны шли не о том, надо ли увеличить средства, направляемые на развитие сельского хозяйства. С необходимостью этого соглашались все. Стержнем разногласий был вопрос о приоритетах расходования средств. Обсуждались два варианта: направить дополнительные ресурсы в традиционные аграрные районы или начать широкомасштабное освоение целинных и залежных земель.

Интенсивное развитие старых аграрных районов, разорённых десятилетиями советской аграрной политики, требовало либерализации сельской экономики, повышения материальной заинтересованности крестьян в развитии личных подсобных хозяйств, коренного пересмотра принципов организации крупных сельскохозяйственных предприятий (колхозов и совхозов). Без подобного подхода увеличение капиталовложений в сельское хозяйство дало бы очень ограниченный эффект.

В 1953–1958 гг. правительство решилось на ряд ограниченных, непоследовательных шагов в этом направлении, способствовавших ликвидации самых одиозных проявлений сталинской аграрной политики, решению наиболее острых проблем экономического и социального развития деревни. Крестьянству, работникам совхозов и МТС предоставлялась большая самостоятельность в планировании и управлении производством, внедрялся принцип материальной заинтересованности в труде, началась паспортизация деревни. Была изменена система оплаты труда колхозников: рекомендовано выдавать ежеквартально денежные авансы в размере 15 % от реализованного скота и продукции животноводства на все трудодни, выработанные в истекшем квартале. В марте 1956 г. было принято решение о ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда. В сентябре 1953 г. на пленуме ЦК КПСС принимается решение об освобождении приусадебных крестьянских хозяйств от мясопоставок и списании с них задолженности прошлых лет по поставкам. А в июле 1957 г. происходит полная отмена обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству подсобными хозяйствами колхозников, рабочих совхозов и горожан.

Подобные меры привели к заметному росту производственной активности частного сектора в сельском хозяйстве. Часть продукции ЛПХ реализовывалась на рынке, большая же часть шла на собственное потребление. Выросли доходы крестьян, уровень потребления населения. В 1959 г. ЛПХ колхозников производили от 50 до 80 % валовой продукции молока, мяса,

картофеля, овощей и яиц колхозного сектора. (ЦХСД, ф. 5, оп. 45, д. 310, лл. 69–71).

Однако уже с конца 1958 г. правительство предпринимает новое наступление на частный сектор. Летом 1959 г. горожанам было запрещено содержать скот из-за опасений того, что горожане слишком много дешевого хлеба скармливают скоту. Фактически колоссальному нажиму подверглось и ЛПХ колхозников. Скот изымался у них за бесценок и сдавался в счет выполнения обязательств колхозов по мясозаготовкам. От рабочих совхозов требовали сдать скот в течение нескольких месяцев, угрожая лишением их выпасов. Местные власти подталкивались к подобным действиям выдвинутой в 1957 г. Н. С. Хрущевым программой «догнать и перегнать Америку» по производству мяса, молока и масла на душу населения.

Подобная смена правительственного курса не замедлила сказаться на экономических показателях личных подсобных хозяйств. Происходит падение поголовья скота в ЛПХ, объемов производства и удельного веса ЛПХ в производстве животноводческой продукции. Это стало одной из причин продовольственных проблем 1962–1963 гг., заставивших правительство пойти на повышение розничных цен на мясомолочные продукты.

Однако главным направлением решения продовольственных проблем страны было признано освоение целинных и залежных земель. Такой подход представлялся руководству страны наиболее перспективным. Он позволял по их замыслу чрезвычайно быстро удовлетворить продовольственные потребности страны, создав крупные совхозы, направив туда значительные капиталовложения и часть потока трудовых ресурсов, текшего из деревни в город. В условиях военного противостояния двух сверхдержав, чрезвычайно низкой в большинстве хозяйств культуры земледелия, слабого развития химической индустрии, бюрократизации аппарата управления лишь освоение целинных земель давало быструю отдачу и позволяло хотя бы на время снять остроту продовольственной проблемы. Ведение хозяйства на интенсивной основе

требовало больших материальных затрат, а также огромного временного отрезка для накопления опыта и знаний. Таких возможностей у советской экономики в тот период не было. Военно-политическая обстановка 50-х годов не позволяла значительного перераспределения ресурсов за счет ВПК и тяжелой индустрии в целом. (Шестаков, 2006, с. 114–116).

За короткий период с 1954–1962 гг. было распахано 41,8 млн. га земель. В том числе 16 млн. га в Российской Федерации. Освоение целины имело огромное социально-экономическое значение для страны. Оно позволило решить продовольственную проблему для населения, которая являлась в тот период чрезвычайно острой. Из целинных районов государству стало поступать в среднем 40 % заготавливаемого хлеба, а в урожайные годы – от 50 до 60 %. Среднегодовые сборы зерна в СССР выросли по сравнению с началом 1950-х гг. с 80,9 до 113,2 млн. т. (Зеленин, 2000, с. 83). Но через несколько лет после массовой распашки земель, на освоенных землях юга западной Сибири и в Казахстане разразилась катастрофа в виде грандиозного «пыльного котла». Безусловно, эта катастрофа была вполне закономерной. В 1930-х годах массовая распашка многих миллионов гектаров целины в прериях привели в США к широкому развитию эрозии. Эрозия почв была признана в США после этого национальным бедствием. Поэтому после 1958 г. урожаи на целинных землях перестали расти. Критическим же здесь стал неурожай 1963 г., после которого советское правительство впервые вынуждено было пойти на крупномасштабные импортные закупки хлеба.

Другой важнейшей причиной кризиса снабжения стал опережающий рост объемов потребления продовольствия в СССР. Во 2-й половине 1950-х – 1-й половине 1960-х гг. резко ускоряются процессы урбанизации в стране. Этому способствовали не только начавшаяся с 1958 г. паспортизация сельского населения, облегчившая передвижение крестьян по стране, но и последствия многих решений правительства в аграрной сфере (реорганизации МТС, ущемления интересов владельцев приусадебных хозяйств, сселения деревень, преобразования колхозов в совхозы). На протяжении 1960–1964 гг. из деревни в

город перебралось почти 7 млн. селян. При этом абсолютное большинство мигрантов из деревни в города составила молодёжь. В 1961 г. численность городского населения в СССР впервые превысила численность сельского. (Население, 1988, с. 8). Следует учитывать и значительный рост уровня потребления продовольственных продуктов как горожанами, так и селянами в предшествующие Соревнование двух сверхдержав в военной области вело к отвлечению огромных финансовых потоков. В результате сельскохозяйственное производство всё более и более отставало от потребностей населения в продовольствии. Не удовлетворяло оно и потребности животноводства в кормах.

Понимая растущее отставание сельского хозяйства, руководство страны руководство страны в конце 1950-х – начале 1960-х гг. прибегает к традиционным методам административного нажима. С 1957 г. начинается обширная реорганизация колхозной системы: произошло объединение колхозов. Их общая численность сократилась по сравнению с 1950 г. почти в 2 раза. Одновременно происходило преобразование колхозов в совхозы, и за это время площадь совхозных земель удвоилась. (Малиа, 2002, с. 350). Эти мероприятия предпринимались в русле общемирового процесса, направленного на создание крупных механизированных хозяйств.

Активизируется в этот период и вмешательство государственных и партийных органов в работу сельскохозяйственных предприятий, что прямо противоречило решениям середины 1950-х гг. Перестраивается и система управления сельским хозяйством. Создаются производственно-территориальные управления, а областные организации делятся на промышленные и сельские. Все это сопровождается ростом бюрократического аппарата.

Негативное воздействие на развитие сельского хозяйства оказывал и ряд плохо продуманных решений правительства. В конце 1950-х гг. Н. С. Хрущев начал менять травопольную систему земледелия на пропашную. При этом варварски уничтожались посевы многолетних трав. Главное внимание уделялось

расширению посевных площадей под кукурузой. Пропашная система характеризуется большей энергоемкостью, универсальной химизацией, активным использованием мелиоративных приемов, удобрений, химических средств защиты растений, предусматривает воздействие на почву механической обработкой. Она объявлялась единственно верной, пригодной во всех зонах и для любых почв. Но и ее не смогли широко внедрить в практику. Идеи Н. С. Хрущева о широком распространении посевов кукурузы опережали время, и они не были поняты его современниками. В настоящее время селекционерами созданы ранние сорта кукурузы, способные давать 5-6 тонн зерна с гектара в Нечернозёмной зоне.

В результате ошибок, допущенных в 1960-е гг. XX в., кормление животных стало нерациональным, что породило зерновой кризис. Во-первых, недостаточно использовался пастбищный корм: собранный в одно место скот вытаптывал ближние пастбища, а находившиеся в отдалении оставались вне эксплуатации. Во-вторых, структура посевных площадей не обеспечивала корма белком. В-третьих, зерно пускалось на корм скоту и птице без предварительной обработки, отчего расход его был в 4 раза выше, чем на продовольственные цели.

В. П. Нарциссов (1976) отмечал, что причиной неудач были шаблонный подход к ее проектированию и освоению, отсутствие учета природных условий и материально-технических возможностей. Большинство хозяйств, стремясь ввести пропашную систему (1955–1964 гг.), технически не были к этому готовы, вследствие чего не обеспечивался необходимый уровень интенсивности земледелия. Посевы зарастали сорняками, а урожаи были невысокими. Распашка площадей многолетних трав привела к усилению водной и ветровой эрозий. Кроме того, уменьшилась доля дешёвого корма в рационе животных. Кормление стало несбалансированным, с преобладанием зерна. Сокращение грубых кормов (сена, зеленой массы) дало толчок зерновому кризису в стране.

В 1958 г. была проведена ликвидация машинно-тракторных станций, служивших главной опорой партийного контроля в деревне. Их техника была продана колхозам. Данный шаг был призван обеспечить большую степень экономической самостоятельности колхозов. Однако на практике реализация этой реформы привела к ухудшению положения колхозов. Затраты на приобретение техники легли тяжёлым бременем на колхозные бюджеты. Многие из высококвалифицированных работников МТС, не желая снижать свой социальный статус и доход и становиться колхозниками, не последовали за своими агрегатами, а предпочли перебраться в город. Была подорвана ремонтная база МТС. В итоге колхозы стали использовать новоприобретённое оснащение ничуть не эффективнее, чем МТС.

В 1953–1959 гг. повышаются в 3 раза закупочные цены на сельскохозяйственные продукты, а по отдельным продуктам – в 10–12 раз. Проводя повышение закупочных цен правительство рассчитывало создать новые стимулы для роста сельскохозяйственного производства. В 1962 г. правительство Н.С.Хрущёва, проводя очередное повышение закупочных цен на животноводческую продукцию, предпочло переложить расходы по этому мероприятию на плечи населения. Одновременно были повышены на 35% розничные цены на эти товары. Это немедленно вызвало волну протестов горожан, самым примечательным событием которой стали волнения в Новочеркасске (Ростовская область), кроваво подавленные войсками 2 июня 1962 г. Но данное решение не смогло уже предотвратить кризиса снабжения, наступившего через год.

В распоряжении у хозяйств практически не оставалось зерна для самостоятельной реализации его на рынке после выполнения плана хлебозаготовок. Колхозы и совхозы не могли распоряжаться произведенной продукцией: государство забирало продукт с самой низкой добавленной стоимостью – сырье. Хозяйства были вынуждены продавать без переработки зерно, молоко, мясо. Перерабатывающих цехов, сушильных участков в них не было.

Укрупнение колхозов и концентрация людей, скота, машин в центральных усадьбах привели к тому, что ранее активно использовавшиеся угодья (пашня, сенокосы, пастбища и др.) перешли в разряд малоценных вследствие удаленности их от людей и скота. Органические отходы производства вместо естественного возврата в почву из-за экономически невыгодных перевозок на значительные расстояния скапливались в центре, загрязняя окружающую среду.

Кризис снабжения 1963 г. оказался болезненным ударом по аграрной политике хрущёвского режима. Для решения продовольственного вопроса правительство пошло на крупномасштабные импортные закупки зерна. Было куплено за рубежом 9,4 млн. т. хлеба – около 10 % валового урожая. На эту операцию была израсходована 1/3 золотого запаса страны. (Пыжиков, 2002, с. 161). С этого времени импорт продовольствия в России становится обычным явлением. (Гайдар, 2006, с. 172–173).

Кризис 1963 г. привёл к началу пересмотра аграрной политики советского режима. С конца 1963 г. правительство всё больше внимания начинает уделять интенсификации аграрного производства. На декабрьском (1963 г.) пленуме ЦК КПСС обсуждаются проблемы ускоренного развития химической промышленности как основы подъёма сельского хозяйства. На следующем пленуме в феврале 1964 г. провозглашается курс на интенсификацию сельского хозяйства (применение удобрений, развитие орошения, комплексная механизация, внедрение достижений науки и передового опыта). В сентябре 1964 г. создаётся Птицепром – первое общесоюзное агропромышленное объединение. 15 июля 1964 г. впервые в истории России на колхозную деревню распространяется система социального обеспечения: вводятся пенсии по старости для колхозников. В последний год правления Н. С. Хрущева резко увеличиваются капиталовложения в сельское хозяйство.

Перечисленные шаги никак не затрагивали основы советской модели развития сельского хозяйства.

7.2. Научное обеспечение новой аграрной политики

Решение крупных национальных проблем было невозможно без их научного обоснования. В стране были созданы национальные и зональные научные школы, способные решать поставленные задачи.

В 1960-е годы была создана мощная, хорошо налаженная система селекции и семеноводства с учетом региональных условий. Подобной сети не имело ни одно другое государство. Выведение новых сортов было сосредоточено в селекционных центрах. На огромных площадях внедрялись шедевры селекции – сорта пшеницы Безостая 1, Мироновская 808, Саратовская 29. Безостая 1 стала самой распространенной в мире. Она давала ежегодно до 2,5–3,0 млн. т дополнительного зерна. Только сорта яровой пшеницы, выведенные в НИИСХ Юго-Востока, оценивались в те годы в 1 млрд. руб. Прибыль от их возделывания полностью возмещала все затраты на сельскохозяйственную науку. В области селекции сельскохозяйственных культур были созданы ценные сорта, характеризующиеся высокой урожайностью и другими отличными биологическими признаками. Выдающиеся результаты по созданию новых сортов озимой пшеницы, с высокими мукомольно-хлебопекарными качествами, были достигнуты академиками П. П. Лукьяненко и В. Н. Ремесло. Автором и соавтором 14 сортов яровой пшеницы была Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии В. Н. Мамонтова. С именем выдающегося селекционера – академика В. С. Пустовойта связано возникновение нового направления в селекции подсолнечника – высокая масличность и заразоустойчивость. Выдающийся вклад в выведение новых сортов сахарной свеклы внес академик А. Л. Мазлумов.

Была разработана и находила широкое практическое применение мелиорация земель. Академиком ВАСХНИЛ, Героем Социалистического Труда Б. А. Шумаковым были разработаны режимы орошения ведущих сельскохозяйственных культур, произведено мелиоративное районирование способов и техники полива, предложены оригинальные конструкции технически совершенных рисовых оросительных систем, рациональные

способы комплексного использования вод местного стока. Результаты этих исследований явились базой при проектировании оросительных систем на р. Волге, Дону, Кубани и Тереке.

Характерная черта современной мелиорации в переувлажнённой зоне страны – комплексность, включающая рациональное использование водных и земельных ресурсов. При проектировании и сооружении мелиоративных систем сельскохозяйственного назначения учитываются не только потребности сельского хозяйства, но лесного и рыбного, а также рекреационное использование территории и экологические последствия мелиорации. Осушение земель всё больше и больше дополняется мероприятиями по их увлажнению в периоды засухи. Для этого создаются водохранилища по регулированию стока и строятся насосные станции и оросительная сеть, одновременно с осушением проводятся культуротехнические работы (уборка и удаление кустарника, уборка камней, формирование крупных полей и пр.) и работы по окультуриванию почвы (разделка пласта, внесение извести и удобрений), а также строятся дороги, закладываются лесные полосы и пр.

Выдающийся вклад в развитие земледелия Зауралья внес почетный академик ВАСХНИЛ Т. С. Мальцев. Главный стереотип, царивший в мировой земледельческой теории и практике до 50-х годов XX века обязательность вспашки плугом. Опираясь на опыт Н. М. Тулайкова, И. Е. Овсинского, Т. С. Мальцев в 1930–1950-е годы XX в. проводил свои эксперименты. Главный недостаток мелких обработок – это повышение засоренности посевов. Для преодоления этого недостатка Т. С. Мальцев ввёл чистый пар. Основную тяжесть борьбы с засоренностью посевов он перенёс на предпосевные обработки, возможности которых возрастают при поздних сроках посева. Роль чистого пара в условиях Зауралья и Западной Сибири была подтверждена исследованиями В. Н. Варгина, а целесообразность поздних сроков посева была обоснована В. К. Крутиховским и самим Т. С. Мальцевым. Роль поздних сроков посева усиливалась в связи с необходимостью ухода от весенне-летней засухи и использования июльского максимума осадков. Т. С. Мальцев указывал, что не

только многолетние травы, но и однолетние культуры способны к структурированию и минимализация обработки почвы, что способствует этому процессу. Сущность принципиально новой системы обработки почвы заключается в чередовании по годам и полям глубокой безотвальной пахоты (25–27 см) с поверхностными обработками (10–12 см) в зернопаровых и зернопропашных севооборотах. Глубокую безотвальную обработку проводят один раз в 3–5 лет. Новую систему обработки он стал применять с 1950 г., которая исключала вспашку отвальными плугами и использовала безотвальную обработку специально сконструированными плугами. Предложенные им плуги делаются со стойками обтекаемой формы, позволяющими пахать без оборачивания пласта на глубину до 50 см. Подобная система проверялась во многих зонах страны. Это был первый этап создания теоретических аспектов обработки почвы с учетом зональных особенностей.

Этот процесс получил ускорение в начале 1960-х годов. Импульсом этому послужили последствия массового освоения целинных земель и катастрофического проявления процессов ветровой эрозии. Историческим этапом в развитии теоретических основ и практических подходов к обработке почвы стали работы коллектива ВНИИ зернового хозяйства, выполненные в 1960-е – 1970-е годы под руководством А. И. Бараева с использованием канадского опыта, интегрированного с опытом Т. С. Мальцева. Для степных районов Сибири и Казахстана была разработана концепция новой почвозащитной системы земледелия для зон ветровой эрозии почв и применена на практике. За ее разработку и внедрение на полях, авторы этой работы были удостоены Ленинской премии. Суть её заключалась в замене вспашки плоскорезной обработкой с сохранением на поверхности почвы стерни и освоении зернопаровых севооборотов с короткой (3–5 лет) ротацией вместо зернотравяно-пропашных с длинной ротацией (8–10 лет). Для этих целей был разработан специальный комплекс противозерозионной техники и новая технология возделывания сельскохозяйственных культур. Комплекс почвозащитных мероприятий позволяет надежно оберегать почву, эффективно использовать выпадающие осадки, обеспечивает рост продуктивности культур. В основу была

положена принципиально новая система обработки: вместо отвальной пахоты рекомендовалась плоскорезная обработка с сохранением на поверхности стерни и других пожнивных остатков.

И. П. Макаров, Н. З. Милащенко, А. С. Извеков (1998) указывают, что новая система обработки, а также комплекс машин и орудий А. И. Бараева предотвращали дефляцию, обеспечивали увеличение накопления влаги и ее рациональное использование. Лучшим доказательством явилась реакция на «чёрную бурю», разыгравшуюся в 1960-х гг. в Шортандинском районе. С поверхности поднялся мелкозем, повреждая посевы. Однако на полях опытного хозяйства института площадью 47 тыс. га, где был внедрён весь комплекс почвозащитных мероприятий, этого не случилось. Посевы стояли нетронутыми, защищёнными стерней и ребристой поверхностью, сформированной стерневыми сеялками.

Эта система включает:

- плоскорезную обработку почвы с сохранением стерни и соломы на поверхности почвы. С этой целью был создан набор орудий – глубоко-рыхлители, культиваторы-плоскорезы, луцильники с плоскими дисками, игольчатые бороны, специальные сеялки и др.;
- полосное размещение чистых паров и посев однолетних культур с направлением рядков поперёк господствующих ветров;
- ведение зерно-паро-пропашных севооборотов с короткой ротацией;
- ведение почвозащитных севооборотов с полосным размещением многолетних трав, чередующихся с однолетними культурами;
- посев специальными противоэрозионными сеялками, сохраняющими стерню;
- посев кулис из высокостебельных растений;
- залужение многолетними травами сильно эрозийных и ветроударных участков;
- сокращение до минимума механических обработок за счёт совмещения рабочих операций и применения гербицидов для борьбы с сорняками.

За разработку и внедрение приемов почвозащитного земледелия в производство А. И. Бараеву в 1972 г. вместе с группой других ученых и специалистов была присуждена Ленинская премия СССР. Данная система позволяла получить в регионе ежегодно дополнительно до 5–6 млн. т зерна.

В настоящее время общей принципиальной схемой обработки почвы в севооборотах Поволжья, по данным НИИСХ Юго-Востока, Самарского, Ульяновского НИИСХ, является чередование разноглубинной основной отвальной и безотвальной обработок с минимализированной (поверхностной) обработкой, а также совмещение отдельных приёмов в одном технологическом процессе. Фундаментальные исследования в области обработки почвы в засушливой зоне проводятся в Самарской государственной сельскохозяйственной академии под руководством профессоров Д. И. Бурова и Г. И. Казакова.

Важнейшей проблемой прогнозирования научно-технического прогресса в сельском хозяйстве является прогноз последствий хозяйственной деятельности. С влиянием отдаленных неблагоприятных последствий хозяйственной деятельности человека сельское хозяйство сталкивалось не раз. Можно напомнить факты катастрофического развития эрозии почвы в степных районах США и Канады в 1930-е годы, что явилось результатом распыления почвы многократными обработками. С этим же бедствием пришлось столкнуться и в нашей стране, сначала в районах освоения целинных и залежных земель, а в последние годы и в ряде старых земледельческих районов на Северном Кавказе и в некоторых других районах. Другим примером проявления неблагоприятных последствий сельскохозяйственной деятельности человека может служить возникновение вторичного засоления земель в результате орошения.

К середине XX века процессы водной и ветровой эрозий приобрели особую интенсивность. Площади оврагов к 1966 г. составили на территории Ульяновской области 34 480 га, Пензенской – 44 033; Мордовии – 18 446 га. Площади смытых почв составили соответственно 68 954 га, 50 800 и 73 286 га.

Поэтому проблема охраны окружающей среды приобретает все большее и большее государственное значение. Достаточно сказать, что за последние годы во всех регионах приняты законы об охране природы. Так, в Российской Федерации Закон «Об охране природы в РСФСР» был принят третьей сессией Верховного Совета республики 27 октября 1960 г., где указывается: «На землях, подверженных водной и ветровой эрозии, землепользователи должны проводить обязательный комплекс противоэрозионных мероприятий, устанавливаемый с учетом местных условий» (Закон, 1966, стр. 8).

Совет Министров РСФСР 13 февраля 1961 г. принял постановление «О мерах по защите почв от водной и ветровой эрозии».

Большое практическое значение для дальнейшего развития борьбы с эрозией почв имело постановление (1966 г.) Пленума ЦК КПСС «О широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур».

Были проведены комплексные исследования, как выяснилось, содержание валового гумуса в почвенных профилях за 100 лет имеет тенденцию к уменьшению. Из десяти проб в шести (в слое 0–20 см) отмечено снижение количества гумуса, определённого В. В. Докучаевым 100 лет назад. В четырёх пунктах содержание гумуса увеличилось. Отсутствие посевов многолетних трав, применения органических удобрений истощало природное плодородие и разрушало их оптимальную структуру. Чернозёмы за минувшее столетие утратили 100–150 т/га гумуса. По данным Г. Я. Чесняка (1988) потеря гумуса за 100 лет составила от 51 до 270 т/га в разных зонах страны, т.е. от 17 до 69 % от исходного.

В.А.Ковда (1988) отмечает, что в результате длительного одностороннего использования почв запасы гумуса, азота, фосфора снизились на 25–50 %. Нарушился характерный для чернозёмов целины «почти замкнутый» круговорот этих важных элементов. Баланс биофильных элементов стал отрицательным. Даже в конце 1950-х годов 1 гектар пахотных земель получал 8–13 кг РК в минеральных удобрениях. Лишь в последние годы на чернозёмах

баланс несколько стал выправляться. В 1970 г. возмещение азота по отношению к потреблению достигло 83,9 %, фосфора – 108,9 %, калия – 63,5 % (30). По выражению В.А.Ковды запасы питательных веществ в целинных чернозёмах были в 10–20 раз больше возможного их выноса растениями. При сравнительно низких урожаях в периоды залежного и трёхпольного земледелия биологический круговорот оставался стабильным. Но интенсивное земледелие без внесения повышенных доз органических и минеральных веществ, посева многолетних трав приводит к истощению почв.

В. А. Ковда (1988) отмечал, что в целях сохранения органического вещества почвы в Западной Европе, а также в США сложилось новое течение сторонников «органического земледелия». Основными условиями такого земледелия являются минимализация обработки почвы, оставление на полях стерни, соломы и других органических осадков в качестве мульчи и удобрений, доведение площади многолетних трав до 30–40 % в севооборотах, совмещение пропашных культур с подсевом бобовых или после покровных трав по пропашным (или после их уборки) для получения зелёных удобрений, регулярное внесение высоких доз органических удобрений, залужение эрозионно-опасных участков и др. Широкое использование бобовых многолетних трав позволяет уменьшить количество азотных минеральных удобрений. Интенсивная биологизация земледелия наблюдается в Англии, Франции. В этих странах всё шире в севооборотах применяют обильные дозы органических удобрений и травосеяние с бобовыми. В идеях «органического земледелия» для нас мало нового. Они были разработаны русскими учёными, а вот использовались мало. Начиная с 1950-х годов в экосистемах России происходило накопление веществ, не участвующих в круговороте. К естественным элементам, циркулирующим между различными средами биосферы, человек добавил значительное количество искусственных. Потребление синтезированной энергии стало происходить при механизированной обработке почвы, применении удобрений, пестицидов и др.

Проведение мелиоративных мероприятий (осушение, полив), огромный перерасход воды, использование питьевой воды в промышленных и хозяйственных целях привело к снижению уровня грунтовых вод, исчезновению

присущих этим местам растительных сообществ, животных и птиц, карстовым явлениям: изменился рельеф местности, на что до настоящего времени не обращают должного внимания.

Экологическая обстановка усугубляется загрязнением территории радионуклидами чернобыльского происхождения.

К 1990 году наметились первые признаки технологической деградации: сократились поставки тракторов, машин, зерноуборочных комбайнов, внесение органических и минеральных удобрений, доля зернобобовых в структуре посевных площадей, ухудшилось качество высеваемых семян, что сказалось на продуктивности основных сельскохозяйственных культур и устойчивости агропромышленного комплекса страны.

7.3. Советская аграрная политика во второй половине 1960-х–1980-е годы

Смена караула в Кремле в октябре 1964 г. не привела первоначально к сворачиванию реформ. Наоборот, растущая неэффективность экономики подталкивала брежневское руководство к продолжению преобразований. Особенно заметным это было в сельском хозяйстве. Хотя от нервных хрущёвских кампаний отказались, осуществление его важнейших программ стало более интенсивным. Реформы второй половины 1960-х годов ознаменовали переход к новой модели развития советского сельского хозяйства.

В 1965 г. был ослаблен контроль над колхозами. До них теперь доводился 5-летний план продажи продукции по стабильным ценам. Оплата труда колхозников по трудодням была заменена в 1966 году месячной зарплатой, являвшейся авансом в счёт будущих колхозных доходов. Оплата труда исчислялась на основе тарифных ставок рабочих совхозов. Отныне денежное вознаграждение перестало быть связано с производительностью труда. Зыбкая связь между эффективностью труда и его оплатой была ликвидирована. Зарплата колхозников быстро трансформировалась в

социальное пособие.

Были подняты цены на зерно и мясо, закупаемые у колхозников (в среднем на 20 % в 1965 г., на 25 % в 1970 г., на 12 % в 1979 г., на 16 % в 1984 г.). Сверхплановый продукт мог сдаваться на государственные приёмные пункты по повышенным (не менее чем на 50 %) ценам. Впервые со времён коллективизации в 1960-е гг. закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию превысили её себестоимость. (Безнин, Димони, 2005, с. 115).

Ограничения, наложенные на приусадебные хозяйства, стали менее жёсткими. В 1977 и 1981 гг. был принят ряд мер в поддержку частного сектора (вдвое увеличивалась площадь приусадебного участка, снимались ограничения на поголовье домашнего скота, колхозникам было разрешено брать кредиты для обустройства своих приусадебных хозяйств). Роль частного сектора в сельском хозяйстве страны оставалась чрезвычайно важной. Доля дохода от личного подсобного хозяйства в общем доходе колхозников составляла в 1970 году – 35%, в 1980-м – 28%, в 1985-м – 26%. ЛПХ обеспечивали в 1980 году 31% производства мяса и 39% производства яиц, в 1983 году – 29 и 30%, соответственно. (Корнаи, 2000, с. 107). Правда, местные власти, заинтересованные в том, чтобы принудить колхозников больше работать на колхозных полях, продолжали активно чинить препятствия развитию частного сектора. Характерным примером такой активности властей стала кампания 1984 года по разрушению превышавших установленный размер парников в ЛПХ крестьян. (Ковалёв, 2007, с. 84). Подобные меры надолго отбивали у земледельцев охоту к любым формам предпринимательства.

Однако важнейшей новацией аграрной политики советских властей стало начало крупномасштабных инвестиций в сельскохозяйственное производство. Впервые в истории России сельское хозяйство стало получать массированную помощь со стороны государства. Доля инвестиций в сельское хозяйство в общем объёме капиталовложений в экономике СССР выросла с 15,5 в первой половине 1960-х гг. до 20 % в 1970-е гг. (Гайдар Е. Т., 2006, с. 157). С 1971 по 1985 г. государственные капиталовложения в агропромышленный комплекс составили 579,6 млрд. рублей (Гайдар Е., Лацис О., 1988, С. 26–30). Теперь Советский

Союз стал расходовать на сельское хозяйство по удельному весу больше ресурсов, чем кто-либо в мире. К примеру, в США доля инвестиций в сельское хозяйство достигала в тот же период лишь 7–8 %. (After Brezhnev, 1983, p.162). Некогда игнорируемая деревня стала для режима одним из основных приоритетов. Советское правительство пыталось, наращивая поток выделенных селу ресурсов, компенсировать долгосрочные последствия ущерба, нанесённого сельскому хозяйству аграрной политикой конца 1920-х - начала 1950-х гг.

Отметим, однако, что происходило и прямое отвлечение бюджетных ресурсов, предназначенных для сельского хозяйства. Такой пример приводит в своей книге крупный хозяйственный деятель СССР Полад Полад-заде (2006). Рассматривая проблемы мелиорации он отмечает, что одним из главных моментов для решения проблем дренажа был переход к пластмассовым дренажным трубам взамен гончарных. Это резко поднимало производительность труда, гарантировало высокое качество и надежность.

Так как все начиналось в Госплане, я пошел, к только что назначенному первому заместителю Байбакова Я. П. Рябову. В Госплане Рябов ведал в числе прочих вопросами химической промышленности. Я изложил ему наши идеи. Рябов посмотрел на меня, как на сумасшедшего. Получив отказ, я пошел к Н. К. Байбакову. Он пообещал подумать. И вот впервые мы получили строчку в народно-хозяйственном плане. Вместе с Н. Ф. Васильевым мы «обрабатывали» М. С. Горбачева, нашего куратора в ЦК КПСС. Не помню, на какой-то стадии этих перипетий возникло предложение, которое потом стало прецедентом для наших взаимоотношений с промышленными отраслями. Нам было сказано: «Хотите получать полимеры, передайте часть выделенных вам капвложений на развитие этого производства». Однако другого выхода не было, и решением Правительства круглая сумма была снята с нас и передана Минхимпрому. Нам выделили вожеленный полиэтилен и поливинилхлорид. В очень сжатые сроки развернулось создание мощностей по производству дренажных труб из полимеров.

Отдача от вложений, по данным официальной статистики, была достаточно высокой. Например, за 1971–1974 гг. государственные капитальные вложения в сельское хозяйство (Слободин В. М., 1975) составили 63,6 млрд. руб., а объём валовой продукции сельского хозяйства – 457,2 млрд. руб. За 1976–1985 гг. капиталовложения в сельское хозяйство составили в СССР 299,4 млрд. руб. Стоимость же валовой продукции сельского хозяйства только за 1981–1985 гг. составила 461,8 млрд. руб. (табл. 42). Однако использовать данный

статистический материал можно лишь критически, поскольку расчёт стоимости сельскохозяйственной продукции происходил на основе административно устанавливаемых закупочных цен, имевших мало общего с рыночными. Сам принцип государственного установления цен содержал возможность перекосов и нарушения экономических императивов. Объективные экономические тенденции проявлялись в искажённом виде, что не могло не сказываться на отрицательно, в том числе на сельскохозяйственном производстве.

Таблица 42 – Капитальные вложения в отраслях АПК (*Народное хозяйство..., 1990*)

Годы	Капитальные вложения, млрд. руб.			
	всего	В т. ч. сельского хозяйства,		
		млрд. руб.	изменение в %	в % к капитальным вложениям в народное хозяйство
1976–1980	717,7	143,2	100	19,9
1980	150,9	29,8	100	19,7
1981–1985	843,2	156,2	109	18,5
1985	179,5	31,5	106	17,5
1986–1990	1076,3	183,8	128	17,1
1990	229,8	41,0	138	17,8

Важнейшим источником капиталовложений в советское сельское хозяйство становятся экспортные доходы от нефти. Это делало успехи в развитии сельского хозяйства слишком неустойчивыми, слишком зависимыми от конъюнктуры мирового рынка сырья и энергоносителей. Например, в 1965–1990 годах была построена сеть птицефабрик, решившая проблему белка в рационе питания. Однако, отечественное птицеводство с начала 1970-х годов целиком зависело от массовых закупок импортного кормового зерна. Именно они позволили увеличить поголовье птицы в период высоких цен на нефть с 358 млн. по РСФСР в 1971 году до 660 млн. в 1990 году. Во второй половине 1980-х годов массовые закупки кормового зерна за рубежом продолжались за счёт стремительного наращивания внешнего долга. (Гайдар, 2006, с. 218 – 219).

В рассматриваемый период были проведены крупномасштабное улучшение почв (ирригация и известкование) и обширные лесопосадки (1 млн. га в год). Происходило новое строительство, реконструкция и расширение действующих, вводились новые мощности по производству минеральных

удобрений, производству современной сельскохозяйственной техники, мощности по переработке сельскохозяйственной продукции (табл. 42). Из общего объема средств, вложенных в 1990 г. в агропромышленный комплекс, 80 % было направлено на строительство производственных объектов сельского хозяйства и его социальной инфраструктуры.

Росла энерговооруженность труда: в 1980 г. сельское хозяйство потребило 111 млрд. кВт-ч электроэнергии, а в 1989 г. – 173 млрд., что значительно улучшало условия труда сельских работников. Произошло увеличение энерговооруженности труда, увеличились основные фонды сельскохозяйственных предприятий (Кара-Мурза, 2002). Статистические данные свидетельствуют об увеличении энергетических мощностей сельского хозяйства как в целом по России, так и на одного человека и на 100 га посевных площадей (табл. 43).

Однако ситуация с состоянием материально-производственной базы сельского хозяйства СССР и после столь значительных инвестиций оставляла желать много лучшего. Даже в 1989 г. в СССР на одного работающего приходилось 27 кВт энергетических мощностей, а в США – 105 кВт. На 1000 га пашни в США имели втрое больше тракторов, чем СССР, зерноуборочных комбайнов в 2,4 раза меньше. Доля ручного труда в советском сельском хозяйстве в 1970-е гг. составляла 70–75 %. (Красильщиков В. А., 1998, с. 179). И хотя и в 1985 г. крестьяне составляли 30 % в общей численности населения СССР, в период уборки урожая всегда наблюдалась острая нехватка рабочей силы, и на сельскохозяйственные работы приходилось привлекать миллионы горожан и военнослужащих.

Таблица 43 – Энерговооруженность труда и обеспеченность энергетическими мощностями колхозов, совхозов и межхозяйственных сельскохозяйственных предприятий, (Народное хозяйство..., 1990)

Показатели	1980	1985	1986	1988	1989	1990
Энергетические мощности сельского хозяйства РФ, млн. кВт-часов	238,0	291,6	288,9	302,7	–	308,6
Приходится энергетических мощностей, кВт-ч						

На одного работника	17,2	21,8	22,9	25,0	27,0	27,7
На 100 га посевной площади	190	244	243	254	259	266

Увеличение основных производственных фондов сопровождалось значительным повышением объёмов валовой продукции (табл. 44). Если принять 1980 г. за 100 %, то индекс роста производства продукции в отраслях АПК в 1985 г. составили 112,3 %, а в 1990 г. – 127,1 % (Романенко Г. А. и др., 1999).

Доля сельского хозяйства в валовом национальном продукте увеличилась с 13 % в 1980 г. до 18 % в 1990 г. %, а в произведенном национальном доходе возросла с 14,9 % в 1980 г. до 24,8 % в 1990 гг. (табл. 45). Возросли прибыли в сельском хозяйстве. Если в 1980 г. отрасль была убыточной, то в 1990 г. величина прибыли в сельском хозяйстве составило 8,6 % от общей прибыли в стране, что составило более 24 млрд. руб. Однако это вовсе не говорит о том, что советские совхозы и колхозы стали работать эффективнее. Просто усиление позиций аграрного лобби в советском руководстве на протяжении 1980-х годов позволило изменить сами условия хозяйствования в пользу сельскохозяйственных предприятий: улучшились условия кредитования, выросли прямые и косвенные субсидии, увеличились закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию.

Таблица 44 – Ввод в действие за счет реконструкции, расширения действующих, строительства новых предприятий в отраслях АПК (Народное хозяйство..., 1990)

Показатели	1980	1981–85	1985	1986–90	1990
Ввод птицефабрик яичного направления, млн. кур-несушек	8,5	23,0	2,8	9,7	1,5
Мясного направления, млн. гол. птицы	101,8	413,0	49,6	139,1	12,4
Животноводческие помещения, млн. скотомест :					
Для крупного рогатого скота	3,9	14,7	2,4	10,6	1,7
Для свиней	2,8	9,1	1,5	5,1	0,8
Для овец	3,8	15,0	2,4	7,6	1,2
Мощности по производству:					
Минеральных удобрений (в пересчете на 100 % питательных веществ), млн.т	2,4	6,8	1,6	3,2	0,2
Тракторов, тыс. шт.	12,5	56,2	9,1	20,8	6,0
Зерноуборочных машин, тыс. шт.	8,1	23,1	7,7	30,3	-
Сахара-песка, тыс. ц переработки свеклы в сутки	23	196	64	207	2

Цельномолочной продукции, тыс.т в сутки	2,2	7,4	1,0	9,0	1,1
Сыра, т в сутки	32,1	161,6	15,6	100,0	17,5
Мяса, тыс. т в смену	0,4	1,8	0,2	2,6	0,5
Растительного масла, тыс. т переработки маслосемян в сутки методом экстракции	1,3	2,1	–	1,8	–

Объём валовой продукции в 1986 – 1990 гг. увеличился на 15 % по сравнению с предыдущим пятилетием (табл. 46).

Начиная с середины 1970-х годов с созданием химической промышленности по производству удобрений, средств защиты, сельскохозяйственной техники стало быстро улучшать и абсолютные, и относительные показатели. Поголовье крупного рогатого скота с 49,48 млн. голов в 1966–1970 гг. увеличилась до 59,24 в 1986–1990 гг. (увеличение на 19,7 %); поголовье птицы с 358 млн. голов в 1971 г. до 660 в 1992 г (увеличение 84,4 %). Производство птичьего мяса за 1975–1987 гг. выросло с 1335 тыс. т. до 3126 тыс. т.

Продуктивность сельскохозяйственного производства заметно выросла, причём темпы её роста превосходили показатели большинства западных стран. (Nove, 1989, р. 362–367). Например, при незначительном увеличении посевных площадей по сравнению с 1951–1955 гг. (на 6,8 %), урожайность зерновых культур возросла вдвое, валовой сбор зерна за этот период увеличился в 2,37 раза, а товарное зерно в 2 раза (табл. 47).

Таблица 45 – Показатели развития сельского хозяйства СССР (в фактически действовавших ценах), (Народное хозяйство..., 1990)

Показатели	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Валовой национальный продукт							
Всего, млрд. руб.	619	777	799	825	875	943	1000
Доля сельского хозяйства в ВВП	13	17	–	–	–	18	–
Индекс произведенного национального дохода в сельском хозяйстве	100	105	113	111	114	116	112
Валовой общественный продукт							
Всего, млрд. руб.	1078,5	1383,6	1425,8	1464,5	1525,0	1593,5	1631,6

В т. ч. в сельском хозяйстве млрд. руб. и в %	152,6 100	219,5 144	232,6 152	234,9 154	259,7 170	276,7 181	296,0 194
Доля сельского хозяйства, в %	14,1	15,9	16,36	16,0	17,0	17,4	18,1
Произведенный национальный доход,							
Всего млрд. руб.	462,2	578,5	587,4	599,6	630,8	673,7	700,6
В т. ч. в сельском хозяйстве млрд. руб. и в %	68,9 100	112,8 164	121,2 176	122,6 178	143,3 208	157,7 229	174,1 253
Доля сельского хозяйства, в %	14,9	19,2	20,6	20,4	22,7	23,4	24,8
Прибыль предприятий и хозяйственных организаций							
Прибыль, всего-млн. руб. в %	121629 100	175914 145	200645 165	209036 172	240153 197	268226 221	282392 232
Прибыль в сельском хозяйстве, млн. руб.	-509	10559	13033	15968	19273	20675	24336
Доля прибыли сельского хозяйства, в %	0	6,0	6,5	7,6	8,0	7,7	8,6

Улучшались интенсивные показатели сельского хозяйства. Если в 1980 г. было 30 % чистопородных коров, то в 1985 г. – 40. Надой молока на корову вырос с 2264 кг в 1970 до 2731 – в 1990 г. Средняя годовая яйценоскость кур - несушек за эти годы увеличилась со 172 до 236. Снижались прямые трудозатраты на получение 1 ц продукции. В 1971–1975 гг. в колхозах на производстве зерна они были 1,8 человеко-часа, а в 1987 г. – 1,2.

Таблица 46 – Динамика валовой продукции сельского хозяйства Российской Федерации в сопоставимых ценах 1983 г., (Народное хозяйство..., 1990, Романенко Г. А., и др. 1999)

Год	Среднегодовое производство, млрд. руб.	В % к начальному периоду
1981-1985	92,4	100,0
1986-1990	103,0	115,0
1980	86,3	100,0
1985	95,6	110,8
1988	104,1	120,6
1989	105,9	122,7

Таблица 47 – Динамика урожайности и валового сбора зерна, в РФ

Годы	Урожайность		Валовой сбор	
	ц/га	%	млн. т	%
1961-1965	10,2	100	76,5	100

1971-1975	12,9	126	96,7	126
1976-1980	13,8	135	106,0	139
1981-1985	13,0	127	92,0	120
1986-1990	15,9	156	104,3	136
1991-1995	14,8	145	87,9	115

В середине 1980-х годов была сделана попытка путем внедрения современных технологий достичь уровня передовых стран по производству основных видов сельскохозяйственных продуктов. Наиболее ценные зерновые культуры стали возделываться по интенсивной технологии (табл. 48).

Несмотря на то, что в 1990 г. численность населения России составляла около 3 % мирового сообщества, её сельское хозяйство производило 5,7 % зерна и мяса, 10,3 % молока, 7,6 % куриных яиц от их мирового производства. В расчете на душу населения в том же году в России было произведено почти 800 кг зерна (среднемировой уровень вдвое меньше), 68 кг мяса (33кг), 376 кг молока (102 кг), 320 яиц (117). В результате Россия к концу 80-х годов по уровню (калорийности) питания населения вошла в первую десятку самых сытых стран мира. Причём, по темпам прироста продуктов питания по отношению к темпам прироста численности населения она опережала многие страны (в среднем за 1960–1990 гг. на 1 % прироста населения – почти 3 % прироста продовольствия).

Таблица 48 – Эффективность возделывания зерновых культур по интенсивной технологии (*Народное хозяйство СССР..., 1991*)

Показатели	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Озимые зерновые культуры							
Посевная площадь по интенсивной технологии, млн. га	–	5,3	12,3	13,0	16,2	15,2	13,8
В % от общей площади посева данной культуры	–	19	47	50	54	49	42

Валовой сбор, млн.т	—	14, 4	38, 1	41, 3	50, 8	52, 9	52, 2
В % от общего валового сбора данной культуры	—	26	59	62	66	60	53
Яровая пшеница							
Посевная площадь по интенсивной технологии, млн. га	—	10, 2	11, 6	12, 3	12, 7	11, 7	8,3
В % от обще площади посева данной культуры	—	32	37	40	43	41	30
Валовой сбор, млн.т	—	15, 9	20, 8	17, 9	15, 7	13, 8	11, 8
% от общего валового сбора данной культуры	—	41	46	49	53	48	38

Производство зерна по сравнению с 1913 г. увеличилось на 206,5 %, сахарной свёклы в 16,4 раза, семян подсолнечника на 445,7 %, картофеля – на 222,7 %, мяса в убойной массе – на 402,9 %, молока – на 280,2 %, яиц – на 673,2 %, шерсти – на 239,6 % (табл. 49).

Особенностью развития сельского хозяйства того периода было развитие по программам. Программы были разные — общегосударственные, целевые, региональные, комплексные. Каждая программа решала конкретную экономическую и социальную задачу. Намечалась цель в виде конечного рубежа продукции и для достижения ее выделялись необходимые ресурсы. Были разработаны программа орошения Поволжья, программа подъема Нечерноземной зоны РСФСР, обеспечения крупных промышленных центров овощами на базе орошаемых земель, рисовая программа и т. д. Для страны особое значение имела рисовая.

Рис, традиционно основной элемент питания народов Востока, никогда не был характерным продуктом русской и в целом славянской кухни. В России, Украине рис варили для больных и, не к месту будет сказано, готовили при поминальном ритуале. Вместе с тем, со снабжением населения традиционными крупяными культурами создавалось напряжение. Рис, обладая высокими питательными свойствами, отличается высокой потенциальной урожайностью. По урожайности с рисом может конкурировать только кукуруза.

Таблица 49 – Производство основных видов продукции сельского хозяйства всеми категориями хозяйств на территории дореволюционной России и РФ (Романенко Г. А. и др., 1999)

Продукция	Объем производства, млн. т							
	1913	1940	1961–65	1966–70	1971–75	1976–80	1981–86	1986–90
Зерно	50,5	55,6	76,5	100,4	96,7	106,0	92,0	104,3
Сахарная свекла	2,0	3,2	18,6	25,5	20,8	25,4	25,1	32,9
Подсолнечник (семена)	0,7	1,4	2,37	3,09	2,18	2,49	2,3	3,12
Картофель	16,1	36,4	45,2	51,5	47,1	40,9	38,4	35,9
Овощи	–	6,4	8,3	9,1	10,1	10,4	12,1	11,6
Мясо (в убойной массе)	2,4	2,4	4,8	5,9	7,1	7,36	8,1	8,7
Молоко	19,3	17,8	36,2	44,5	46,7	48,2	48,7	54,2
Яйца, млрд. шт.	7,1	6,6	16,45	20,75	29,93	36,68	43,0	47,8
Шерсть, тыс. т	94	98	177,1	194,8	218,6	221,5	220,9	225,3

Именно исходя из этой логики, Брежнев поручил организовать работу по подготовке капитальных предложений по развитию рисосеяния. Валовой сбор риса в 1965 году составил 583 тысячи тонн. Специалисты после консультаций с учёными, специализирующимися на проблемах питания, насчитали потребность в 2 миллиона тонн. Эта цифра была встречена в штыки, ее называли утопией, фантазией. Однако в ЦК эту цифру поддержали. Было решено создать новые крупные базы рисосеяния в Кубанских плавнях Краснодарского края, в низовьях Волги в Астраханской области и Калмыкии, в низовьях Терека в Дагестане, на Дальнем Востоке в Приморском крае, а также Каракалпакской АССР и Казахстане. Программа была принята и выполнялась крупными силами и на современном техническом уровне. В 1975 году валовое производство риса

достигло 2 миллионов тонн, а еще через три года вышло на уровень 2,5 миллиона тонн, причём Кубань вплотную приблизилась к заветному миллиону.

Другим крупным аграрным проектом брежневской эпохи стала программа развития Нечерноземья. Речь шла о комплексном внедрении достижений аграрной науки и переводе сельского хозяйства на индустриальные рельсы. Этот регион объединял 29 областей и автономных республик страны. Принятая в марте 1974 г. программа развития сельского хозяйства носила комплексный характер и была направлена не только на развитие сельскохозяйственного производства, но и социальное обустройство сельских территорий. Планировалось на основе интенсификации, широкой мелиорации земель, химизации, использовании достижений науки, техники и передового опыта в 1975–1990 гг. выполнить работы по осушению земель на площади 9-10 млн. га, по известкованию кислых почв – на 23 млн. га. Впервые в России мелиорация была запланирована в комплексе со строительством на мелиорируемых площадях около 60 специализированных совхозов по производству животноводческой и овощной продукции.

Наиболее полно преимущества комплексного обустройства проявились в строительстве специализированных овощемолочных совхозов на мелиорированных землях. Как правило, в совхозах строились системы двойного регулирования – на осушённых землях создавались оросительные системы, прокладывались дороги с твердым покрытием, строились животноводческие и другие производственные помещения, клубы, школы, жилье. В короткий срок эти хозяйства выходили на высокий уровень сельскохозяйственного производства, многие из них рентабельны и в современных условиях.

Реализация мероприятий по мелиорации сельскохозяйственных земель позволила к концу 1990 г. создать в Нечерноземной зоне России:

- фонд окультуренных, мелиорированных земель на 4,4 млн. га, которые по праву являлись национальным достоянием страны, её «золотым» фондом;
- гарантированное производство кормов;

- крупную базу овощеводства;
- значительно снизить кислотность почвы на пашне, повысить в ней запасы элементов питания растений, улучшить культуртехническое состояние природных кормовых угодий;
- мощный комплекс предприятий по производству строительных материалов, изделий для водохозяйственного строительства, а также службу эксплуатации мелиорированных систем;
- обеспечить рост численности высококвалифицированных кадров в мелиоративной отрасли.

К середине 70-х годов XX столетия в Нечерноземье стали остро проявляться проблемы обеспечения сельскохозяйственных предприятий квалифицированными кадрами. В то же время проведённые исследования выявили высокий уровень миграции сельского населения, особенно молодёжи в возрасте 20–29 лет. Мобильность юношей и девушек была в 5 раз выше, чем в других возрастных группах, свыше 60 % выезжающих из села составляла женская молодёжь. Главной причиной называлась неудовлетворённость трудом, жилищными и культурно-бытовыми условиями. Н. К. Долгушкин (2004) указывает, что за 1976–1980 гг. предусматривалось построить новые и расширить действующие сельские профтехучилища на 35 тыс. ученических мест и довести к 1980 г. подготовку квалифицированных кадров в СПТУ Нечерноземной зоны РСФСР до 120 тыс. человек в год.

Реализация намеченных мер позволила уже к середине 1980-х годов в значительной степени оздоровить кадровую ситуацию в регионе, в том числе и в аграрном секторе, что положительно сказалось на производственно-экономической деятельности сельскохозяйственных предприятий. В 1980-е годы в СПТУ Нечерноземья готовилось более 100 тыс. человек в год, тогда как в 2003 г. в целом по России в сельских профтехучилищах было подготовлено всего 87 тыс.

Несмотря на успехи, программа преобразования русского Нечерноземья оказалась выполненной не полностью, цели, которые она ставила по

производству основных видов сельскохозяйственной продукции, не достигнуты. Не обошлось без ошибок и просчетов в планировании, проектировании, строительстве мелиоративных систем и сельскохозяйственном использовании мелиорированных земель.

Тем не менее, сельское хозяйство по-прежнему оставалось кризисной зоной: неурожай каждый раз становился драмой национального масштаба, и стране приходилось регулярно импортировать зерно, в особенности кормовое. Если в 1960-х гг. ежегодный прирост сельскохозяйственной продукции составлял 3%, то в 1970-е гг. он упал до 1%. (Johnson, 1997, p. 5). Производство основных продуктов составило в СССР в 1976 – 1980 гг. почти 3,5 миллионов килокалорий в год на душу населения. США превзошли этот показатель ещё в 1930-е гг. По среднедушевым показателям СССР существенно отставал от США в производстве мяса, почти нагнал американцев в производстве яиц и значительно превосходил их в производстве молока. Правда, и здесь не удавалось удовлетворять потребности населения из-за колоссальных потерь по пути от сельскохозяйственных предприятий до прилавков. (Шубин, 2001, с. 112 - 113). А потери при перевозках и хранении зерна составили 13,5% урожая в 1976 – 1980 гг. Что же касается мяса, то оно уже с середины 1960-х гг. в большей части страны исчезло из свободной продажи. Купить его можно было лишь в кооперативной торговле или на колхозном рынке по ценам, значительно превышавшим государственные. Исключение составляли лишь столица и привилегированные города.

Г. А. Романенко и др. (1999) приходят к выводу, что в 1980-е годы развитие аграрной сферы производства, особенно экономические показатели этого процесса, во всё большей мере стало сдерживаться ростом недостатков, основными из которых были низкий уровень производительности труда и высокие удельные затраты ресурсов на прирост производства продукции, являющиеся, в основном, следствием недостаточного уровня материально-технического обеспечения и организационно-экономических и

технологических процессов ведения отрасли, а также негативные тенденции в динамике демографических сдвигов на селе.

Одной из причин этой относительной неудачи стало то, что советское сельское хозяйство изначально находилось в состоянии глубокой депрессии, когда даже быстрые темпы роста не могли поднять его уровень достаточно высоко. Кроме того, доходы как городского, так и сельского населения возросли, вследствие чего значительно увеличился спрос. Увеличение капиталовложений не сопровождалось ни переменами в организации труда, ни соответствующим приростом вложений в человеческий капитал, хотя затраты на развитие сельской инфраструктуры и возросли по сравнению с началом 1960-х гг. И хотя и в 1985 г. крестьяне составляли 30 % в общей численности населения СССР, в период уборки урожая всегда наблюдалась острая нехватка рабочей силы, и на сельскохозяйственные работы приходилось привлекать миллионы горожан и военнослужащих.

Коренная же причина застойных явлений в сельском хозяйстве крылась в чудовищной централизации, отсутствии реальных стимулов для развития свободной предпринимательской инициативы. Сложившаяся модель развития сельского хозяйства не предполагала сколько-нибудь заметных изменений отношений собственности. Общее руководство огромными инвестициями, стратегией применения химических удобрений, кампаниями по сбору урожая по-прежнему осуществлялось централизованно. Колхозы и совхозы так и не стали самостоятельными экономическими единицами, находясь под плотной опекой районных властей. Будучи государственными предприятиями (колхозы, по сути, тоже, поскольку за работой колхозов существовал не просто надзор, а постоянное текущее управление со стороны райкомов и райисполкомов), совхозы и колхозы не были фактически самостоятельными экономическими агентами. Они существовали в тепличных условиях, названных Я.Корнаи режимом *мягких бюджетных ограничений*. (Корнаи, 2000, с. 166 – 170). Регулярное

превышение государственным предприятием бюджетных ограничений по расходам заканчивалось тем, что эти ограничения приводились в соответствие с повторяющимся перерасходом. Фирма получала постоянную внешнюю помощь. Для этого существовали четыре процедуры: увеличение субсидирования, снижение налогообложения фирмы, смягчение условий кредитования, повышение цены на производимую предприятием продукцию. Плохая или хорошая работа такого предприятия, в конечном счёте, мало сказывалась на содержимом карманов руководства и работников. Не было особой беды в том, что совхоз или колхоз нёс убытки, как не было и особой выгоды иметь прибыль. Перед ними не маячила угроза разорения в случае неэффективной работы. Их не интересовала деятельность других предприятий в отрасли, зарубежных конкурентов. Им были гарантированы закупки их продукции со стороны государства. Их долги периодически списывались. Внедрение каких-либо технических и технологических новшеств в этих условиях было возможно, как правило, лишь в случае жёсткого методичного давления сверху. Условия оплаты труда в колхозах и совхозах, основанные на бригадном учёте произведённой работы, способствовали уравниловке, поощрявшей лентяев и пьяниц. Сложившаяся модель не мотивировала персонал и руководство совхозов и колхозов к снижению затрат, максимизации прибыли, внедрению передовой технологии.

Постепенно стержнем сельскохозяйственной политики брежневского руководства становится далеко не новая идея создания крупных аграрных производств на индустриальной основе. В результате хозяйства стали ориентироваться на определённый вид продукции, возникали зерновые, животноводческие, фруктовые и другие хозяйства.

Укрупнение колхозов и концентрация людей, скота, машин в центральных усадьбах привели к тому, что ранее активно использовавшиеся уголья (пашня, сенокосы, пастбища и др.) перешли в разряд малоценных вследствие удалённости их от людей и скота. Органические отходы

производства вместо естественного возврата в почву из-за экономически невыгодных перевозок на значительные расстояния скапливались в центре, загрязняя окружающую среду.

В брежневскую эпоху сформировалось достаточно мощное аграрное лобби, состоящее из руководителей сельскохозяйственных предприятий, аппарата сельскохозяйственных ведомств, районного и регионального руководства аграрных областей и республик, представителей отраслевой науки. Они целенаправленно отстаивали политику расширения государственного финансирования отрасли, облегчения условий кредитования сельскохозяйственных предприятий. Аграрии были недовольны установленными в пользу обрабатывающих отраслей ценами и нормами распределения ресурсов. Аграрное лобби не удовлетворяли частные уступки в виде списания долгов: сами эти долги советские «помещики» считали результатом несправедливого распределения средств. Постепенно аграрная элита, тесно связанная с районным партийным звеном, брала под свой контроль обкомы.

Одним из важнейших требований аграрного лобби являлось создание агропромышленных комплексов – объединений расположенных на одной территории совхозов, колхозов, обслуживающих их машиностроительных и химических предприятий, производств по переработке сельскохозяйственного сырья. Они были призваны стимулировать агропромышленную интеграцию, покончить с безответственностью организаций, обслуживавших сельское хозяйство. Фактически речь шла о передаче реального контроля за агропромышленными отраслями в руки аграрного лобби. Аграрная элита получала зависимые от неё органы с широкой автономией, которым подчинены перерабатывающие предприятия. Против такого развития событий выступали руководители большинства смежных с сельским хозяйством ведомств, которые предпочитали сами получить под контроль своих смежников-аграриев.

Создание областных и районных агропромышленных объединений стало основным элементом новой широко разрекламированной инициативы брежневского режима в аграрной сфере – Продовольственной программы (1982), активно лоббировавшейся секретарём ЦК КПСС по сельскому хозяйству М.С.Горбачёвым и ставшей одним из важнейших успехов аграрного лобби. Представителям агропромышленных ведомств удалось предотвратить создание общесоюзного агропромышленного комитета, но лишь до 1985 года, когда новым генеральным секретарём ЦК стал М.С.Горбачёв. Новый генеральный секретарь таким образом расплачивался с аграриями за поддержку его кандидатуры. Почти все агропромышленные ведомства (министерства сельского хозяйства, плодоовощного хозяйства, сельского строительства, пищевой промышленности, мясной и молочной промышленности, госкомитет по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства) объединялись в единый Агропромышленный комитет. Ключевые посты в нём заняли выходцы из министерства сельского хозяйства. Колоссальная реорганизация вызвала неразбериху и дезорганизацию в управлении. В этой ситуации реальная власть в Агропроме сосредоточилась на местах – в районных агропромышленных объединениях (РАПО), райкомах, райисполкомах. Именно РАПО определяли расценки и распределяли ресурсы подведомственных организаций. Это давало большую власть. Агропромышленные отрасли в результате децентрализации не получили самостоятельности. Ухудшилось состояние их научно-технической инфраструктуры. Они оказались в подчинении у своих собственных поставщиков, что усилило проблемы с получением ресурсов. Результат быстро отразился на прилавках. (Шубин, 2001, с. 678 – 692). АПК так и не стал жизнеспособным экономическим механизмом, превратившись в громоздкую бюрократическую структуру. Да и вообще, вертикальная замкнутость приводила к разработке упрощённых и далеко не всегда эффективных схем управления.

Другим последствием Продовольственной программы, обещавшей продовольственное изобилие к 1990 году, стало расширение финансирования сельского хозяйства. Деньги из казны полились на село рекой. Значительная их часть оседала в РАПО всех уровней, но и та, что доходила до производителя, зачастую использовалась в личных целях, а не вкладывалась в производство. Из оплаченных бюджетом строительных материалов возводились личные дома, обустраивались подворья, велись коммуникации, из колхозов и совхозов растаскивалось всё, что плохо лежало. Кроме того, после принятия Продовольственной программы государство, пытаясь хоть как-то стимулировать сдачу сельхозпродукции, выделяло колхозникам лимиты на приобретение легковых автомобилей, телевизоров, стиральных машин и прочих дефицитных товаров. В деревне стали жить богаче, но при отсутствии, как и в прежние годы, хороших бытовых условий и дорог.

Многие стройки агропромышленного комплекса объявлялись ударными. Программа предусматривала расширение возможностей приусадебного хозяйства. Списывалась задолженность нерентабельных колхозов и совхозов. Предполагалось заставить промышленные предприятия производить сельскохозяйственную продукцию в подсобных хозяйствах. Однако продуктов в стране от этого больше не становилось.

Дефицит на потребительском рынке к концу 1970-х годов только усиливался. Товарное наполнение рубля с каждым годом снижалось, а масса свободных денег увеличивалась. Кроме мяса и колбасы, которых традиционно не хватало, периодически из продажи стали исчезать яйца, сахар, подсолнечное масло. Как правило, чем дальше от столичного или крупного города, тем длиннее был список дефицитных товаров. Огромный поток иногородних непрерывно приезжал в крупные города, особенно в Москву и Ленинград за покупками. Читательница «Литературной газеты» из небольшого западнорусского города Коврова писала в те годы в редакцию:

Сию на кухне и думаю, чем кормить семью. Мяса нет, колбасу давным-давно не ели, котлет и тех днём с огнём не сыщешь. А сейчас ещё лучше – пропали самые элементарные продукты. Уже неделю нет молока, масло - если выбросят, так за него в драку. Народ звереет, ненавидят друг друга. Вы такого не видели? А мы здесь каждый день можем наблюдать подобные сцены. (Цит. по: Шубин, 2000, с. 172).

Измученные перманентным дефицитом продовольственных товаров, горожане «одной из самых сытых стран мира» всё чаще обзаводились небольшими приусадебными участками в сельской местности или в пригородах (*дачами*) или ежегодно пользовались наделами для выращивания картофеля, беря на себя выполнение Продовольственной программы.

Советская экономическая система не предполагала использования рыночных механизмов регулирования диспропорций спроса и предложения продовольствия. О сколько-нибудь значительном повышении розничных цен на продукты для борьбы с их дефицитом брежневское руководство не могло и помыслить. Новочеркасск, равно как и волнения в Польше в 1970, 1976 и 1980 гг. многому научили советский режим. Такой шаг был бы воспринят обществом как нарушение неписанного контракта с государством: лояльность в обмен на сохранение социальных программ.

Выходом из этой ситуации вновь и вновь становилось увеличения импорта продовольствия. Если на рубеже 1960-х – 1970-х гг. экспортно-импортные операции с продовольствием были ещё относительно сбалансированы, то уже с середины 1970-х гг. начинает быстро расти отрицательное сальдо в этой группе товаров. Россия, являвшаяся в начале XX века крупнейшим экспортёром зерна превращается в его ведущего импортёра. Источником средств для закупок становятся золотой запас, иностранные займы и, прежде всего, доходы от продажи резко подорожавших с 1973 г. энергоносителей.

В импорте СССР наибольшую часть занимали продовольственные товары (15 – 16 % всего объёма), среди них выделялась доля ввоза зерна. В первой половине 1980-х годов удельный вес зерна во всем импорте СССР достиг 7 – 8 %

(для сравнения: удельный вес металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования составлял только 2 %). Заметная доля в импорте принадлежала сахару, овощам, фруктам и ягодам, а также мясу и мясопродуктам.

В 1970 – 1972 гг. импорт сельскохозяйственной продукции ежегодно составлял в среднем 2,6 млрд. долл., в 1981-1985 гг. он вырос до 19 млрд. долл. Ежегодный импорт зерна увеличился за этот период в 14 раз и выражался цифрой 6 млрд. долл. С 1972 года у СССР неизменно наблюдалось отрицательное сальдо в торговле как зерном, так и сельскохозяйственной продукцией в целом.

В 1980-е годы треть потребности в зерне обеспечивалась за счет импорта и две трети составляли государственные закупки (табл. 51). Максимум импортных закупок был достигнут в 1984 г. В середине 1980-х годов каждая третья тонна хлебопродуктов в СССР производилась из импортного зерна. (Гайдар Е., 2006, С. 171–174).

Объёмы импорта зерна систематически возрастали. В 1954 г. при валовом сборе зерна 85,6 млн. т его ввоз составил 0,2 млн т, в 1988 г. при валовом сборе 195,0 млн т импорт зерна увеличился до 35 млн т, за что пришлось заплатить около 2,4 млрд инвалютных рублей. Подобные размеры импорта не оправдывались продовольственными целями, на которые расходуется не более четверти производимого в стране зерна. Большая часть импортируемого зерна, в том числе пшеницы мягких сортов, использовалась на кормовые цели и могла быть компенсирована увеличением производства кормовых корнеплодов и трав. Не способствовало рациональному использованию кормов наличие в хозяйствах большого количества низкопродуктивного скота. Группировка хозяйств по удою молока в 1988 г. показывает, что в группу хозяйств по удою до 2000 кг молока в год от коровы попадало около 2,5 млн. коров, а это составляло около 6 % всего их поголовья в стране. Больше половины хозяйств с низкопродуктивным стадом коров находилось в зонах, благоприятных по природным условиям для молочного скотоводства.

Таблица 50 – Удельный вес продовольственных товаров во всем импорте СССР, % (Внешняя торговля...1986 – 1988)

Показатели	1980 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.
Импорт, всего	100	100	100	100	100
В том числе:					
Зерно (кроме крупяного)	7,1	8,2	7,0	3,2	2,6
Сахар-сырец	4,9	5,2	5,6	5,8	5,0
Мясо и мясопродукты	2,0	1,4	1,2	1,4	1,4
Овощи, фрукты, ягоды	2,1	1,6	1,6	2,0	1,8
Станки металлорежущие и кузнечно-прессовое оборудование	1,8	2,2	2,2	2,4	2,6

Главная причина огромного импорта зерна заключалась в нерациональном использовании собственного и закупаемого зерна. Об этом говорит сравнение хлебного баланса промышленно развитых стран Запада и аналогичных данных о положении в Советском Союзе. В 1980-е годы страны «общего рынка» с населением более 320 млн. человек обходились внутренним производством зерна, не превышающим 160 млн. т (да ещё часть урожая экспортировали). В те же годы Советский Союз с населением 285 млн. человек не мог довольствоваться даже максимальным урожаем в 210 млн. т. Основную часть зерна расходовали на корм скоту. Огромные площади естественных лугов и пастбищ использовались нерационально. В стране устоялась практика скармливания зерна скоту в цельном виде, без переработки. Огромный импорт зерна в 1970-е и особенно в 1980-е годы заметно ослабил внимание и к кормопроизводству, отодвинув его на второй план. Многие хозяйства рассчитывали на получение зерна из централизованных фондов, пренебрегая собственным производством кормов.

Таблица 51 – Производство, государственные закупки и импорт зерна в СССР, млн. т (Белозерцев А. Г., 2005).

Годы	Произ-водство	Закупки	Импорт	Всего	Импорт к Произ-водству, %
------	---------------	---------	--------	-------	---------------------------

1970	186,8	73,3	1,3	74,6	0,007
1975	140,1	50,2	26,6	76,8	19,0
1980	189,1	69,4	34,8	104,2	18,4
1985	191,7	73,5	29,9	103,4	15,6
1987	211,4	73,3	32,0	105,3	15,1

Другая проблема - невысокое качество пшеничного зерна,- затруднявшая использование зерна для хлебопечения, и особенно макаронной промышленности. Допускались значительные потери зерна в поле, при транспортировке и хранении. Импорту зерна способствовала также ведомственная разобщенность. Увеличение производства высокобелковой пшеницы, создание современной комбикормовой промышленности позволили бы сократить, а затем и вовсе отказаться от ввоза значительного количества продовольственного и фуражного зерна.

На покупку зерна на мировом рынке затрачивались огромные средства. Если в 1960 г. импорт зерна составил 15,3 млн. руб., то в 1981 г. стоимость импорта зерна уже составила 4815 млн. руб., из них 2492 млн. руб. приходилось на пшеницу и 1722 млн. руб. отводилось кукурузе (51,8 и 35,7%).

За четыре года (1984-1987) стоимость хлеба, ввезенного в страну, составила 13 779 054 тыс. руб. Особенно выделялся 1984 г., когда на импорт зерна израсходовали 5,4 млрд. руб. Хотя с годами прослеживается тенденция снижения затрат на ввоз зерна, однако размеры оставались весьма значительными (табл. 52). Если бы в то время 13,8 млрд. руб. были вложены в увеличение внесения удобрений под зерновые культуры и развитие комбикормовой промышленности, то, несомненно, можно было бы резко сократить импорт хлеба и таким образом укрепить экономику сельского хозяйства. Однако трудно было ожидать чего-то иного от не ориентированного на достижение экономической эффективности советского сельского хозяйства.

Энергетические кризисы 1973 – 1975 и 1979 – 1981 гг., приведшие к тому, что на протяжении 11 лет (1973 – 1984 гг.) в мире держались высокие цены на нефть, явились тем спасательным кругом, что позволил крайне неэффективной советской системе продержаться на плаву ещё более полутора десятилетий. Именно сверхдоходы от экспорта нефти позволили СССР решать экономические проблемы, стабилизировать потребительский рынок, закупая ежегодно десятки миллионов тонн зерна, финансируя при этом гигантскую армию, ВПК, экономически поддерживая колонии и сателлитов. А.Н.Косыгин, например, не раз обращался к начальнику Главтюменьнефтегаза В.Муравленко с такой примерно просьбой: «С хлебушком плохо – дай 3 млн. тонн сверх плана». (Славкина, 2002, с. 143). Государство дотировало отечественного производителя, поддерживая стабильно низкие цены на продовольствие. В 1989 г. дотации на продовольственные товары составляли 1/3 бюджета СССР. Доля дотаций в розничной цене на основные продукты питания доходила до 80%. (Гайдар, 2006, с. 212).

Проблемы и противоречия советского сельского хозяйства и продовольственного рынка были спрятаны под сукно благодаря удачной конъюнктуре мирового нефтяного рынка. Как только в 1985 – 1986 гг. произошёл обвал мировых цен на нефть, новое руководство СССР во главе с М.С.Горбачёвым встало перед острой необходимостью реформирования экономики.

Таблица 52 – Стоимость зерна, импортируемого СССР в 80-е годы, тыс. руб. (Внешняя торговля..., 1985 – 1987 гг.)

Показатели	1984 г.	1985 г.	1986г.	1987г.
Зерно, всего (кроме крупяного)	3 364 788	4 840 411	2 017 593	1 556 262
В том числе:				
Пшеница	3 746 232	2 493 634	1 242 923	979 372
Ячмень	138 059	352 372	178 800	105 212
Кукуруза	1 410 993	1 940 411	588 380	469 302

Когда цены на нефть падают, резко сократить импорт важнейших продовольственных товаров, в том числе зерна, невозможно. Но и поддерживать на прежнем уровне закупки за рубежом становится трудно. Хорошие урожаи, обусловленные погодными условиями 1986 и 1987 гг., позволили горбачёвскому руководству сгладить последствия резкого падения цен на нефть, увеличить объём заготовок внутри страны, временно сократить закупки за рубежом. Расходы на импорт зерна снизились на 2 – 3 млрд. долл. Однако 1988 г. показал, что это было лишь короткой передышкой.

В середине 1980-х годов правительство, понимая всю степень угрозы стабильности режима, было совершенно не готово к обсуждению самой идеи о некомпенсируемом повышении цен на продовольствие. Не были готовы власти и к введению полноценной карточной системы как по политическим соображениям, так и из-за отсутствия ресурсов для её нормального функционирования. Хотя постепенно в различных частях страны появляются элементы нормирования продовольственного потребления. Ещё одним способом временной нормализации продовольственной ситуации могло бы стать наращивание импорта продуктов питания за счёт сокращения капиталовложений в определённые отрасли и регионы, прежде всего в ВПК. Но такой путь означал бы начало ожесточённого конфликта с военными, руководством могущественного ВПК, региональным руководством многих областей и, скорее всего, немедленное смещение М.С.Горбачёва по примеру Н.С.Хрущёва.

У правительства СССР не остаётся иного выхода, как попытаться, ничего не меняя в основах экономической системы, сохраняя как громадные капиталовложения в промышленность, армию и сельское хозяйство, так и дотации на продукты питания, встать на путь резкого расширения внешних заимствований.

Как отмечал в докладе о государственном бюджете на 1990 г. министр финансов СССР В.С.Павлов, «объём внешнего долга достиг уровня, за которым он начинает возрастать уже без новых займов лишь за счёт увеличения расходов по его обслуживанию. На уплату долгов и процентов уже в 1990 г. придётся израсходовать всю выручку от экспорта продукции топливно-энергетического комплекса». (Павлов, 1990, с. 9).

Вместе с тем правительство продолжало расширять финансирование АПК. Как отмечалось в том же докладе, «в социальной переориентации бюджета ключевое место занимает увеличение централизованного финансирования агропромышленного комплекса. На 1990 г. предлагается выделить 116,5 млрд. рублей, что на 8 млрд. руб. выше плана текущего года и на 10,4 млрд. руб. – проектировок пятилетнего плана. Это создаёт дополнительное напряжение в бюджете и финансах страны, но идти на эти расходы надо для ускорения решения продовольственной проблемы». (Павлов, 1990, с. 15). Прямые и косвенные дотации советскому аграрному сектору оценивались в конце 1980-х годов в 128 млрд. долл. в год. (Kennedy, 1988, p. 633).

Таким образом, и после обвала мировых цен на нефть правительству М.С.Горбачёва удавалось несколько лет благодаря расширяющимся внешним заимствованиям не приступать к серьёзным экономическим реформам. В увеличении внешнего долга кроется и «секрет» продолжения роста объёмов сельскохозяйственного производства вплоть до конца 1980-х годов. Но долго обманывать экономику было невозможно. Экономика России, а вместе с нею и сельское хозяйство, вступали в период затяжного и чрезвычайно болезненного структурного кризиса.

Литература

1. Безнин М. А., Димони Т. М. Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930–1980-х годов // Отечественная история, 2005, № 6. С. 94–121.
2. Белозерцев А.Г. Земля и хлеб России. М.: Издательство МСХА, 2005. – 380 с.
3. Внешняя торговля СССР: Статистические сборники за 1985, 1986 и 1987 гг. М.: Финансы и статистика.
4. Гайдар Е. Т. Гибель империи: Уроки для современной России. М., 2006.

5. *Гайдар Е., Лацис О.* По карману ли траты? // Коммунист, 1988, № 17.
6. *Давечвич Т. А.* Прогнозирование объемов и структуры валовой продукции сельского хозяйства / Прогнозирование развития сельскохозяйственного производства. М., 1975. С. 66–90.
7. *Долгушкин Н. К.* Проблемы кадрового обеспечения АПК Нечерноземья / 30 лет преобразования Нечерноземной зоны Российской Федерации: итоги и перспективы. М.: ФГНУ «Росинформагротех». – 2004. – С. 81–86
8. Закон РСФСР «Об охране природы СССР» М., 1966.
9. *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущёва и сельское хозяйство страны // Отечественная история, 2000, № 1. С. 83.
10. *Иноземцев В. Л.* Пределы «догоняющего» развития. М., 2000.
11. *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 768 с.
12. *Киришин В. И. Т. С.* Мальцев и развитие теории обработки почвы // Земледелие, № 6, 2005. – С. 6–9.
13. *Ковалёв Е.В.* Агропродовольственный сектор России // Мировая экономика и международные отношения, 2007, № 4. С. 82 – 91.
14. *Ковда В. А.* Прошлое и будущее чернозема//Русский чернозем. – М., 1988. – С.253–280.
15. *Корнаи Я.* Социалистическая система: Политическая экономия коммунизма. М., 2000.
16. *Красильщиков В. А.* Вдгонку за прошедшем веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.
17. *Малия М.* Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991. М., 1991.
18. *Наливайко Г. А.* Пропашная система земледелия. – Барнаул, 1982.-180 с.
19. Народное хозяйство СССР в 1990 г.М.: Финансы и статистика, 1991
20. *Нарциссов В. П.* Научные основы систем земледелия. – М.: Колос, 1976-368 с.
21. Население СССР 1987. Статистический сборник. М., 1987.
22. *Носенко П. П.* Основные направления научно-технического прогресса в мелиорации / Прогнозирование развития сельскохозяйственного производства. М., 1975. С. 54–65.
23. *Ослунд А.* Россия: рождение рыночной экономики. М., 1996.
24. *Павлов В. С.* О Государственном бюджете СССР на 1990 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1988 год. М., 1990.
25. *Папцов А. Г.* К вопросу о роли государства в функционировании аграрного сектора с развитой рыночной экономикой/Роль и место агропромышленного комплекса в удвоении валового внутреннего продукта России. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2005. – С. 68–71.
26. *Прянишников Д. Н.* Азот в жизни растений и в земледелии СССР //Избр. тр. – М.: Наука, 1976. – С. 17–196.
27. *Пыжиков А. В.* Хрущёвская «оттепель». М., 2002.
28. *Резников В. Л.* Российская реформа в пятнадцатилетней ретроспективе /«Российский экономический журнал», 2001, № 4.
29. Решение исполкома Ульяновского областного Совета депутатов трудящихся № 346/11 от 22 апреля 1961 г. «О мерах по защите почв от водной и ветровой эрозии».
30. *Савенко Н. А.* Итоги преобразования АПК Московской области и перспективы развития / 30 лет преобразования Нечерноземной зоны Российской Федерации: итоги и перспективы. М.: ФГНУ «Росинформагротех». – 2004. – С. 65–70.
31. *Славкина М. В.* Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960 – 1980-е годы. М., 2002.
32. *Слободин В. М.* Прогнозирование научно-технического прогресса и материальных ресурсов в сельском хозяйстве / Прогнозирование развития сельскохозяйственного производства. М., 1975.С.27–53.
33. Социалистическая индустрия, 1989, 28 февраля.
34. Социальное развитие СССР. 1989. М., 1991.

35. Стенографический отчет Пленума ЦК КПСС (июль 1953) // Известия ЦК КПСС. – 1991. – N 1. – С. 140–214.
36. *Строев Е. С.* Крестьянин – это образ жизни // Газ. Правда. – 1990. – 22 мая.
37. Центр хранения современной документации (ЦХСД).
38. *Чесняк Г. Я. и др.* Гумусовое состояние чернозёмов // Русский чернозём. – М.: Наука, 1988. – С. 191.
39. *Шевляков И. П.* Итоги преобразования АПК Калининградской области / 30 лет преобразования Нечерноземной зоны Российской Федерации: итоги и перспективы. М.: ФГНУ «Росинформагротех». – 2004. – С. 110–113.
40. *Шестаков В. А.* Политика Н.С.Хрущёва в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история, 2006, № 6. С. 106 – 119.
41. *Шубин А. В.* От «застоя» к реформам: СССР в 1917–1985 гг. М., 2001.
42. *After Brezhnev: Sources of Soviet Conduct in the 1980s.* Bloomington (Indiana), 1983.
43. *Goldman M.* What Went Wrong with Perestroika. N.Y., L., 1992.
44. Human Development Report 1999. N.Y., Oxford, 1999.
45. *Johnson D.* Agricultural Performance and Potential in the Planned Economies: Historical Perspectives. Office of Agricultural Economic Research. The University of Chicago. Paper No. 97(1). 1997. March 21.
46. *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N.Y., 1988.
47. *Nove A.* An Economic History of the USSR. L., 1989.

ГЛАВА 7. РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ 1990-Х ГОДОВ

Проводимые в стране аграрные преобразования, сведённые в основном к структурным изменениям и нерегулируемой либерализации рынка, привели к развалу материально-технической базы АПК и системных технологий ведения производства, их примитивизацию, поставили под угрозу существование основного невозобновляемого средства производства в сельском хозяйстве – почвы, без чего функционирование этой отрасли вообще невозможно. В результате почти полного прекращения работ по сохранению земель и их улучшению во всех регионах страны идет быстрое нарастание процессов деградации почв, резкое снижение их плодородия. По этой причине уже выведены из сельскохозяйственного оборота десятки миллионов гектаров земли, сократились посевные площади.

Анализ сущности и динамики организационных, экономических и технологических факторов ведения сельскохозяйственного производства в России за 1991–1997 гг., проведённый Г. А. Романенко и др. (1999) свидетельствует, что глубокий кризис и социальные бедствия, переживаемые этой важнейшей для страны жизнеобеспечивающей сферой не является результатом накопленных в прошлом нерешенных проблем, отдельных просчетов. Катастрофическое положение в аграрной сфере в настоящее время – это неизбежное следствие избранного курса реформ и методов его осуществления. Далее авторы указывают, что основными причинами кризиса в АПК являются следующие недостаточно продуманные меры, реализуемые на селе в качестве составных частей «аграрной реформы»:

1. Перевод сельского хозяйства, ресурсных и обслуживающих его отраслей народнохозяйственного комплекса страны на либерализованные рыночные отношения без какого-либо контроля за ними со стороны государства. Это привело к девальвации экономического закона об обязательной эквивалентности межотраслевых товарных связей и в этих условиях – к диспаритету цен, развалу финансового состояния аграрной сферы, что повлекло за собой развал ресурсопоставляющих и обслуживающих АПК отраслей производства;

2. Фактическое прекращение государственной поддержки сельских товаропроизводителей, являющейся важнейшим условием эффективного развития сельского хозяйства во всех экономически развитых странах мира;

3. Отсутствие правовой системы функционирования сельских товаропроизводителей в новых экономических условиях при рыночных отношениях и наличии различных форм собственности;

4. Неопределённость организационной структуры сельскохозяйственного производства и других отраслей АПК, основная ставка на крестьянские (фермерские) хозяйства без решения правовых вопросов их функционирования, а также условий материально-технического и ресурсного, а также финансового обеспечения и организации системы реализации ими произведённой продукции;

5. Отсутствие средств и неподготовленность местных органов власти к решению социальных проблем села;

6. Незаработанность системы мероприятий по формированию регулируемых продовольственных фондов и фондов сельскохозяйственного сырья, аграрных рынков различного иерархического уровня и защиты сельских товаропроизводителей от импортных интервенций продовольствия и ресурсной продукции;

7. Отсутствие чёткого рационального разграничения функций и прав государства и субъектов аграрного производства, а также всех групп участников экономического процесса в АПК, адекватного новым условиям хозяйствования.

Аграрная реформа была начата и проходила без учета её конкретных целей и задач, в условиях отсутствия разработки альтернативных, с экономической оценкой

путей достижения намеченных целей, прогнозирования динамики и конечных результатов, принятых к реализации мероприятий, то есть была допущена подмена научного обеспечения реализации намеченных мероприятий мерами так называемой «шоковой терапии». Не была принята во внимание и необходимость тщательной проработки сущности и объёмов иностранной помощи при проведении намеченной смены экономических формаций. Поэтому начатые в стране аграрные преобразования сводились, в основном, к мерам по проведению в стране режима либерализации рынка и структурным изменениям. Это привело к нарушению паритета цен на сельскохозяйственную продукцию и продукцию промышленности, необходимую для её производства, что повлекло за собой развал финансового состояния аграрной сферы. В 1991–1997 гг. цены на промышленную продукцию, например, росли в 4 раза быстрее, чем на сельскохозяйственную. В результате за 1991–1996 гг. цены на сельскохозяйственную продукцию увеличились в 998 раз (в том числе на зерно – в 1240 раз, масличные культуры – 914, картофель – 974, овощи – 1674, скот и птицу – 862, молоко – 715 раз), а на промышленную продукцию и услуги в 4114 раз (в том числе: на зерноуборочные комбайны – в 6934 раза, тракторы – 5347, автомобили грузовые – в 3255, минеральные удобрения в 4853, комбикорма – в 3283, электроэнергию – в 8217, горючее и смазочные материалы – в 7818, уголь – в 4502, газ природный – в 5864 раза). В результате этой операции (стимулируемой государством) из агропромышленного комплекса было безвозмездно изъято более 200 триллионов рублей, что превышает сумму 30 государственных бюджетов, выделенных для села на 1997 год. Это одна из важнейших причин резкого удорожания себестоимости производства продукции сельского хозяйства.

В итоге уже в первые годы реформ произошло снижение валового продукта, индекса продукции сельского хозяйства, в том числе растениеводства и животноводства, основных фондов, коэффициент обновления (табл. 58). Степень износа основных фондов в 1992 г. составила 34,3 %, а в 1996 г. достиг – 40,9 %.

Таблица 58 – Показатели развития сельского хозяйства, в % к предыдущему году
(Российский статистический ежегодник..., 1997)

Показатели	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Валовой внутренний продукт	95	85,5	91,3	87,3	95,9	95,1
Продукция сельского хозяйства	95	91	96	88	92	93
Продукция растениеводства	100,4	95	97	90	95	96
Продукция животноводства	93	88	95	87	89	89
Индексы изменения физического объема основных фондов в сельском хозяйстве, включая скот	102,9	101,1	98,4	95,6	96,0	98,9
Коэффициент обновления в % от наличия основных фондов на конец года (в 1970 г. составил 14,9)	5,9	3,1	1,1	0,8	0,6	0,6
Коэффициент выбытия в % от наличия основных фондов на начало года (в 1970 г. составил 4,7)	2,8	1,5	1,8	2,9	2,8	1,8

Аграрные преобразования привели к снижению валовой продукции сельского хозяйства во всех регионах Российской Федерации (табл. 59).

Таблица 59 – Валовая продукция сельского хозяйства в сопоставимых ценах 1983 г., млн. руб.

Экономические районы РФ	1986–1990 гг. (в среднем за год)	1992	1993	1994	1995
Российская Федерация	102 989,4	88 279,9	84 406,1	74 265,3	68 324,0
Нечерноземная зона	32 182,8	28 537,7	26 377,7	24 261,6	23 239,0
Северный район	2 315,5	2 062,0	1 838,5	1 737,4	1 678,0
Северо-западный район	2 994,6	2 697,8	2 462,5	2 118,0	1 981,0
Центральный район	15 396,2	12 987,1	11 929,1	11 309,7	10 500,0
Волго-Вятский	6 224,6	6 098,4	5 691,4	5 044,6	4 945,0
Центрально-Чернозёмный	10 145,6	7 993,5	8 110,6	6 638,8	5 884,0
Поволжский	14 386,7	12 758,6	12 074,7	11 185,3	9 643,0
Северо-Кавказский	16 845,9	13 469,1	13 069,1	10 814,3	9 685,0
Уральский	13 336,1	12 322,0	11 495,5	10 509,8	9 641,0
Западно-Сибирский	11 583,8	9 669,0	10 032,7	8 323,1	8 317,0
Восточно-Сибирский	5 539,7	4 952,8	4 720,4	4 162,9	3 901,0
Дальневосточный	3 287,6	2 696,7	2 433,7	1 968,2	1 764,0
Калининградская область	732,5	573,8	530,5	451,2	385,0

Отсутствие у сельских товаропроизводителей оборотных средств не только лишило их возможности приобретения техники, удобрений, горючего и других ресурсных средств, необходимых для эффективного ведения сельскохозяйственного

производства, но и создало ситуацию «ненужности» науки, «невостребованности» её производством, что повлекло за собой развал сельскохозяйственного машиностроения, других ресурсопоставляющих и обслуживающих отраслей.

Из-за недостатка финансовых средств сельские товаропроизводители в десятки раз сократили приобретение тракторов, автомобилей, зерноуборочных комбайнов, бензина, дизельного топлива (табл.). Из-за «невостребованности» производством выпуск картофелеуборочных комбайнов был прекращён совсем, а выпуск машин для внесения минеральных удобрений уменьшен с 85577 в 1990 году до 6 штук в 1997 году. Применение минеральных удобрений уменьшилось, а применение органических удобрений, из-за дороговизны горючего, сократилось во много раз. Например, на 1 га посевов в 1990 г. вносилось 88 кг/га действующего вещества, а в 1999 г. – 15 кг/га, органических удобрений соответственно 3,5 и 1,2 т/га.

Важную роль в развитии сельскохозяйственного производства играют социальные и природно-географические факторы.

С. М. Соловьев (1988, С. 56) заметил, что ход событий постоянно подчиняется природным условиям. Он отмечал, что если для Западной Европы и для ее народов природа была матерью; то для Восточной Европы для ее народов, которым суждено было здесь действовать, – мачехой. В Западной Европе почти не бывает похолоданий и жары. Влияние зимних морозов из-за частых вхождений атлантического воздуха не столь значительно. Засухи здесь редкое явление. Среднегодовая сумма осадков в Западной Европе 500–1000 мм. Условия земледелия России резко осложняются и ухудшаются из-за весенних и осенних заморозков, а также переменчивого характера летнего сезона. Ведь в большинстве районов России практически не бывает «благорастворенной» погоды «западноевропейского типа», которая бы позволяла получать устойчивые урожаи. Лето здесь то холодно-дождливое (и тогда все плохо растет), то жаркое и засушливое (что также влечет за собой неурожай). В более южных районах постоянно присутствует угроза засухи или недостаточной влажности (исключением является Северный Кавказ). Приведенные валовые сборы зерна за XX столетие свидетельствуют о резких

колебаниях величины валовых сборов по годам. Амплитуда этих колебаний значительна (рис. 1). Неблагоприятные условия для получения урожаев наблюдались систематически через 1-3 года. В связи с этим Л. В. Милов (2001) приходит к выводу, что получение низкого объема совокупного прибавочного продукта в сельском хозяйстве связано с необычайной краткостью сезона земледельческих работ и необходимостью создания специфических технологий для России.

Таблица 60 – Производство основных продуктов растениеводства и животноводства
(Российский статистический
ежегодник..., 1997, Россия в цифрах, 2001)

Показатели	1971-75	1976-80	1981-85	1986-90	1991-95	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Зерно (в весе после доработки, млн. т)	96,7	106,0	92,0	104,3	87,9	89,1	106,9	99,1	81,3	63,4	69,3	88,6	47,9	54,7	65,5
Сахарная свекла, млн. т	20,8	25,4	25,1	32,2	21,7	24,3	25,5	25,5	13,9	19,1	16,2	13,9	10,8	15,2	14,1
Семена масличных культур: подсолнечник	2,8	2,5	2,3	3,1	3,1	2,9	3,1	2,8	2,6	4,2	2,8	2,8	3,0	4,1	3,9
сои	0,5	0,5	0,4	0,6	0,5	0,6	0,5	0,5	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Льноволокно, тыс. т	207	157	152	124	72	102	78	58	54	69	59	23	34	24	51
Картофель, млн. т	47,1	40,9	38,4	35,9	36,8	34,3	38,3	37,7	33,8	39,9	38,7	37,0	31,4	31,3	34,0
Овощи, млн. т	10,1	10,4	12,1	11,2	10,2	10,4	10,0	9,8	9,6	11,3	10,7	11,1	10,5	12,3	12,5
Плоды, ягоды и виноград, млн. т	2,9	3,1	3,6	3,3	2,8	2,7	3,4	3,2	2,4	2,5	3,4	3,1	2,6	2,4	3,4
Мясо (в убойном весе), млн. т	7,1	7,4	8,1	9,7	7,5	9,4	8,3	7,5	6,8	5,8	5,3	4,9	4,7	4,3	4,4
Молоко, млн.т	46,7	48,2	48,7	54,2	45,4	51,9	47,2	46,5	42,2	39,2	35,8	34,1	33,3	32,3	31,9
Яйца, млрд. шт.	29,9	36,7	43,1	47,9	40,3	46,9	42,9	40,3	37,5	33,8	31,9	32,2	32,7	33,1	33,9

С улучшением материально-технического обеспечения сельского хозяйства колебания валовых сборов наблюдались, но их уровень повышался. С ухудшением технического обеспечения сборы зерна резко снизились, одновременно произошло падение поголовья, производство продуктов животноводства (рис. 2, 3). Качество продукции растениеводства и продуктивность животноводства ухудшились (табл. 61).

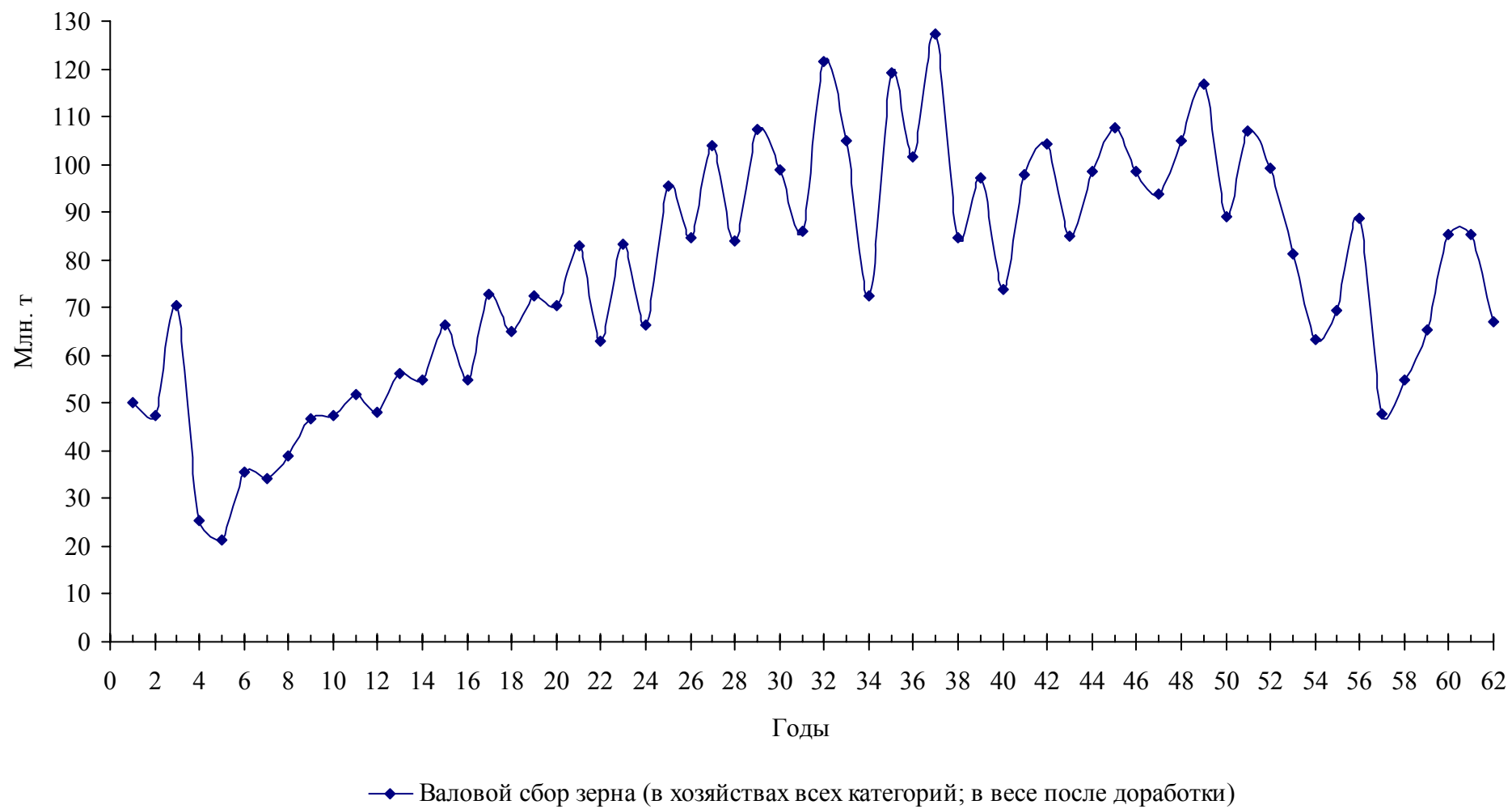

Рисунок 1 – Динамика валовых сборов зерна по годам (1928–2003 гг.): 1 – 1928 г.; 2 – 1932 г.; 3 – 1937 г.; 4–62 – 1945–2003 гг.

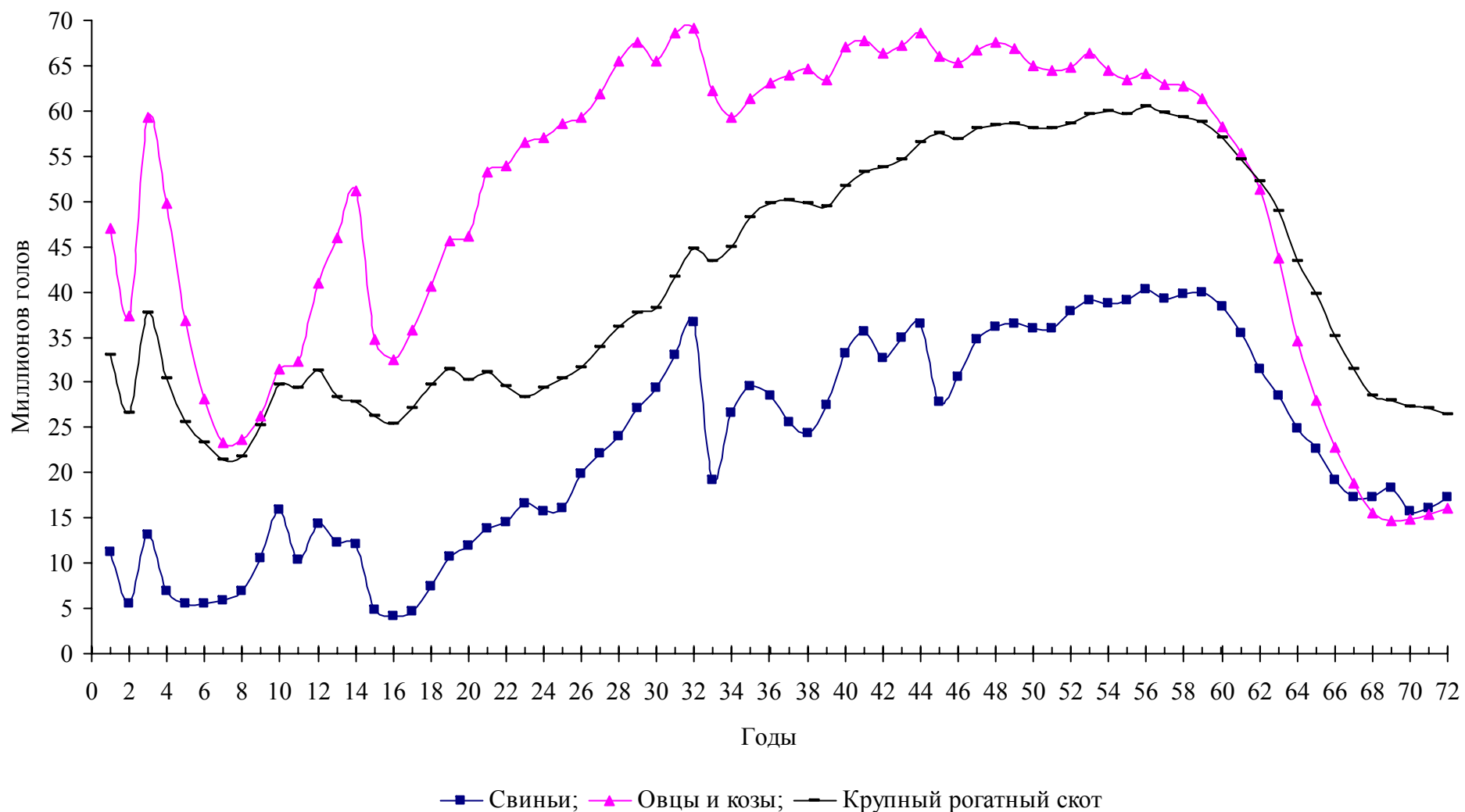

Рисунок 2 – Динамика поголовья скота (на 1 января; в хозяйствах всех категорий) по годам (1916–2003 гг.):
1 – 1916 г.; 2 – 1923 г.; 3 – 1928 г.; 4 – 1930–1941 гг.; 5 – 1946–2003 гг.

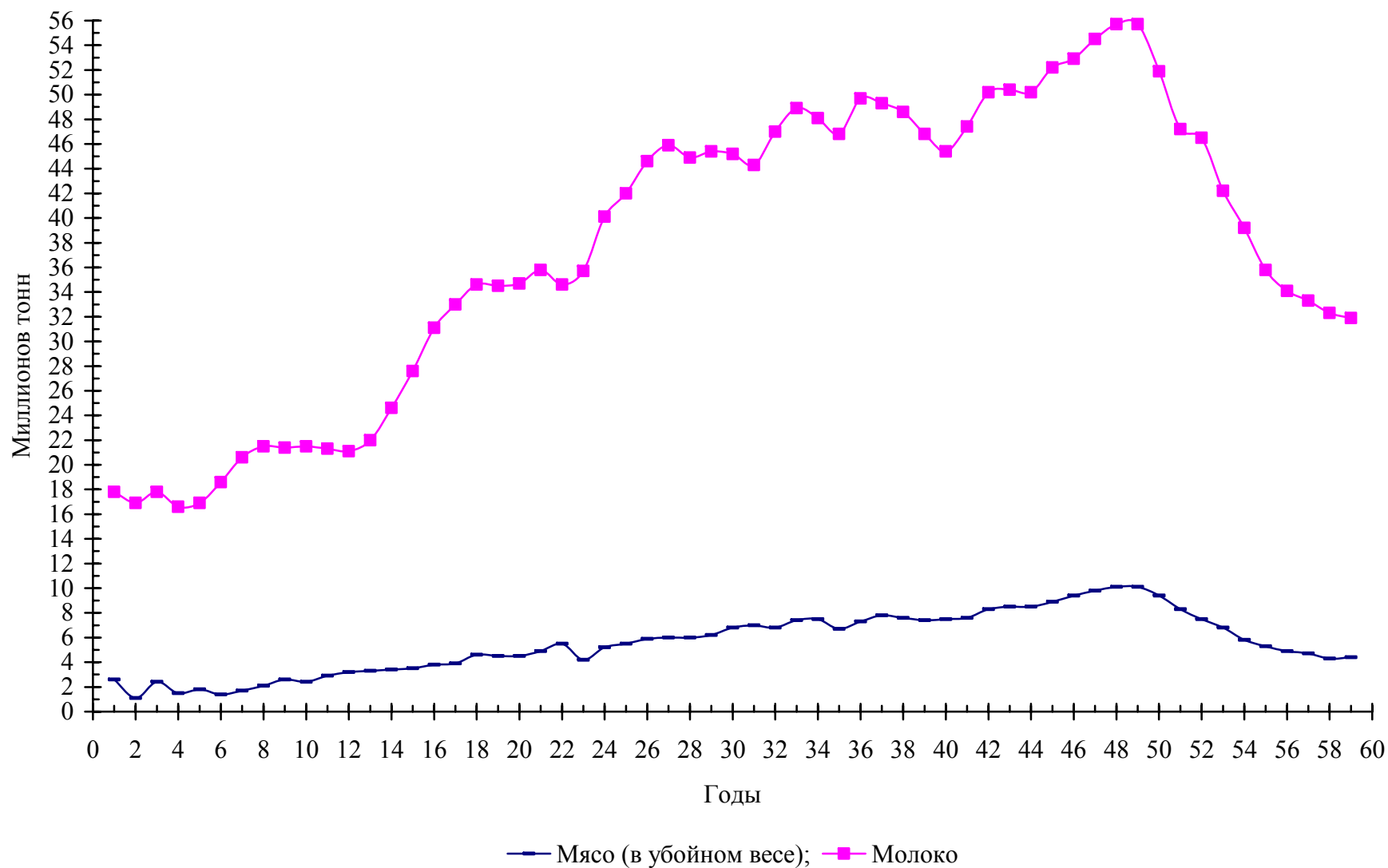

Рисунок 3 – Динамика производства мяса и молока (в хозяйствах всех категорий) по годам (1917–2000 гг.): 1 – 1917 г.; 2 – 1922 г.; 3 – 1940 г.; 4–59 – 1945–2000 гг.

Таблица 61 – Качество закупленных продуктов растениеводства и продуктивность скота и птицы (Российский статистический ежегодник..., 1997, Россия в цифрах, 2001)

Показатели	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Удельный вес в общем объеме закупок пшеницы, %:							
сильной	11	6,0	4,4	1,3	2,6	1,8	2,9
твердой (классной)	1,5	1,4	3,7	1,6	1,1	1,0	1,2
Надой на одну корову, кг	2731	2567	2332	2328	2162	2153	2144
Средняя годовая яйценоскость кур-несушек в сельскохозяйственных предприятиях, шт.	236	231	224	222	214	212	218
Средний годовой настриг шерсти с одной овцы, кг	3,9	3,7	3,4	3,3	3,0	2,9	3,0
Продукция выращивания скота в расчете на одну голову:							
крупного рогатого скота	121	112	102	100	89	93	88
свиней	118	111	102	103	95	99	96

Развитию процесса развала финансового состояния сельского хозяйства и его материально-технической базы способствовало и резкое сокращение государственной поддержки аграрного сектора производства.

В 1990–1999 гг. сворачивалось внесение удобрений (табл. 62). В 1990 г. было произведено 16,0 млн. тонн минеральных удобрений, из которых 9,9 млн. тонны (61,9 %) были внесены на поля. В 1999 г. было произведено 11,5 млн. тонн, из которых на поля поступило только 1,1 млн. тонн (9,6 %). Остальная часть вывозится за пределы страны.

Если в 70–80-е годы XX столетия поступление минеральных удобрений в сельское хозяйство составило 65–83 % от их производства, то в настоящее время – 10–12 %. Минеральных удобрений сейчас используется меньше, чем в слаборазвитых странах Африки и бывших союзных республиках СССР. Дозы их на 1 га посева с 1990 по 1997 гг. снизились в 4,9 раза, в том числе под зерновые культуры – в 4,3 раза, сахарную свеклу – 3,4, лен-долгунец – 5,4, подсолнечник – 17,0, кормовые культуры – 6,0 раза. При этом ухудшилось соотношение азота, фосфора и калия. Если в 1990 г. доля азотных удобрений была равна 38,9 %, фосфорных – 39,8, калийных – 21,3 %, то в 1997 г. – соответственно 62,2; 26,3; 11,5 %.

Таблица 62 – Динамика внесения минеральных, органических удобрений и химической мелиорации почв в Российской Федерации (Российский статистический ежегодник..., 1997, Россия в цифрах, 2001)

Показатели	1970	1975	1980	1985	1990	1992	1993	1994	1995	1996	2000
Сельскохозяйственные угодья, млн. га	222,0	219,0	219,0	218,4	213,8	210,6	210,1	209,2	209,6	208,4	197,6
Пашня, млн. га	133,3	133,6	133,9	133,9	131,8	130,0	129,5	128,4	127,6	126,0	120,0
Посевная площадь, млн.га	121,9	126,5	124,8	119,1	117,7	114,6	111,8	105,3	102,5	99,6	85,4
Приобретение тракторов, тыс. шт.	145,8	182,5	177,0	187,3	143,7	65,4	39,5	22,1	9,7	8,8	–
Продажа автобензина, млн.т	12,8	16,4	18,3	18,5	11,3	9,4	6,2	3,7	3,3	2,9	1,8
Продажа дизельного топлива, млн.т	14,6	17,5	21,6	23,5	20,0	16,5	12,8	7,8	7,1	6,2	5,0
Нагрузка пашни на один трактор, шт.	129	110	99	92	95	92	94	100	108	115	135

Приходится посевов на один зерноуборочный комбайн, га	189	186	167	131	152	160	162	163	173	186	198
Внесено минеральных удобрений на 1 га посева, кг д. в.	28	49	62	85	88	–	46	24	17	17	19
В т. ч. зерновые	24	37	45	69	81	–	16	17	19	17	16
Сахарную свеклу	191	347	413	426	431	–	247	150	120	127	119
Удельный вес удобренной минераль- ными удобрениями площади ко всей посевной площади, %	36	48	58	71	66	–	45	29	25	25	27
Внесено органических удобрений на 1 га посева, т.	1,7	2,0	3,1	3,6	3,5	–	2,6	1,8	1,4	1,2	0,9

Удельный вес удобренной органичес- кими удобрениями площади ко всей посевной площади, %	—	—	9,0	8,0	7,4	—	5,2	3,9	3,2	2,9	2,2
Произвестковано кислых почв, млн. га	2,6	3,6	3,7	4,9	4,7	3,8	2,8	1,5	0,9	0,7	—
Проведено гипсование солонцовых почв, тыс. га	31	58	58	98	159	99	43	15	3,5	3,0	—

Из-за неплатежеспособности хозяйств в нашей стране на 1 га пашни вносят минеральных удобрений в 3–4 раза меньше, чем в Канаде; в 7–25 раз меньше, чем в США, странах ЕС и Китае. Вместе с тем по масштабам экспорта минеральных удобрений наша страна уступает только США и Канаде. Причем экспортируемые удобрения идут по цене в 1,8–2 раза ниже, чем их продают отечественным товаропроизводителям. Даже при половинной окупаемости минеральных удобрений можно было бы за счет снижения объема их экспорта ежегодно дополнительно получать не менее 10–12 млн. т зерна без каких-либо дополнительных затрат (Алтухов А. И., 2000).

Приостановлены работы по химической мелиорации почв (известкованию кислых почв, гипсованию, фосфоритованию и пр.). Резко снизился выход органических веществ из-за падения поголовья скота. На 1 га посевов в 1990 г. вносилось 3,5 т, в 1997–1999 гг. – 0,7–0,9 т. Из-за уменьшения объемов мероприятий по сохранению почвенного плодородия усилилась деградация земель. Сокращаются посевные площади: в 1991 г. по всем категориям хозяйств они составили 115 509 тыс. га, а в 1997 г. – 96 554 тыс. га (под зерновыми культурами – соответственно 63 100 и 53 600 тыс. га). При недостатке в почве питательных веществ экстремальные факторы (жаркая и сухая погода) вызывают еще большее истощение и ухудшение урожайности. Такая закономерность прослеживается во всех регионах страны.

Недостаток минеральных и органических удобрений по данным Г. А. Романенко (2000) влечет за собой развитие деградационных процессов почвы: эрозии, дегумификации, подкисления, опустынивания, вторичного засоления. В Краснодарском крае за 1991–2002 гг. дефляция и эрозия увеличились в 1,2 раза, засоление – в 2 раза, наблюдается снижение содержания гумуса, возросло уплотнение и переувлажнение почв (в 6 раз). С 1980 по 1993 гг. утрачено 21,2 % малогумусных черноземов, которые перешли в разряд слабогумусных (Нечаев В. И., Рыбалкин А. П., 2002).

Для обеспечения нормальной работы предприятий пищевого сектора, обеспечения населения продуктами питания и независимости страны от импорта продовольственных товаров необходимо ежегодно производить зерна

около 1 000 кг на душу населения. Уровень производства такого количества зерна за 1993–2000 гг. достигнут в 6 странах: в Канаде – 1 868 кг, Австралии – 1 841 кг, Дании – 1 732 кг, США – 1 304 кг, во Франции – 1 150 кг и в Венгрии – 1 106 кг. В России в среднем за год производилось 448 кг зерна на душу населения. Начиная с 1991 г. наблюдается существенное снижение валового сбора зерна.

Существенное влияние на повышение валовых сборов зерна оказывают минеральные удобрения. Рекордсменами по расходованию удобрений являются Нидерланды (578–646 кг/га), Япония (330–452 кг/га), Великобритания (324–382 кг/га), Франция (253–308 кг/га), Китай (206–397 кг/га), Германия (229–289 кг/га), Норвегия (210–281 кг/га).

Вывоз почти половины объема товарного зерна повлек за собой недостаточное использование зерна на корм скоту и птице, резкое падение их продуктивности, минимальное потребление населением продуктов питания животного происхождения, т. е. экспорт произошел за счет ограничения внутреннего потребления, как это наблюдалось в начале XX века. Вместе с тем экспортный потенциал стран может составлять не менее 10 млн. т (Алтухов А. И. и др., 2005).

По сравнению с 1986–1990 гг. производство зерна снизилось на 23,6 %, сахарной свеклы почти вдвое, производство мяса более чем в два раза, молока – на 38,6 %, яиц – на 24,9 %, шерсти в 5,3 раза меньше.

Природными факторами, влияющими на урожайность зерна, являются осадки и температура (табл. 63).

Продовольственная безопасность страны не обеспечивается, главным образом, по нескольким видам продукции, в первую очередь – мясным продуктам, в меньшей мере – молочным, а также сахару, растительному маслу. Производство мяса в стране упало до уровня, которое было в 1962 г., молока – в 1958 г., не прекращается угрожающее по размерам сокращение поголовья крупного рогатого скота и свиней. Основные причины спада производства продукции животноводства связаны с низким уровнем его доходности,

снижением платежеспособного спроса населения, непрекращающимся неоправданным «давлением» импорта на внутренний продовольственный рынок. Происходит сокращение поголовья крупного рогатого скота и свиней (табл. 64). В 1990–2003 гг. резко сократилось поголовье основных видов скота: крупного рогатого – на 54,3 %, овец и коз – на 74,6, свиней – на 54,2 %. В большинстве регионов наблюдалось падение его в 2 и более раза. Свиней по сравнению с уровнем 1986 г. в 2003 г. стало меньше в 2,4 раза. Даже в сопоставлении с 1921 г. (38,3 млн. гол.) количество крупного рогатого скота меньше на 34,4 %. Поголовье овец и коз в тот же период снизилось более чем в 3 раза.

Таблица 63 – Влияние природных факторов и ресурсной обеспеченности на формирование урожайности зерновых в Поволжье, в среднем за 1994–2000 гг. (Маркин Б. К., 2004)

Регионы	Урожай зерна, кг/га	Доля фактора урожая, кг					
		Погода, ГТК	Почва	Технич. оснащ.	Удобрения	Трудовой ресурс	Прочие
Поволжье, в целом	1 200	659	38	224	148	37	94
Татарстан	2 154	862	37	302	730	56	167
Ульяновская обл.	1 287	750	39	265	90	42	101
Пензенская обл.	1 059	671	37	214	17	37	83
Самарская обл.	1 144	697	42	219	65	32	89
Саратовская обл.	953	650	39	147	17	26	74
Волгоградская обл.	890	578	38	166	15	24	69
Калмыкия	896	546	29	193	23	35	70

Таблица 64 – Поголовье скота и производство продукции животноводства в хозяйствах всех категорий (Ушаев И. Г., 2005, Романенко Г. А. и др., 1999)

Показатели	Годы				
	1986–1990	2001	2002	2003	2004
Поголовье (на конец года, млн. голов): КРС	59,24	27,1	26,5	24,9	23,1
в том числе коровы	21,06	12,2	11,8	11,1	10,3
Свиньи	39,3	16,0	17,3	16,0	14,2
Овцы	62,26	15,3	16,1	17,0	17,0

Произошло ухудшение качества питания россиян. По сравнению с 1990 г. потребление мяса составило в 2003 г. – 69,3 %, молока – 59,8 %, яиц – 82,5 %, сахара – на 23,4 %. Увеличилось потребление менее калорийных продуктов питания: картофеля, растительного масла, хлеба (табл. 65).

Таблица 65 – Потребление продуктов питания по Российской Федерации на душу населения, в год килограмм

Вид продукции	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Мясо и мясопродукты	75	55	51	50	48	45	45	47	50	52
Молоко и молочные продукты	386	253	232	229	221	215	216	221	229	231
Яиц, шт. в год	297	214	207	210	218	222	229	236	245	245
Сахар	47	32	33	33	33	35	35	36	36	36
Растительное масло	10,2	7,4	7,9	8,4	8,9	9,3	10,0	10,5	10,6	11,0
Картофель	106	124	125	130	123	117	118	122	122	125
Овощей и бахчевых культур	89	76	75	79	78	83	86	89	91	94
Хлебных продуктов	119	121	117	118	118	119	118	120	122	120

Ухудшение условий жизни в России привело к быстрому росту заболеваемости во всех взрослых группах населения. Продолжительность жизни мужчин составляет – 57,6 лет (135-е место в мире), женщин – 71,2 года (100-е место). Произошло увеличение смертности и вымирание сельского населения страны (табл. 66).

Впервые в истории страны начался процесс уменьшения численности населения. Если в 1990 г. по сравнению с 1989 г. прирост населения был равен 332,9 тыс. чел., то уже в 1991 г. – всего 103,9 тыс. чел. С 1995 по 1996 г. убыль составила 824,5 тыс. чел. Если в 1992 г. подобное отмечалось в 44 регионах, то с 1994 г. ухудшение демографической обстановки идет везде.

Таблица 66 – Показатели естественного движения сельского населения РФ
(Российский статистический ежегодник, 1997)

Годы	На 1 000 населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост
1960	26,5	8,2	18,3
1965	17,6	8,6	9,0
1970	14,3	10,0	4,3
1975	15,3	11,8	3,5
1980	16,1	13,4	2,7
1985	17,8	14,0	3,8
1986	18,6	12,5	6,1
1987	18,6	12,7	5,9
1988	17,6	13,0	4,6
1989	16,4	12,7	3,7
1990	15,5	13,3	2,2
1991	14,5	13,4	1,1
1992	13,2	14,1	-0,9
1993	11,5	16,4	-4,9
1994	11,4	17,5	-6,1
1995	10,9	16,5	-5,6
1996	10,4	16,2	-5,8

В дореформенный период по потреблению в среднем основных видов продовольственных товаров на душу населения, при всех недостатках торговли и больших объемах импорта зерна, Россия находилась на седьмом месте в мире. В силу того, что заработная плата в СССР не включала в себя средства для массовой покупки жилья и рыночной оплаты жилищно-коммунальных услуг, здравоохранения, образования и других общественных благ, доля расходов на питание в бюджетах семей уменьшалась, но все же была больше, чем в развитых странах мира. В настоящее время удельный вес затрат домашних хозяйств на питание в общих их расходах составляет в среднем по России почти 45 %, или на 16 процентных пунктов больше, чем в 1990 г. При этом уровень потребления продовольствия (в пересчете на калории) на душу населения снизился за сопоставимый период на 22 %. В группах населения с наименьшими доходами удельный вес расходов на приобретение продовольствия превышает 60 %. Основной причиной такого положения является низкий платежеспособный спрос основной части населения.

Значительная его часть не может позволить себе питаться даже на уровне минимальной потребности, а средние рациональные нормы питания доступны лишь 10–20 % населения.

Другой причиной низкого уровня потребления продовольствия в России стали высокие розничные цены, являющиеся, во-первых, следствием отсутствия государственного регулирования этого сегмента рынка и получения сверхприбылей в сфере прохождения продукции от товаропроизводителя до конечного потребителя, включая торговлю. Во-вторых, повышение уровня потребления продовольственных товаров сдерживается спадом сельскохозяйственного производства, связанным с его убыточностью (или низкой рентабельностью), что, в свою очередь, обуславливает отсутствие в отрасли средств для освоения высоких ресурсосберегающих технологий, сохранения квалифицированных кадров, расширенного воспроизводства.

Складывается замкнутый порочный круг, который в итоге приводит к наращиванию импорта продовольствия и потере страной продовольственной независимости, превышению порогов продовольственной безопасности. Существенно возросший объем импорта, включая так называемую гуманитарную помощь в первые годы реформ, стал уменьшаться после дефолта 1998 г., однако в последние годы он вновь вернулся на уровень около 12 млрд. долл. США.

Особую тревогу вызывает предстоящее вступление России в ВТО. Необходимо учитывать, что правила ВТО не предусматривают особых режимов для государств с переходной экономикой, которые еще только выходят из тяжелого кризиса, а требования её по одновременному сокращению государственной поддержки, открытию рынков и отказу от экспортных субсидий будут иметь отрицательные последствия как для производителей, так и продовольственной безопасности России, хотя существует точка зрения о том, что при вступлении в ВТО в самом выигрышном положении окажется отечественное сельское хозяйство.

Если к настоящему времени Россия теряет из-за несбалансированности ее внешней торговли по агропродовольственному сектору 3,3 млрд. долл. ежегодно, то либерализация российского агропродовольственного рынка по требованиям ВТО приведет к уменьшению доли России в мировом экспорте с 1,3 до 1 % при одновременном увеличении доли в импорте с 1,9 до 2,3 %. Это означает, что стоимость агропродовольственного импорта будет устойчиво превышать стоимость агропродовольственного экспорта на 7,3 млрд. долл. Суммарный риск снижения конкурентоспособности аграрного сектора России после присоединения к ВТО на диктуемых условиях составит 4 млрд. долл. Эта величина в 2 раза превышает расходы на сельское хозяйство в консолидированном бюджете России.

Крайне тяжелым остается финансовое состояние сельскохозяйственных предприятий. Уровень рентабельности упал с (+37 %) в 1990 г. до (-21–24 %) в 1996–1997 гг. В 1999 г. он составил 9 %. С 1994–1997 гг. этот показатель постоянно уменьшался по всем видам продовольствия. Число убыточных сельскохозяйственных предприятий увеличилось с 0,7 тыс. в 1990 г. до 14,8 тыс. в 1999 году. Уровень рентабельности основных видов сельскохозяйственной продукции наибольшим был в конце 80-х годов, затем произошло снижение этого показателя. Производство молока, мяса, шерсти стало нерентабельным (табл. 67).

Таблица 67 – Рентабельность продукции, реализованной сельскохозяйственными предприятиями (Российский статистический ежегодник, 1997)

Показатели	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Зерно	158	104	305	190	59	55	42
Сахарная свекла (фабричная)	26	-1,8	95	109	42	39	7
Семена подсолнечника	145	231	381	217	145	134	30
Картофель	24	120	150	102	77	83	24
Молоко и молочные продукты (в пересчете на молоко)	56	17	31	8	-26	-1,0	-34
Мясо крупного рогатого скота	22	23	57	64	-16	-20	-47
Мясо свиней	23	15	37	52	2	-4	-31
Мясо овец и коз	40	17	73	49	-44	-37	-43
Яйца	51	74	30	37	25	27	11
Шерсть	25	86	9	-30	-55	-52	-65

И. Г. Ушачев (2000) приходит к выводу, что в начале нынешних рыночных реформ перераспределение финансовых ресурсов через систему цен вновь произошло за счет сельского хозяйства: они поступили в другие сферы экономики. Об этом свидетельствуют расчеты, проведенные Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН (табл. 68). В результате экономика сельского хозяйства 90-х годов была подорвана. Аналогичная ситуация сохраняется. По оценке ученых ВНИИЭСХ, ежегодно из отрасли происходит переток ресурсов в другие отрасли в размере 100 млрд. руб.

Таблица 68 – Перераспределение добавочной стоимости между секторами материального производства вследствие изменения относительных цен (к валовому внутреннему продукту), % (Ушачев И. Г., 2005)

Показатели	1991	1992	1993	1994
Всего перераспределено	10,9	16,2	11,8	6,5
ТЭК	0,6	9,0	2,3	1,7
Сырье, материалы 2,5	2,5	5,6	-4,6	-0,4
Машиностроение	0,7	0,2	-1,8	0,2
Легкая и пищевая промышленность	7,1	-2,5	-1,2	-0,7
Строительство	-0,3	-0,9	1,5	0,9
Сельское хозяйство	-6,2	-12,8	-4,3	-5,4
Услуги	-4,3	1,4	7,8	3,7

Властные исполнительные структуры, признавая приоритетность аграрного сектора, не рассматривают его в качестве одного из базовых секторов экономики, обеспечивающих ее стабильное развитие. Как показывают расчеты ученых Россельхозакадемии, удельный вес валовой добавленной стоимости (ВДС) сельского хозяйства в ВВП за 1990-2000 гг. сократился с 16,5 до 7,3 %, или на 9,2 процентных пункта. Расчеты за последние годы подтверждают эту тенденцию: в 2002 г. он составил уже 5,8 %, в 2003 г. – 5,4%. Такое снижение удельного веса ВДС сельского хозяйства в ВВП связано, главным образом, с ухудшением соотношения цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Однако в последние годы стал действовать и другой фактор: существенное опережение темпов роста промышленного производства по сравнению с увеличением объема продукции сельского хозяйства.

Анализ факторов, определяющих рост валовой добавленной стоимости сельского хозяйства, указывает на то, что ресурсное обеспечение отрасли существенно ухудшилось и было в относительных показателях значительно ниже, чем в среднем по экономике страны. Если в 1990 г. удельный вес сельского хозяйства в стоимости основных средств равнялся 11,4 %, в 1995 г. сохранялся на этом уровне, то в 2003 г. он уменьшился до 4,5 %. При этом объем инвестиций составлял соответственно в 1990 г. (капитальные вложения) – 15,4 %, в 1995 г. – 3,5, в 2003 г. – 2,9 %. Удельный вес основных фондов сельского хозяйства в целом по экономике страны сократился с 11 % на начало 1998г. до 3,7 % в 2004 г.

Достаточно сказать, что при существующих темпах деиндустриализации (7–9 % выбытия техники в год) посевные площади в РФ, по сравнению с 1985 годом, сократились на 32 млн. гектаров (или на 27 %). Состояние земель сельскохозяйственного назначения неудовлетворительно и продолжает ухудшаться из-за резкого сокращения работ, направленных на поддержание плодородия почв. При этом повышается кислотность, развиваются процессы дегумификации, эрозии, переуплотнения, засоления почв и другие виды её деградации. Ареалы техногенных выбросов вокруг промышленных комплексов охватывают 18 млн. га, загрязнение тяжелыми металлами – 3,6 млн. га. Радиоактивно загрязнено более 180 тыс. км².

С учетом того, что Россия уже в 2005 г. может быть присоединена к ВТО, возникает резонный вопрос о готовности российского АПК функционировать в новых условиях. Сельское хозяйство в развитых странах является приоритетной отраслью, на функционирование ее ежегодно выделяются крупные государственные средства. Достаточно сказать, что в 2003 г. в странах ОЭСР на развитие отрасли было выделено 311 млрд. долл. Так, уровень поддержки сельского хозяйства в странах ЕС в среднем за 2000–2003 гг. составил 298 долл/га, в США – 324, Японии – 473 (объем поддержки превышает вклад этой отрасли в ВВП), в Канаде – 188 долл/га, в то время как в России – около 10 долл/га.

Развитые страны к 2030 г., по прогнозу, будут выделять ежегодно на нужды сельского хозяйства 620 млрд. долл. Уже формируются специальные фонды, которые будут аккумулировать средства для разработки и осуществления проектов увеличения производства продовольствия в развивающихся странах. Так, в Японии с 1999 г. действует программа «Сельское хозяйство за рубежом», по средствам которой осуществляются крупномасштабные проекты по увеличению производства зерна в Таиланде, Малайзии, Вьетнаме, по производству говядины – в Аргентине, птицы и свинины – в Бразилии.

Внутренние риски вызваны следующим. Во-первых, это снижение уровня сельскохозяйственного производства в результате разрушения производственного потенциала все возрастающего числа сельскохозяйственных товаропроизводителей. Рост производства в отдельных аграрных объединениях типа холдингов не компенсируется его снижением в основной массе сельскохозяйственных организаций, а в последние годы по продукции животноводства – и в хозяйствах населения. Во-вторых, политика государств ориентирована на мировые цены на энергоносители и другие средства производства, отказ от эффективного регулирования рынка, монополизм производителей ресурсов и связанный с ними малоуправляемый рост внутренних цен на них. В-третьих, обесценивание сельскохозяйственного труда, рост безработицы, развитие депопуляционных процессов, социально опасное увеличение бедности населения и спад потребления продовольствия. В-четвертых, фактором риска становится, хотя и небольшой, но рост доходов населения, особенно малообеспеченной его части. Прежде всего, эти дополнительные доходы пойдут на улучшение питания, особенно на приобретение мясной и молочной продукции, что вызовет увеличение темпов инфляции.

Еще одна внутренняя угроза связана с объективными причинами: климатическими условиями сельскохозяйственного производства, т.е. возможными стихийными бедствиями, периодически повторяющимися засухами на значительной части территории. За последние 50 лет

повторяемость неблагоприятных погодных условий, снижающих уровень производства, составляет три года, а существенного его спада – пять-семь лет.

Переход к рыночной экономике, по замыслу, должен повысить степень товарности российского сельского хозяйства. На самом деле произошел возврат к примитивному самообеспечению по многим видам продукции за счет хозяйств населения, садовых и огородных участков. Продукцией с личных участков питаются более 120 млн. человек (Экономические проблемы..., 2003), или подавляющее большинство населения России. С точки зрения выживания населения они играют положительную роль, но для решения продовольственной проблемы в XXI веке нужен иной путь, основанный на применении новых высокотехнологичных и наукоемких технологий.

В сложившихся условиях сельское хозяйство сталкивается с эффектами монополии на рынках сбыта аграрной продукции и на рынках производственных ресурсов. Эти эффекты определили феномен «ножниц цен» и два основных канала изъятия финансовых ресурсов из сельского хозяйства (рис. 4). Попытки государства поддержать доходы сельскохозяйственных производителей путем прямой бюджетной поддержки, сохраняется высокая вероятность того, что эти ресурсы либо не дойдут до сельскохозяйственных производителей, либо будут «выкачены» из отрасли по каналам межотраслевых связей вследствие сложившейся неэквивалентности экономических отношений сельского хозяйства с сопряженными отраслями.

Потребность сельского хозяйства в бюджетных ресурсах прямо пропорциональна масштабам изъятия финансовых ресурсов из этой отрасли, обусловленного механизмом «ножниц» цен. Бюджетные ресурсы в этом случае фактически пополняют доходы отраслей, которые смогли обеспечить опережающий рост цен на свою продукцию. При сохранении «ножниц» цен никакая бюджетная поддержка не поможет решить задачу нормализации финансового положения сельского хозяйства. Велика опасность дискредитации как исходных целевых установок государственной поддержки аграрного сектора, так и инструментов их реализации. Нормализация финансового

положения сельского хозяйства может быть достигнута лишь в результате комплекса мероприятий, обеспечивающих масштабное сокращение изъятия финансовых ресурсов из этой отрасли.

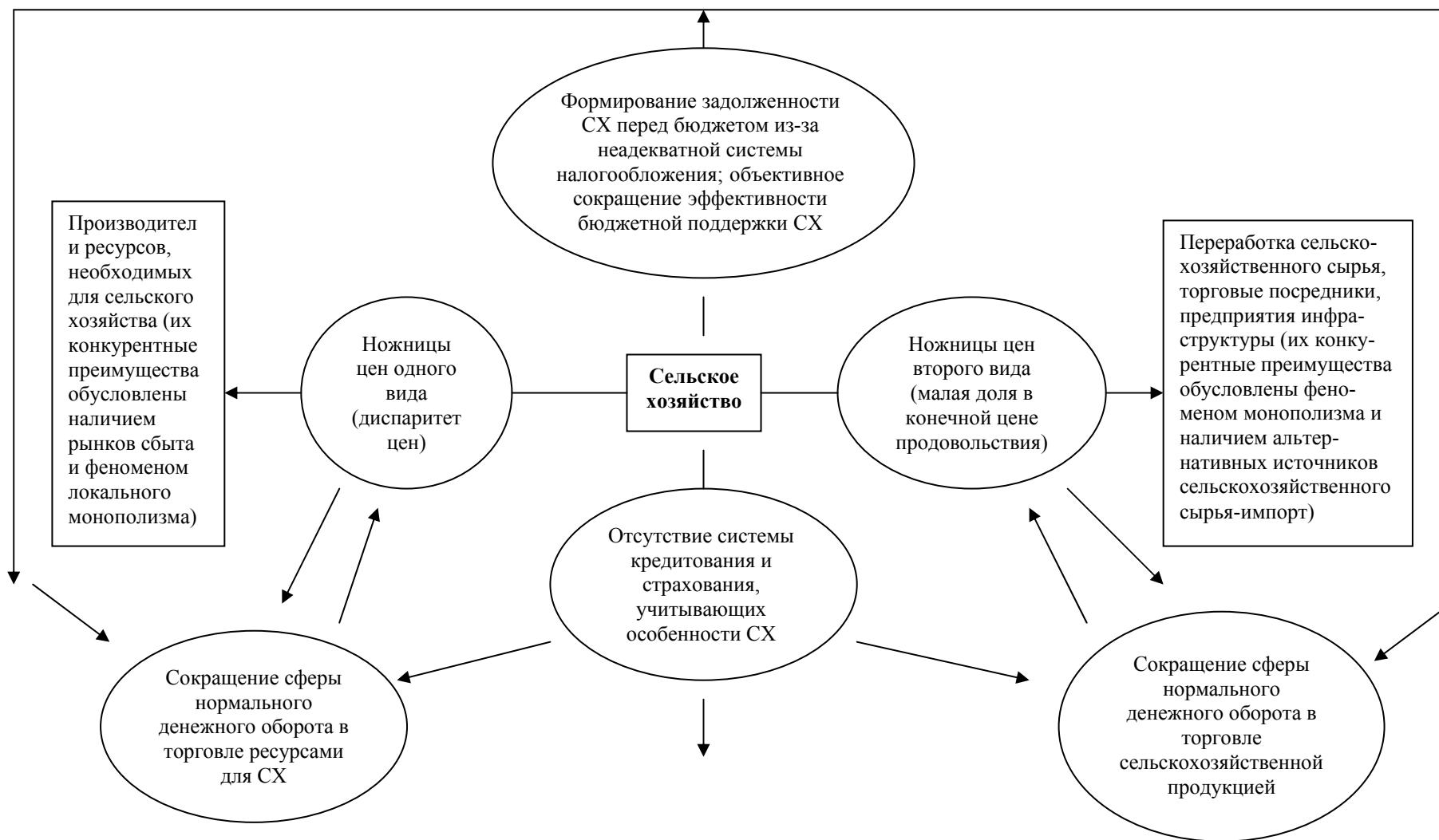

Рисунок 4 – Факторы, определяющие финансовый кризис в сельском хозяйстве (Ксенофонтов М. Ю., 2005)

Эффективная защита экономических интересов сельскохозяйственных производителей, восстановление ценового паритета могут быть обеспечены при переходе к более адекватной процедуре контрактации, учитывающей зарубежный опыт организации аграрных рынков. В развитых странах именно эти рынки характеризуются особенно сложной системой встроенных институтов, поддерживающих процедуру контрактации и позволяющих государству играть активную роль в межотраслевой и внутриотраслевой координации развития сельского хозяйства.

Достижения агрономической науки позволяют при грамотном подборе технологий, адаптации их на местах, межотраслевой оптимизации и обеспечивать гарантированные объемы производства независимо от погодных капризов и сюрпризов. Но эта фундаментальная технологическая основа на уровне повсеместного внедрения отсутствует. Более того, тенденции технологической деградации и, как следствие, экстенсификации – очень тревожный симптом. И вполне можно понять ученых, объясняющих нынешние урожаи «проеданием» последнего задела почвенного плодородия, сформированного еще в СССР. Мы имеем отрицательный баланс по основным элементам питания.

Остается серьезным положение с материально-техническим оснащением АПК: за последний год ситуация мало изменилась. По сравнению с 1990 г. парк основных видов сельскохозяйственных машин сократился на 35–45 %, а имеющаяся техника в большинстве случаев отслужила амортизационный срок. Сельскохозяйственные товаропроизводители вынуждены по этой причине переходить на самую примитивную технологию, что резко снижает эффективность производства. По уровню и качеству технической оснащенности сельского хозяйства Россия отстает от развитых стран на 20–30 лет (Стародубцев В. А., 2000). В расчете на 1000 га посевных площадей зерновых культур этот показатель в нашей стране за 1990–1998 гг. в 2–4 раза меньше по сравнению с Великобританией, Германией, Францией и США (Алтухов А. И. и др., 2005).

Общий износ сельскохозяйственной техники в аграрном секторе достиг критического уровня – 65–70 %. За последние годы выбытие основных фондов превысило их обновление в 12 раз (Потребность сельского хозяйства в бюджетных ресурсах прямо пропорциональна масштабам изъятия финансовых ресурсов из этой отрасли, обусловленного механизмом «ножниц» цен. Бюджетные ресурсы в этом случае фактически пополняют доходы отраслей, которые смогли обеспечить опережающий рост цен на свою продукцию. При сохранении «ножниц» цен никакая бюджетная поддержка не поможет решить задачу нормализации финансового положения сельского хозяйства. Велика опасность дискредитации как исходных целевых установок государственной поддержки аграрного сектора, так и инструментов их реализации. Нормализация финансового положения сельского хозяйства может быть достигнута лишь в результате комплекса мероприятий, обеспечивающих масштабное сокращение изъятия финансовых ресурсов из этой отрасли.

При острой нехватке и несовершенстве зерноуборочной техники, неэффективном ее использовании продолжительность полевых работ в отдельных регионах страны более чем в 2 раза превышает оптимальные агротехнические сроки. Это влечет за собой ежегодные потери зерна только при уборке урожая не менее 6–8 млн. т, существенное ухудшение его качества (Алтухов А. И. и др., 2005).

Технологические нагрузки на сельскохозяйственную технику в 2–3 раза превышают нормативные; уровень обновления тракторов уменьшился с 10,5 до 0,7 %, зерноуборочных комбайнов – с 9,3 до 0,3 %. По современным технологиям возделывают не более 10–15 % посевов зерновых культур (Алтухов А. И., 2000).

Количество тракторов к 1997 г. по сравнению с 1990 г. снизилось на 33,0 %, плугов – на 48,7, сеялок – на 46,8, зерноуборочных комбайнов – на 39,3, кормоуборочных – на 33,9 %. Почти полностью прекратилось приобретение основных видов техники предприятиями сельского хозяйства. В сопоставлении с 1985 г. покупка тракторов в 1997 г. уменьшилась в 22,8 раза, грузовых

автомобилей – в 38,2, зерноуборочных комбайнов – в 27,9, картофелеуборочных – в 52,0, кормоуборочных – в 18,2 раза. Оснащенность в расчете на единицу посевной площади по сравнению с западноевропейскими странами стала ниже в 12–15 раз. Поставка автомобильного бензина сельхозпредприятиям в 1997 г. по сравнению с 1985 г. снизилась в 8,8 раза, дизельного топлива – в 4,5 раза. Поэтому сроки проведения полевых работ и их качество не соответствуют технологическим требованиям. Производство основных видов сельскохозяйственной техники сократилось.

Средняя обеспеченность комбайнами и тракторами в расчете на единицу обрабатываемой площади в России в несколько раз отстает от передовых аграрных стран. Обеспеченность сельскохозяйственной техникой и производство ее не увеличиваются (табл. 69). Все это осложняет работу ученых, призванных предложить производству не только эффективные, но и приемлемые, в сложившихся условиях дефицита материальных средств, технологии.

Таблица 69 – Парк, производство и приобретение сельскохозяйственной техники предприятиями Российской Федерации (Состояние технической оснащенности АПК России. Техника и оборудование для села, 2002, № 11. С. 13–15)

Техника	1985	1990	1995	1997	1999	2000	2001
Парк основных видов техники, (тыс. шт).							
Тракторы	1425	1366	1052	916	863	818	795
Комбайны:							
зерноуборочные	510	408	292	250	210	199	196
кормоуборочные	151	121	94	80	64	60	59
картофелеуборочные	38	32	21	16	11	10	10
свеклоубороч. машины	27	25	20	17	15	19	15
Производство основных видов техники							
Тракторы, тыс. шт.	261	214	21	12	15	19	15
Комбайны:							
зерноуборочные, тыс.шт.	112	66	6	2	2	5	9
кормоуборочные, шт.	7614	10118	511	324	315	439	754
льноуборочные, шт.	3800	3356	107	62	154	146	140
доильные установки	38900	30742	528	459	369	419	460
Приобретение сельскохозяйственной техники, тыс. шт.							
Тракторы	187	144	15	9	10	11	13
Грузовые автомобили	130	98	5	2	2	2	2
Комбайны:							
зерноуборочные	70	38	6	2	2	3	8
картофелеуборочные	5	4	0,5	0,1	–	–	–
кормоуборочные, шт.	22	14	3	0,5	0,9	1,4	2

За годы реформ произошло существенное сокращение инвестиций в основной капитал. Если в 1990 г. они составляли 15,9 % от всех инвестиций в основной капитал, то в 2000 г. они снизились до 3,3 % (табл. 70).

Таблица 70 – Инвестиции в основной капитал в сельском хозяйстве, млрд. руб.
(в фактически действовавших ценах)

Показатели	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	2000
Инвестиции в основной капитал – всего	249,1	210,5	2670,2	27125	108810	266974	375958	–
В том числе								
сельское хозяйство	39,5	37,4	288,5	2136	5415	9284	10797	
в % от всех инвестиций	15,9	17,8	10,8	7,9	5,0	3,5	2,9	2,8

Наука и ее достижения оказались невостребованными. В 90-е гг. XX в. сократились ассигнования на исследования. В Основных итогах работы РАСХН за 1992–1996 гг. (1997) подчеркивалась активизация этой тенденции из года в год. В 1991 г. в науку было вложено 13,44 млрд. руб., в 1992 г. – 6,04, в 1995г. – 3,11 млрд. руб. (в сопоставимых ценах), т. е. налицо ограничение финансирования в 4,3 раза (табл. 71).

Таблица 71 – Объем финансирования науки в постоянных ценах 1991 г., млрд. руб.

Годы	Объем финансирования, млрд. руб.	В % к 1991 г
1991	13,44	100
1992	6,04	44,9
1993	4,87	36,2
1994	3,61	26,8
1995	3,11	23,1

Расходы на науку в развитых странах несколько раз выше по сравнению с Россией. Расходы на исследования и разработки в 1993 г. составили в России 43 дол., Великобритании – 325, Франции – 439, США – 611, Японии – 579 дол., в расчете на душу населения, По гражданской тематике расходы соответственно составили 0,44; 1,70; 2,00; 2,10; 3,00 % от ВВП.

Из-за тяжелого финансового положения в хозяйствах и предприятиях АПК, вызванного спадом государственной поддержки и диспаритетом цен на сельскохозяйственную продукцию практически прекратились прямые договора с производством. В связи с этим общий реальный объем финансирования

аграрной науки России в 1995–1996 гг. сократился в 10–12 раз. Если в 1986–1990 гг., в целом по СССР, на развитие науки уровень бюджетного составлял, 35–0,4 % от стоимости валовой продукции АПК, то в США – 1,7 %, Великобритании – 1,9 %.

Ученые-аграрники считают, что катастрофическое положение, сложившееся в конце XX столетия – это неизбежное следствие реформ и методов их осуществления. Преобразования были начаты и проходили без предварительной научной проработки, уточнения конкретных целей и задач, без прогнозирования динамики и конечных результатов. Научное обеспечение намечаемых мероприятий было подменено мерами «шоковой терапии».

Из 77 зернопроизводящих регионов только 14 (18 %) были с избыточным производством зерна в размере около 5 млн. т, а более 80 % регионов испытывали его недостаток в объеме около 20 млн. т.

Несмотря на резкое сокращение посевных площадей, снижение урожайности и валовых сборов зерновых культур, усиливавшееся отставание зерновой отрасли от мирового уровня, потенциал зернового хозяйства России по мнению А. И. Алтухова и др. (2005) по-прежнему следует рассматривать как реальный и наиболее крупный источник национального богатства. Игнорирование государством значимости зернового хозяйства для обеспечения жизненного уровня населения и продовольственной безопасности страны способствовало произошедшему спаду производства зерна, нанесению ей экономического и социального ущерба от развала отрасли. За годы так называемых экономических преобразований Россия заметно уступила свои позиции по производству зерна среди стран мира, что негативно отразилось на ее продовольственном обеспечении. При этом сокращение площадей под зерновыми культурами, падение валовых сборов зерна затронуло все регионы его товарного производства, которые ранее производили более половины собираемого урожая, получение на душу населения свыше 1 т сравнительно дешевого и качественного зерна.

В 2002 г. в США было 93 млн. голов крупного рогатого скота, 60 млн. свиней, 8,5 млрд. голов домашней птицы. В России поголовье крупного рогатого скота уменьшилось с 57 млн. в 1991 г. до 23 млн. в 2004 г., коров соответственно – с 20,6 до 10,3, свиней – с 38,4 до 13,4, овец – с 58 до 17,8, птицы с 660 млн. до 341 млн. голов.

Само обеспечение продуктами питания США составляет 112 %. В России же доля импорта по основным продуктам составляет 35–40 %.

После принятия Закона о поддержке сельского хозяйства в 30-х годах XX столетия в США, оно функционирует в условиях мощной государственной поддержки. Государственная поддержка является обязательным условием стабильности современного сельского хозяйства. Ныне 24 развитые страны мира на поддержку сельского хозяйства расходуют 274 млрд. долларов в год, что составляет 38 % стоимости валовой продукции. В США совокупная поддержка с 1997 г. по 2000 г. возросла почти вдвое. Ее объем в расчете на душу населения составляет 271, в России – лишь 10 долларов.

В США с принятием Закона о поддержке сельского хозяйства эти противоположные интересы были учтены. Сельское хозяйство с этого времени развивалось стабильно и без потрясений. Фермеры были заняты сельским хозяйством, а не осуществлением мифических идей.

В 90-е годы XX в. проблему перехода к рыночным отношениям российское правительство пыталось решить за счет сельского населения. Это привело к созданию богатейшей прослойки в обществе и небывалому разрушению сельского хозяйства и обнищанию крестьянства.

Из-за диспаритета цен из отрасли, по разным оценкам, изъято более 400 млрд. рублей. Ежегодно сельское хозяйство вносило в бюджет более 100 млрд. рублей налогов, а в расходной части бюджета ему выделялось в пределах 25–80 млрд. рублей. За годы реформ поддержка отрасли государством сократилась более чем в 10 раз.

За годы реформ по уровню калорийности питания населения Россия переместилась с 7-го на 43–47 место. Если в 1989–1990 гг. советский человек потреблял 3 323 ккал в сутки, то к 1998 г. – 2 505–2 200 ккал., т. е. на 30 % ниже. Калорийность питания населения нашей страны стала на 20–30 % ниже, чем в странах Европейского сообщества и США. Дефицит белка в пищевом рационе достиг 25–30 %, витаминов 30–40 %. Обеспеченность продуктами питания населения России представлена в таблице 72 и рисунке 5.

Таблица 72 – Обеспеченность населения России в продуктах питания, кг/год

Виды продуктов	Медицинская норма, кг	1990 г.	1996 г.		
			Россия	США	Англия
Хлеб и хлебобродукты	110	133	117	104	90 ¹
Мясо и мясopодукты	78	67	47	115	67
Молоко и молокопродукты	390	358	232	266	306 ¹
Яйца, шт.	291	258	207	238	207 ¹
Рыба и рыбопродукты	23	16,5	9,4	10,5	14,0
Сахар	39	44,9	33	30	37
Масло растительное	13	10,2	7,9	24,2	18,2
Картофель	117	100	125	64	94 ²
Овощи и бахчевые	139	92	75	113	76
Фрукты и ягоды	113	36	31	100	95

Примечание: ¹ 1992 г., ² 1991 г.

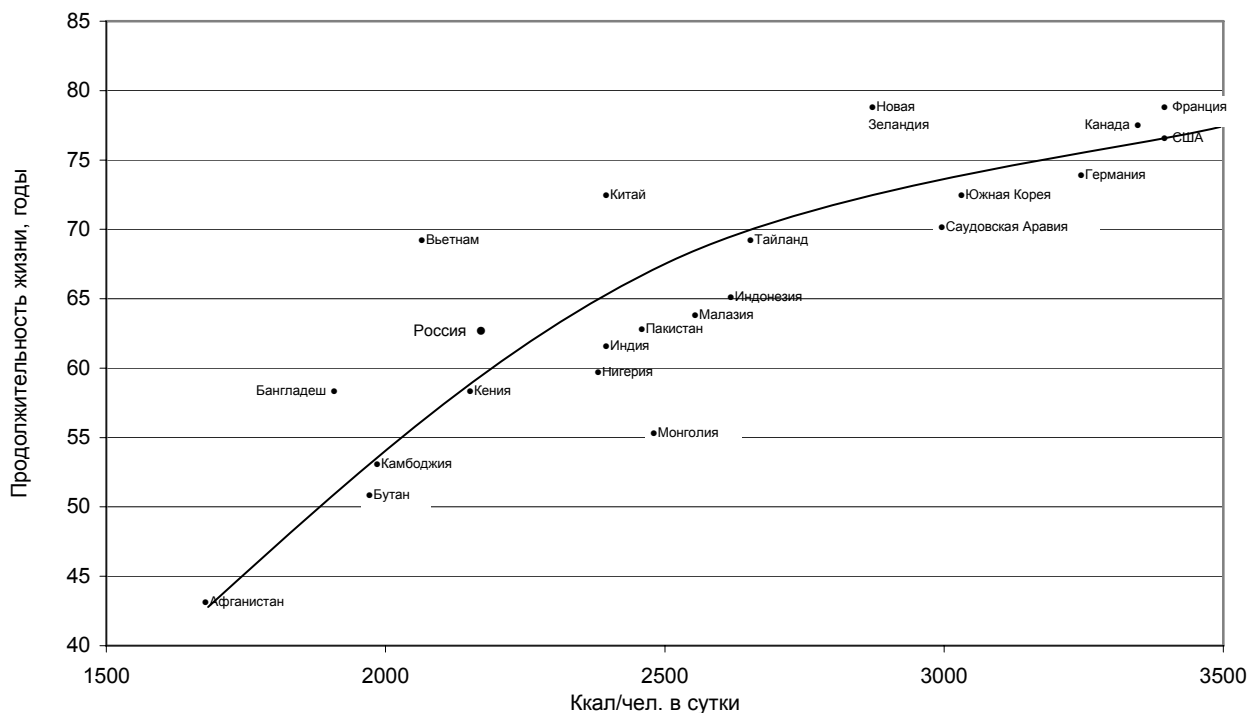

Рисунок 5 –

Динамика производства продукции сельского хозяйства в сравнении с другими странами свидетельствует, что в целом в мире происходит увеличение производства продукции сельского хозяйства (табл. 73).

Таблица 73 – Динамика производства продуктов сельского хозяйства и продуктов питания (1989–1991 гг. = 100 %)

Страны	1992	1993	1994	1995	1996
Общее производство продукции сельского хозяйства					
Россия	82,0	78,1	67,2	60,9	63,2
США	109,8	100,4	116,3	109,2	115,2
Китай	110,1	119,9	130,4	142,3	147,1
Великобритания	101,9	98,2	99,5	100,5	103,2
Мировой итог	103,3	103,8	107,5	110,1	113,0
Производство продукции растениеводства					
Россия	99,4	93,2	76,6	126,3	75,8
США	114,2	96,2	121,5	103,2	115,7
Китай	106,4	114,4	117,2	124,7	125,8
Великобритания	104,0	97,8	96,1	98,9	108,5
Мировой итог	103,9	104,1	107,1	108,3	111,9
Производство продукции животноводства					
Россия	84,0	80,6	74,1	63,3	62,0
США	104,9	105,3	110,1	112,3	113,6
Китай	120,2	133,9	158,2	183,7	199,0
Великобритания	100,1	97,7	101,2	101,2	100,3
Мировой итог	101,9	103,4	106,9	110,7	113,1
Производство продуктов питания на душу населения					
Россия	81,6	77,9	67,2	61,0	63,5
США	107,7	97,1	111,4	103,9	108,6
Китай	107,9	117,5	127,7	138,3	142,7
Великобритания	101,2	97,4	98,6	99,7	102,3
Мировой итог	100,3	99,7	101,9	102,8	104,4

Среди великих стран наиболее быстрыми темпами происходит увеличение продукции сельского хозяйства (животноводства и растениеводства) в Китае. В России, начиная с 1989–1991 гг. происходит резкое падение производства продукции сельского хозяйства. Снижение общего производства продукции сельского хозяйства составило на 26,8 %, растениеводства – на 24,2%, животноводства – на 38 %. Производство продуктов питания на душу населения в 1996 г составило 63,5 % по отношению к 1989–1991 гг.

Кризисные явления в сельском хозяйстве имеют объективную и субъективную основы. По оценке ФАО, выход России из кризиса и частичное восстановление сельского хозяйства в лучшем случае можно ожидать лишь к 2010 году. При этом производство продукции на душу населения еще не достигнет 1990 года.

Предполагалось, что фермерские хозяйства будут создаваться за счет существующих материально-технических баз колхозов и совхозов. Учитывая эти тенденции в государственной политике и отсутствие соответствующей законодательной базы, сельскохозяйственное чиновничество начало усиленно разворовывать имущество колхозов и совхозов, разрушать их, вместо реформирования.

Это привело к падению производства и потребления основных видов продукции. В Мордовии с 1985 г. по 1993 г. поголовье крупного рогатого скота снизилось на 22 %, свиней на 43 %, овец на 60 %. Производство мяса с 1989 по 1992 гг. снизилось на 19 %, молока на 32 %, яиц на 9%, овощей на 16 %. Лишь производство картофеля увеличилось на 70,8 %. Потребление молока снизилось на 25,3 %, рыбы и рыбопродуктов почти вдвое, сахара по сравнению с 1985 г. – 46 %.

Крупное частное землевладение вовсе не ставит перед собой задачу повышения благосостояния широких слоев населения, защиту их интересов. Его цель – увеличение доходности земли, нажива, которые сводят на нет то главное преимущество, что делает крупные земельные участки удобными для организации на них рациональных, при данных условиях, хозяйств. Сама идея создания крупного землевладения путем обесценивания земли с присвоением основных и оборотных средств колхозов и совхозов узкой прослойкой бюрократического чиновничества таит в себе громадную опасность для государства. О том, что само по себе частное владение землей не дает эффекта, свидетельствует опыт отечественного земледелия. В условиях частного владения землей в период столыпинских реформ урожайность зерновых культур составила около 7 ц/га. Сельское хозяйство развивалось за счет

мускульной силы земледельца. Зажиточные крестьяне вкладывали всю выручку в развитие хозяйства. Согласно бюджетным исследованиям, например, М. Ф. Конкин из Воеводска, имеющий 3,2 десятины земли, получал 332 руб. со всего хозяйства, а расходовал 349 руб.; Б. В. Овчинников, имеющий 6,1 десятины, получал 812 руб., а расходовал 942 руб. (Бюджетные исследования, 1923).

Миф о неэффективности колхозов и совхозов по сравнению с хозяйствами, основанными на частной собственности, не выдерживает критики. Кризис в земледелии возник как результат длительной и целенаправленной политики государства. Без Закона о поддержке сельского хозяйства государство в одинаковой степени разорит колхоз, совхоз и фермера. В настоящее время делается попытка переключить внимание общественности с реальных причин кризиса на второстепенные, идеологические. Под видом реформ ведется развал уклада сельскохозяйственного производства: нет никакого экономического анализа, обоснования целей и задач реформы, учета мнения регионов, общественности; все делается келейно, в спешке. Каким укладом деревенская жизнь обновится после осуществления реформы, никому не известно. Уже первые результаты нынешней земельной реформы свидетельствуют, что она сопровождается технологической деградацией земледелия, его экстенсификацией.

Свертываются «цивилизованные» формы хозяйства и возрождаются архаичные технологии прошлых столетий. Тяжелое финансовое положение большинства хозяйств привело к катастрофическому снижению уровня технической оснащенности сельскохозяйственного производства. По оценкам экспертов, создавшиеся «ножницы» в ценах на ресурсы, поставляемые сельскому хозяйству и его продукцию, привели к резкому сокращению спроса на технику. По данным А. А. Шутькова (2000) если в 1990 г. хозяйства приобретали 143,7 тыс. тракторов, то в 1998 г. только 6,4 тыс. ед., грузовых автомобилей – соответственно 97,6 тыс. и 980 ед., зерноуборочных комбайнов – 38 тыс. и 717 ед. соответственно.

Если в 1986 г. сельскохозяйственные предприятия приобрели 174 тыс. тракторов, то в 1992 году – только 83 тыс. Поставки грузовых автомобилей сократились за этот период почти в три раза, кормоуборочных комбайнов – в 5 раз. Более половины используемых на селе машин устарело, и сроки их использования в несколько раз превышают нормативные. В Мордовии поставки тракторов в 1993 г. по сравнению с 1981–1985 гг. сократились в 9 раз, грузовых автомобилей в 14 раз, зерноуборочных машин в 7 раз. Сокращается число уже имеющейся сельскохозяйственной техники. Только за 1993 г. в Мордовии количество тракторов уменьшилось на 6 %, зерноуборочных машин – на 7 %, кукурузоуборочных комбайнов – 30 %, свеклоуборочных машин – 13 %, жаток валковых – 14%, сеялок – 9 %, плугов – 11 %. Причем 19–51 % всей техники находится в неисправном состоянии.

Прекращены работы по повышению плодородия почв. Сегодня возникла бесспорная необходимость реформирования сельского хозяйства. Но превращение наемного сельскохозяйственного рабочего в собственника не должно сопровождаться разрушением и разворовыванием имущества этих хозяйств. Есть другой, проверенный практикой отечественного земледелия путь превращения наемных рабочих в действительных собственников путем превращения крупных хозяйств в кооперативные объединения, с созданием соответствующей законодательной базы.

Частная собственность на землю, фермеризация сельского хозяйства не является панацеей от всех бед. Экономическое развитие сельского хозяйства, повышение благосостояния широких слоев населения возможно только в условиях государственной поддержки этой отрасли.

В. И. Кирюшин (2000) отмечает, что огромное количество научных разработок оставалось невостребованным из-за тяжелого финансового положения предприятий и организаций. Научные учреждения и вузы не имели возможности приобретать материальные ресурсы, лабораторное оборудование, научное общество оказалось изолированным от производства и общения друг с

другом – для выезда ученых в командировки денег не было. Не восстанавливалась научно-производственная база.

По данным Н. К. Долгушкина (2003) инновационный потенциал АПК используется на 4–5 %, в то же время в США этот показатель превышает 50 %. В России уровень востребованности научных достижений находится в пределах 7 %, тогда как в 1990 г. он был задействован на 65 %. В результате биологический и генетический потенциалы выведенных селекционерами сортов и гибридов сельскохозяйственных растений, пород и линий животных реализуются лишь на 30–40 % (Ушачев И. Г., 2003).

Социально-экономическое положение населения России стало ухудшаться (табл. 74). Впервые за многовековую историю нашей страны с 1992 года численность населения начала уменьшаться. Ежегодно страна теряет почти миллион своих граждан. В Мордовии, например, ежегодно рождается 7 тысяч детей, а умирает 15 тыс. человек. За последние 8 лет исчезло более 25 тысяч деревень и столько же закрыто школ. Рождаемость населения снизилась вдвое, увеличилась смертность населения, естественная убыль населения достигла к концу XX столетия 5,3 %.

Таблица 74 – Показатели естественного движения населения (*Российский статистический сборник, 1997*)

Показатели	1986	1989	1994	1995	1996
Все население РФ					
Население, млн.	143,6	147,0	148,0	147,9	147,6
Естественный прирост, (-) убыль населения	6,8	3,9	-6,1	-5,7	-5,3
Рождаемость на 100 чел.	17,2	14,6	9,6	9,3	8,9
Смертность на 100 чел	10,4	10,7	15,7	15,0	14,2
Сельское население					
Естественный прирост, (-) убыль населения	6,1	3,7	-6,1	-5,6	-5,8
Рождаемость на 100 чел.	18,6	16,4	11,4	10,9	10,4
Смертность на 100 чел	12,5	12,7	17,5	16,5	16,2

Под давлением Минсельхоза России и Россельхозакадемии Правительством РФ в 1992 г была принята Государственная комплексная программа «Повышение плодородия почв России на период до 2000 г.», но деньги на эту Программу так и не нашлись и она осталась нереализованной (Каштанов А. Н., 2000).

Разработанные наукой для экономики страны в целом принципы, должны быть приняты и для реформирования её аграрного сектора, но с учётом специфики её функционирования, экономического и демографического состояния отрасли:

Даже в условиях рыночной экономики продовольственный рынок и наполняющая его сфера - сельское хозяйство не являются саморегулирующими секторами хозяйственной системы. Рыночные силы сами по себе не могут создать баланс спроса и предложения. Отсюда необходимость государственного регулирования продовольственного рынка и сельского хозяйства путём их финансовой поддержки, как это делается во всех странах с высокоэффективной аграрной сферой.

Система мер по регулированию и протекционизму на сельскохозяйственном рынке должна включать не только государственные меры прямых субвенций сельскому хозяйству, но и другие источники поддержки сельского хозяйства, прежде всего инновационного процесса в нём, включая средства самих товаропроизводителей.

При высокой фондоёмкости сельского хозяйства и его низкой фондоотдаче государственное вмешательство в области ценообразования, налогообложения, кредита и других мер экономического регулирования производственной аграрной сферы для поддержания необходимого уровня его рентабельности и сбалансированного паритета цен на сельскохозяйственную продукцию и продукцию ресурсопоставляющих и обслуживающих отраслей, необходимую для ведения сельскохозяйственного производства, следует считать обязательным условием оздоровления экономической ситуации. Другими словами, требуется неуклонное соблюдение законов эквивалентности межотраслевых товарных отношений. Кроме того, требуется разработать и реализовать механизм поддержки аграрных цен. В странах ЕС, например, суммарный «эквивалент субсидий производителям» составляет 75 % (1994 г.), в Японии – 87 %, в США и Канаде – около 50 %, в Австралии и Новой Зеландии – 45–55 %. Доля других видов поддержки аграрного сектора, выражающихся в предоставлении

различных услуг, строительстве объектов инфраструктуры и т.д. во многих развитых странах достигает 40–60 %. В целом по развитым отраслям общий уровень государственного субсидирования (прямого и скрытого, за счёт повышения цен) в середине 90-х годов составлял примерно 45 %.

Литература

1. Агропромышленный комплекс РСФСР. – М., 1990. – 283 с.
2. Адамович А. «Мы — шестидесятники». — М.: Советский писатель, 1991, 327 с.
3. Алтухов А. И. Зерновой рынок России рубеже веков. – М.: АМБ-агро, 2000. – 473 с.
4. Алтухов А. И., Нечаев В. И., Трубилин А. И., Карсанов К. Б., Санду А. И. Повышение эффективности производства зерна на основе научно-технического прогресса.- М.: АгриПресс, 2005. – 208 с.
5. Бюджетное исследование крестьянских хозяйств / Пенз. губ. стат. бюро. – Пенза, 1923. – Ч. 3. – Вып. 1. – 121 с.
6. Великобритания: Стат.сб. – М.: Статистика, 1989. – 78 с.
7. Гордеев А. В. Приветствие министра сельского хозяйства Российской Федерации А. В. Гордеева участникам Первого Конгресса экономистов-аграрников / Роль и место агропромышленного комплекса в удвоении валового внутреннего продукта России. Материалы Первого Всероссийского конгресса экономистов-аграрников (14-15 февраля 2005 г., г. Москва). – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2005. – С. 3–5.
8. Долгушкин Н. К. Приветственное слово участникам Международной научно-практической конференции по развитию инновационной деятельности в АПК (10-12 ноября 2002г., Москва). – М.: ФГНУ Росинформагротех, 2003. – С. 9–13.
9. Кара-Мурза С. Удавка на шее деревни // Сельская жизнь, – 1993. – 25, 30 дек.
10. Каштанов А. Н. Земледелие России (прошлое, настоящее, будущее) // Проблемы агропромышленного комплекса России. – М., 2000. – С. 158–165.
11. Кирюшин В. И. Экологизация земледелия и технологическая политика. – М.: Изд. МСХА, 2000. – 473 с.
12. Ксенофонов М. Ю. Агропромышленный комплекс в контексте сценариев развития экономики страны / Роль и место агропромышленного комплекса в удвоении валового внутреннего продукта России. Материалы Первого Всероссийского конгресса экономистов-аграрников (14-15 февраля 2005 г., г. Москва). – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2005. – С. 52–59.

13. *Львов Д. С.* Основные направления новой экономической политики России / Роль и место агропромышленного комплекса в удвоении валового внутреннего продукта России. Материалы Первого Всероссийского конгресса экономистов-аграрников (14-15 февраля 2005 г., г. Москва). – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2005. – С. 33–36
14. *Маркин Б. К.* Влияние природных условий и факторов интенсификации на формирование урожайности зерновых культур в Поволжье // *Зерновое хозяйство*, 2004, № 1. – С. 2–4.
15. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 576 с.
16. *Нечаев В. И., Рыбалкин А. П.* Резервы увеличения производства зерна и повышения его эффективности: региональный аспект / Под ред. Акад. РАСХН И. Т. Трубилина. – И.: АгриПресс, 2002. – 284.
17. *Романенко Г. А.* Научное обеспечение – важнейший фактор вывода АПК из кризиса // *Проблемы агропромышленного комплекса России*. – М., 2000. – С. 150–158.
18. Российский статистический ежегодник. Официальное издание. Статистический сборник. / Госкомстат России. – М., 1997. – 749 с.
19. Россия в цифрах. Официальное издание. М., 2001. – 399 с.
20. *Стародубцев В. А.* Аграрная реформа: сегодня и завтра // *Проблемы агропромышленного комплекса России*. – М., 2000. – С. 10–17.
21. *Ушачёв И. Г.* Экономические проблемы развития инновационных процессов в агропромышленном производстве // Развитие инновационной деятельности в АПК (По материалам Межд. Науч.-тех. конф., 10-12 ноября 2002 г.). – М.: ФГНУ Росинформагротех, 2003. – С. 9–13.
22. *Ушачёв И. Г., Баутин В. М., Шутьков А. А. и др.* Научно-техническое развитие агропромышленного комплекса России (состояние и перспективы). Коллективная монография. – М.: Экономика и информатика, 2001. – 392 с.
23. *Шутьков А. А.* Восстановление и развитие агропромышленного комплекса // *Проблемы агропромышленного комплекса*. – М., 2000. – С. 46–60.